

К посланию Президента России

ПОСЛАНИЕ ПУТИНА: ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРИАДА

Н.Извеков..... 3

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МОЖЕТ ВЫЖИТЬ ТОЛЬКО СИЛЬНАЯ

РОССИЯ *В.Круглов* 8

Статьи

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ *В.Павленко*.....11

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ВТО И РОССИЯ: СТАРАЯ СКАЗКА ПРО “ВЕРШКИ И КОРЕШКИ”

Б.Габараев, В.Ершов21

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВТО *И.Комаров,*

А.Максимов, С.Ходкин31

НАМЕРЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ *А.Исаков*44

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ *С.Иванова*.....51

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ – УТОПИЯ

ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ? *Ю.Бойко*59

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГАС “ВЫБОРЫ” *С.Савин*66

ЧЕЧНЯ ВМЕСТО ИЧКЕРИИ *Ю.Григорьева*73

ТЕРРОРИЗМ – ВЗРЫВЫ, СОТРЯСАЮЩИЕ МИР *А.Тихонов*.....84

РОССИЯ И ООН XXI ВЕКА: НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ *Л.Гришаева*.....89

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МАКЕДОНИИ *Е.Пономарева*95

ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА *С.Калинченко*104

...И НАСТУПИЛИ БУДНИ *А.Берков*.....111

ИЗДАТЕЛЬ

ООО

“РАУ-

Университет”

ГЛАВНЫЙ

РЕДАКТОР

ШТОЛЬ В.В.

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ЕРЕМЕНКО И.Н.
(исполнительный

директор редакции)
НОВИКОВ Ю.Д.

(заместитель
главного редактора)

АБАШИДЗЕ А.Х.

БЕРКОВ А.А.

ДЕРЯБИН Ю.С.

ЗИМЕНКОВ А.Л.

ИЗВЕКОВ Н.Н.

КОМАРОВ И.К.

КОТИЛЕВСКИЙ

М.Д.

ЛЕБЕДЕВ Ю.В.

ЛУНЬКОВ А.Г.

МЧЕДЛОВ М.П.

ОРЛОВ А.А.

ПЕТРАКОВ Н.Я.

РЕПКИН Ю.М.

ЯХЬЯЕВ Т.Г.

**НАУЧНО-
РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

АРИСТОВ В.В.

ГАБАРАЕВ Б.А.

ГАЛОГАНОВ А.П.

ДЕЛЯГИН М.Г.

ЕФИМОВ Б.Е.

ЖУРКИН В.В.

ЗОРИН В.С.

ИВАШОВ Л.Г.

ИВЛИЕВ Г.П.

КАШЛЕВ Ю.Б.

КРЕМЕНЮК В.А.

ЛАДЫГИН Ф.И.

ЛАПТЕВ П.А.

ЛЬВОВ Д.С.
ПОПОВ В.И.
ПРИМАКОВ Е.М.
СЕМИГИН Г.Ю.
СУХАРЕВ А.Я.
ТИТАРЕНКО М.Л.
ТОРКУНОВ А.В.
ШАХНАЗАРОВ
К.Г.
ЯКОВЛЕВ В.Ф.

Ежемесячный
информационно-
аналитический
журнал
«Обозреватель–
Observer»
издается с 1992 г.

ПОСЛАНИЕ ПУТИНА:
ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ТРИАДА

**При решении трех основных геополитических задач,
Россия сможет обрести достойное место
в мире XXI века**

Н.Извеков,
вице-президент Внешнеполитической ассоциации

После прочтения послания Президента Владимира Путина, с которым он выступил перед Федеральным Собранием России 10 мая 2006 г. возникает немало мыслей и ассоциаций. Оно имеет, несомненно, программный, рассчитанный на длительную перспективу характер. В этой связи можно обратить внимание на один очень важный аспект этого документа.

Речь пойдет о внешнеполитическом, а точнее говоря о главном геополитическом ориентире для России на ближайшие годы. Да, действительно имеются в виду серьезные геополитические задачи, которые нашей стране предстоит решать в обозримом будущем. Именно достижение намеченных в послании целей позволило бы России занять подобающее ей место в дрейфующем в направлении многополярности мире XXI в.

Судить о том, каким образом могут решаться обозначенные Путиным задачи можно, как представляется, по цитате, приведенной им в тексте послания. Безусловно, процитированное высказывание президента США Ф.Д.Рузвельта, относящиеся к 1934 г., не случайно, но и весьма показательны. Но, видимо, нужно напомнить читателям, что удалось сделать этому крупнейшему американскому государственному деятелю за 12 лет пребывания в Белом доме в Вашингтоне (1933–1945 гг.) для своей страны.

Путем реализации комплекса экономических и социальных мероприятий, вошедших в историю как “новый курс”, рузвельтовская администрация смогла не только вывести США из глубочайшего в истории этой страны экономического кризиса 1929–1933 гг., но и обеспечить в дальнейшем удвоение производительного потенциала и переход на более высокий научно-технический уровень за счет разработки совершенно нового вида энергии – атомной.

Невозможно также обойти вниманием тот факт, что политические и экономические отношения между нашей страной и Соединенными Штатами в 30-е годы прошлого века получили заметное развитие после того, как на пост президента вступил Рузвельт. Во время второй мировой войны наши страны стали союзниками. Благодаря этому нам удалось получить значительную американскую помощь в виде поставок вооружений, военной техники и материалов, а также продовольствия.

Сказанное подтверждает, что обращение к американскому опыту рузвельтовского периода не только уместный, но и весьма удачный ход. Всегда полезно иметь перед глазами успешный опыт других стран, приведший к высоким конечным результатам. Разумеется, существуют многие объективные различия между США 30-х годов XX столетия и современной Россией. Однако есть и элементы сходства в отношении некоторых ситуаций.

Например, при осуществлении программ “нового курса” администрации Рузвельта пришлось преодолевать сопротивление мощных консервативных политических группировок, связанных с крупным бизнесом, и бороться самыми жесткими методами с разгулом организованной преступности и коррупции. России еще предстоит решать подобные задачи.

Кроме того, многие обозреватели считают, что в послании Путина в завуалированной форме был дан ответ на критику в адрес России, прозвучавшую незадолго до этого в выступлении вице-президента США Р.Чейни. Есть многие основания полагать, что это действительно так.

Действительно, упреки в отступлении от демократии, озвученные американским вице-президентом в Вильнюсе, выглядят, по меньшей мере странно. И в самом деле Чейни представляет администрацию США, которая предпочитает действовать как внутри, так и вне страны без особой оглядки и на свое собственное законодательство, и международное право. За примерами не надо далеко ходить.

Под предлогом борьбы с “международным терроризмом” нынешняя республиканская администрация, вопреки действующим в стране законам, предприняла столь масштабные меры по усилению полицейского режима внутри страны, которые сопоставимы с тем, что происходило в США в период печально памятного “маккартизма”. Наглядно подтверждая суждение, что внешняя политика страны является продолжением внутренней, США продвигают “демократию” за рубежом с помощью открытого насилия, путем осуществления ракетно-бомбовых ударов и военной оккупации суверенных государств. Такая вот “бомбовая демократия” появилась в начале XXI в.

Конечно, ни о какой приверженности международному праву в данном случае не может быть и речи. Хотя прекрасно известно, что именно “верховенство закона” является основой демократического строя во всех его разновидностях.

В данном случае также важно отметить и другое существенное обстоятельство. А именно то, что из слов Путина в адрес “волка” становится очевидным нежелание России и далее мириться с усилившимися в последнее время зарубежными претензиями и упреками в отношении проводимой ею политики. Отсюда логично следует, что несмотря на эту критику извне, она будет продолжать проводить линию на защиту своих интересов по всем азимутам. Однако ответы на подобные нападки могут даваться не обязательно в прямой форме. В любом случае, форма ответа может быть связана с соблюдением определенных дипломатических норм и правил. Отступление от них обычно чревато негативными последствиями для той стороны, которая их допускает.

Опыт международных отношений недавнего прошлого, в частности, связанный с периодом “холодной войны”, как раз говорит о том, что возникновение на межгосударственном уровне открытой полемики в виде словесной перепалки ведет лишь к ухудшению общей атмосферы, которое может привести к более серьезным последствиям, нежелательным как для обеих сторон, так и для международного сообщества в целом. Завуалированная форма ответа с российской стороны как раз говорит о её стремлении извлекать уроки из прошлого и о нежелании втягиваться в ненужную и даже вредную полемику. На этот счет можно было бы привести одну старую восточную поговорку: “Собаки лают, а караван идет своей дорогой”.

Разумеется, путь, по которому предстоит следовать российскому государству, будет нелегким, сопряженным с преодолением многих трудностей и разрешением ряда непростых проблем, существенным образом влияющих на ход и направление дальнейшего развития страны.

Для правильного выбора пути развития нашей страны на перспективу необходимо, разумеется, реально понимать и оценивать главные тенденции в глобальной динамике общемирового процесса современности. В настоящее время широко признается, что самой заметной долгосрочной тенденцией является перемещение “центра тяжести” мирового экономического развития из Евро-Атлантического в Азиатско-Тихоокеанский географический регион.

Конечно, Европа и Северная Америка всё ещё имеют более высокий уровень “капитализации экономики” и, соответственно, больший масштаб валового внутреннего продукта (ВВП). Они опираются также на более развитый научно-технический потенциал. Однако страны АТР, особенно Китай, заметно обходят страны Запада по темпам развития производительных сил в сфере выпуска продукции общественного и массового индивидуального потребления. Товары китайского производства из-за сравнительно небольших производственных издержек в промышленности и сельском хозяйстве КНР обладают повсеместно высокой конкурентоспособностью. Это дает Китаю такую возможность в последнее время теснить западные страны на их собственных внутренних рынках готовой продукции.

Он также осуществляет массивную целевую программу по повышению своего научно-технического потенциала. Отражением таких усилий является недавний выход КНР в космос, означающий превращение этой страны в третью космическую державу мира после России и США.

Подобные тектонические подвижки в расстановке сил на мировой арене представляют собой в возрастающей степени “головную боль” для Вашингтона, всё ещё претендующего на роль единственной супердержавы в начале XXI столетия. Нельзя сказать, что перспектива дальнейшего усиления позиций Китая радует и руководство Европейского союза. Тем более, что для европейцев динамично растущая китайская экономика выступает как все более серьезный конкурент на внешних и даже их внутренних рынках.

В последнее время к этому добавляются заметные опасения руководства Евросоюза по поводу того, что российский экспорт энергоресурсов может быть в значительной мере переключен на более ёмкий китайский рынок. В таком случае экономические позиции ЕС, переживающего ныне заметные трудности в связи со стагнацией в экономике и последствиями быстрого расширения союза, были бы вновь существенно ослаблены.

Наблюдаемые в мире изменения геополитического порядка имеют применительно к России диалектический характер. С одной стороны, несомненно, они открывают для нашей страны определенные “окна возможности” с точки зрения улучшения её экономического и, в конечном счете, геополитического положения. Россия, например, может извлечь значительную пользу из таких факторов как существование добрососедских отношений стратегического партнерства и многогранного сотрудничества с могучим Китаем, так и из специфики своего географического положения на евразийском пространстве между двумя центрами экономического могущества: старым – Европой и новым – Китаем. Наряду с этим, ныне изменяющаяся геополитическая ситуация на международной арене может означать также скрытый вызов для дальнейшей роли России в современном мире.

В целях сохранения в перспективе надежных позиций самостоятельного игрока на “большой шахматной доске” современного мира, России необходимо избежать одной заметной опасности, связанной с её ресурсным богатством. В условиях усиливающегося соревнования в мире за обладание наиболее широким доступом к сокращающимся природным ресурсам для нашей страны недопустимо превращение в сырьевой придаток – поставщика энергоресурсов, нефти и газа, а также древесины, черных и цветных металлов как для Европейского союза, так и Китая.

Обеспечить решение подобной задачи не так просто в условиях сложившегося экономического и социального положения внутри России и вовне её. Ради упрочения своих геополитических позиций в современном мире нашей стране потребуется значительно усилить три фактора, образующих реальный фундамент для поддержания статуса великой

державы.

Такая “триада” ведущих потенциалов, которая составляют своего рода геополитический базис, необходимый для проведения подлинно суверенной или независимой политики на международной арене, достаточно хорошо известна.

Первое, это, разумеется, оборонный потенциал государства, который означает не только наличие вооруженных сил, способных обеспечить всестороннюю оборону страны, но и существование в нем соответствующего военно-промышленного комплекса, позволяющего постоянно поддерживать и совершенствовать техническую оснащенность воинских контингентов.

Второе, это общий экономический, а точнее говоря, научно-производственный потенциал страны, дающий ей возможность в основном удовлетворять как насущные общественные потребности, так и массовой индивидуальный спрос на продукты питания и промышленные потребительские товары. В современных условиях экономический потенциал оценивается также по способности того или иного государства должным образом участвовать в углубляющемся международном разделении труда. В последнем случае преимущество получает та страна, которая обладает и активно развивает отрасли экономики, опирающиеся на применение наукоемких технологий.

Таким образом доказано, что развитие современной экономики практически невозможно без соответствующего научно-технического прогресса, основанного на фундаментальных исследованиях. Иными словами, рост экономического потенциала неотделим от динамичного развития науки, прежде всего фундаментальных исследований.

Третье, это, наконец, демографический потенциал. Это понятие означает не просто общую численность народонаселения страны, а также динамику его движения в сторону увеличения или сокращения. С точки зрения развития современной экономики интерес представляет не только количество населения и его плотность на первичную единицу площади территории страны (1 кв. км).

Возрастающую роль ныне играет вопрос о качестве населения любой страны. Качественный параметр в данном случае подразумевает учет таких показателей, как общий образовательный уровень, наличие профессионально-трудовых навыков у работоспособной части населения. Важным фактором является общее состояние его здоровья, который влияет на продолжительность жизни.

Видимо, нет необходимости подчеркивать, что высокие качественные показатели населения страны и его соответствующая трудовая этика способны существенным образом влиять на темпы экономического роста и, особенно, на общую конкурентоспособность страны на мировом рынке. Из сказанного вытекает, что демографический потенциал, причем не только в количественном, но и в качественном отношении, стал весьма значимым обстоятельством с точки зрения обеспечения успешного развития производительных сил любого государства.

Поэтому уменьшение населения совершенно нежелательно для любой страны. Применительно к России, с учетом размеров её территории, географического положения и наличия многих природных ресурсов, длительное сокращение демографического потенциала приобретает критически опасный характер.

Наглядно эта ситуация видна на следующих конкретных цифрах.

В начале 1991 г. в Российской Федерации проживало 148,6 млн. чел.

По данным официальной статистики России в январе 2006 г. население страны составило 142,6 млн. чел., то есть уменьшилось на 6 млн.

Но это, как говорится, “чистая убыль”.

Если добавить к этой цифре несколько миллионов переселившихся в Россию за прошедшие годы мигрантов, то реальное сокращение нашего население окажется ещё большим, примерно в 2 раза.

Такое число убывших вполне сопоставимо с людскими потерями Российской Федерации во время Великой Отечественной войны (около 14 млн. чел.).

Конечно, по европейским меркам Россия с населением свыше 140 млн. человек остается самой крупной страной, особенно, если принять во внимание её территорию – 17 млн. кв. км. Приведенные данные означают, что в среднем плотность населения в нашей стране сейчас составляет 8,3 чел. на кв. км.

Это самый низкий показатель среди европейских стран.

Правда, в мире есть еще две страны, крупные по размерам, но имеющие сравнительно небольшое население, которые пока уступают России по степени заселенности.

Это Канада, где природно-климатические условия напоминают нашу страну, а плотность населения около 3 чел. на кв. км.

Другой пример относится к далекой и выжженной солнцем Австралии, которая заселена ещё реже – 2,7 чел. на кв. км.

Однако упомянутые страны, которые, кстати, принято включать в категорию экономически развитых государств, не могут служить каким-либо утешением для нас в современной России. Дело в том, они объективно находятся совершенно в иной геополитической ситуации. Канада, например, имеет лишь одного соседа на суше. На юге она граничит с США, с которыми её объединяет не только общность языка и культуры, но и теснейшие связи в экономике, союзнические отношения в сфере внешней политики и обороны. В свою очередь, Австралия представляет собой огромный остров-континент, расположенный вблизи проблемного во многих отношениях региона Юго-Восточной Азии. Поэтому, ради обеспечения своей стратегической безопасности, она придерживается твердой военно-политической ориентации на близкие ей в языково-культурном отношении державы: США и Великобританию.

Как известно, Россия, в отличие от Канады и Австралии, имеет значительное число соседних стран по периметру наших границ на западе и юге.

Некоторые из наших западных соседей имеют откровенные или плохо скрываемые территориальные претензии к нам (Латвия, Эстония, Финляндия), хотя демографическая ситуация в них практически такая же, как в России. Другая часть соседних стран, особенно на юге, обладают большим и, к тому же, быстро растущим населением.

Подобная специфика геополитической ситуации, естественно, подталкивает к выводу о необходимости решить нынешнюю демографическую проблему в России так, чтобы в самые сжатые сроки перейти к расширенному воспроизводству населения страны. Это критически важно с точки зрения обеспечения геополитических позиций России в быстро изменяющемся мире.

Геополитическая “триада”, о которой говорилось в послании Владимира Путина Федеральному Собранию России, отныне вступает в ответственный период реализации её в жизнь.

Давно известно, что любая даже самая хорошая идея лишь тогда чего-нибудь стоит, если она воплощается на практике.

К этому нужно добавить, что успех или неудача в её реализации способен самым решительным образом повлиять, в ту или иную сторону, на дальнейший ход развития России.

В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ МОЖЕТ ВЫЖИТЬ ТОЛЬКО СИЛЬНАЯ РОССИЯ

В.Круглов,
генерал-майор, доктор военных наук, профессор

В Послании Федеральному Собранию 10 мая с.г. Президент Российской Федерации В.В.Путин, как никогда ранее, особое внимание уделил вопросам национальной безопасности и обороноспособности страны.

Несомненно, что у него были на это серьезнейшие основания.

Какие же именно?

В настоящее время осуществляется новый передел мира по двум взаимосвязанным направлениям и двумя способами: мирным – под прикрытием глобализации и силовым, когда свергаются неугодные сильным мира сего правительства суверенных государств, особенно в ключевых районах мира.

Эти процессы порождают невиданные ранее проблемы и вызовы в развитии человеческой цивилизации. Они столь глубоки, что кардинально влияют на судьбы государств и целых континентов: многие государства могут изменить свои границы и положение в мире или даже прекратить свое существование, меняется также и роль и значение этнокультурных цивилизаций.

Будущее России также напрямую будет зависеть от того, как она справится с все усиливающимся прессингом проглобалистских сил и инициируемых ими процессов.

Эти силы рассчитывают за счет других стран, в том числе и, прежде всего России, разрешить, во-первых, свои экономические и экологические проблемы, во-вторых, и большинство мировых проблем на выгодных для себя условиях. Они делают все для ослабления России и готовы пойти даже на ее развал, если доходы будут превышать издержки.

Тем более, что один из законов геополитики гласит: крупное, но слабое государство более других подвержено риску распада.

Процессы глобализации, когда практически исчезают границы для перемещения идей, товаров, финансов и всего необходимого для “цветных революций”, создают особо благоприятные условия для проявления данного закона.

Что касается методов и средств достижения этой цели, то они отрабатываются непрерывно и комплексно: здесь и информационно-психологические операции, и новые виды оружия (генетическое, климатическое, лучевое, психотропное и др.), и новейшие технологии управления (управляемый хаос, организационное оружие, психотронные методы воздействия и т.д.). Наконец, как крайнее средство, это – военное нападение, если Россия все-таки найдет в себе силы противостоять агрессивным-эгоистическим попыткам странам “золотого миллиарда” сделать нашу страну невольным донором их полупаразитического существования.

Вообще, надо иметь в виду действие еще одного закона мироздания и эволюции –

закона вечной борьбы, который гласит: борьба является имманентным атрибутом развития природы, общества и человечества.

Чтобы с Россией не случилось того, что ранее с СССР, надо быть готовым и способным к любым видам борьбы, овладевать искусством ее ведения против любого противника, против любых вызовов.

Именно об этих важнейших обстоятельствах и говорил в своем Послании Президент.

Вспомним, с чего начал он, переходя к проблематике национальной безопасности: “В целом очевидна тенденция к расширению в мире конфликтного пространства и, что крайне опасно, его распространения на зону наших жизненно важных интересов... Знаю, что кое-кто очень бы хотел, чтобы Россия погрязла в этих проблемах (террористическая угроза, локальные конфликты, межконфессиональное противостояние и др. – Авт.) и, как следствие, не могла бы решить ни одну из своих проблем полноценного развития”.

Далее он изложил развернутую программу укрепления обороноспособности страны в условиях, когда “товарищ волк знает, кого кушать. Кушает и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается. Куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы? Здесь, оказывается, все возможно, нет никаких ограничений”.

Содержание этой программы условно можно разделить на две части – международную и внутреннюю.

Международная (внешнеполитическая) часть содержит в себе следующие положения.

Первое. Недопустимость применения силовых методов решения проблемы нераспространения оружия массового поражения, ибо “их последствия подчас становятся страшнее самой угрозы”. Действительно, агрессия США и их союзников против Ирака, совершенная под флагом борьбы с созданием и распространением ядерного и химического оружия (хотя это было явным блефом, а ложь госсекретаря США Колина Пауэла в речи в ООН стала нарицательной), только создала такую ситуацию, выхода из которой не могут найти ни США, ни все мировое сообщество.

Второе. Необходимость активизации политики разоружения, прекращения гонки вооружений и недопущения появления “целого арсенала так называемых дестабилизирующих видов оружия”; ядерного оружия в космосе; ядерных зарядов малой мощности; межконтинентальных баллистических ракет с неядерными боеголовками, пуск которых может спровоцировать ядерную войну.

Третье. “Нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем ... угрозам, за обеспечение глобальной стабильности будут нести ведущие мировые державы – державы, обладающие ядерным оружием, мощными рычагами военно-политического влияния”. И ведущие державы мира должны действовать совместно, в интересах мирового сообщества, без “ковбойского права”.

Далее Президент логично переходит к собственно военной – внутренней – части программы: “Вот почему вопрос модернизации Российской Армии является сейчас крайне важным, и он реально волнует российское общество”.

Он, как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами Российской Федерации, определил следующие основные направления их развития.

Первое. Оснащение Вооруженных Сил новыми и модернизированными образцами военной техники, которые составят основу системы вооружения вплоть до 2020 г.

В первую очередь это касается Стратегических ядерных сил. Шахтным ракетным комплексом “Тополь-М” уже оснащены 5 полков Ракетных войск стратегического назначения. И в этом году в одну из ракетных дивизий начнет поступать и его подвижный вариант.

В ближайшее время в состав ВМФ России войдут две новые атомные субмарины со стратегическим оружием на борту. Они оснащены новыми ракетными комплексами “Булава”, которые вместе с комплексом “Тополь-М” станут основой стратегических сил сдерживания.

Необходимо также существенно повысить оснащенность стратегических ядерных сил и современными самолетами дальней авиации.

Второе. Интенсификация боевой и оперативной подготовки.

Увеличение числа полевых учений, дальних морских походов, в том числе с боевой стрельбой.

Третье. Создание единой системы заказов и поставок вооружений, военной техники и средств тылового обеспечения, для чего иметь уполномоченное федеральное гражданское агентство.

Добиться того, чтобы расходы на развитие Вооруженных Сил, повышение их качества составили не менее половины военного бюджета. Наши ответы на военные вызовы должны быть основаны на интеллектуальном превосходстве, они будут асимметричными, менее затратными, но безусловно обеспечат военную безопасность страны, прежде всего за счет повышения надежности и эффективности нашей ядерной триады.

Четвертое. Совершенствование процесса комплектования в интересах достижения главной цели – создания профессиональной и мобильной армии.

К 2008 г. наша армия должна быть на две трети профессиональной, что позволит сократить срок службы по призыву до 12 месяцев.

Пятое. Формирование в составе Сил общего назначения к 2011 г. около 600 частей и соединений постоянной готовности.

Шестое. Сделать службу в Российской Армии по-настоящему престижной.

Защитник Родины должен иметь высокий общественный и материальный стимул, прочные социальные гарантии. Президент к месту напомнил нации слова выдающегося русского мыслителя Ивана Ильина: “Солдат есть звание высокое и почетное. Он представляет всероссийское народное единство, русскую государственную волю, силу и честь”.

Наконец, седьмое. В результате наши Вооруженные Силы должны быть способны одновременно вести борьбу в глобальном, региональном, а если потребуется – в нескольких локальных конфликтах, и в любых условиях гарантировать безопасность и территориальную целостность России.

Президент впервые из руководителей страны последних лет не ограничился определением задач только силовым ведомствам, в первую очередь Министерству обороны, а поставил проблему обеспечения военной безопасности именно как общегосударственную.

Он возложил на органы государственной власти дополнительные, но естественные задачи по набору в армию, обеспечению качества этого призыва, поддержанию тесного контакта с армией.

Только совместными усилиями всех органов государственной власти, всего общества наши Вооруженные Силы могут достигнуть такого могущества, что будут невозможны никакие попытки внешнеполитического давления на Россию, а тем более – агрессия.

“Военный” раздел Послания Президент завершил вполне резонно: “И нужно прямо сказать: чем сильнее будут наши Вооруженные Силы, тем меньше будет соблазн такое давление на нас оказывать, под каким бы предлогом оно не проводилось”. Тем более что современные “волки” таких предлогов приготовили предостаточно на многие годы вперед...

ВЛАСТЬ И ОППОЗИЦИЯ В РОССИИ*

Исторический опыт и современные вызовы глобального управления

В.Павленко,
кандидат политических наук

Персонажи из прошлого

Позитивные тенденции, связанные с консолидацией российской власти и общества, а также укреплением социально-политической стабильности, создающие реальные предпосылки ускорения интеграции, вызывают серьезную озабоченность у геополитических противников России, предпринимающих попытки дополнить оказываемое на нее внешнее давление (в том числе, в геополитических вопросах) внутренним.

Тесная взаимосвязь процессов, происходящих внутри Российской Федерации, с ситуацией в международной политике наиболее четко проявляется как в характере оппозиционной деятельности, так и в синхронности некоторых конкретных событий и тенденций.

Отметим, например, что дипломатическое наступление Запада на позиции России в преддверии санкт-петербургского саммита “большой восьмерки”, по времени совпало с подготовкой московского выездного заседания Комитета Социнтерна по СНГ и Кавказу. Кроме того, обращают внимание:

- появление признаков региональной фронды: отказ законодателей Республики Хакасии и Ненецкого автономного округа, а поначалу и Приморского края удовлетворить требование Центра о замене своих представителей в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации (органично дополнивший демарш президента Республики Адыгея Х.Совмена по перспективам объединения республики с Краснодарским краем);
- всплеск оппозиционной, в том числе, террористической активности на Северном Кавказе – убийство заместителя министра внутренних дел Республики Ингушетии Костоева, обстрел войсковой колонны федеральных сил в Чечне, беспорядки с перекрытием автомобильных трасс в Республике Дагестан и т.д.;
- пресс-конференция руководства правления РАО ЕЭС Анатолия Чубайса и Якова Уринсона и, особенно, весьма двусмысленные заявления председателя совета директоров компании Александра Волошина, вряд ли случайно сделанные им именно на Западе – в Берлине**;
- некоторые аспекты деятельности правительства Москвы, в частности, касающиеся осуществления весьма затратных и политически сомнительных молодежных программ.

На общее происхождение и общий контекст этих событий также указывает ряд интересных закономерностей.

Все они произошли сразу же после президентского Послания, в котором главными приоритетами были названы вопросы социальной и демографической политики, а также национальный суверенитет и военная безопасность.

Не исключено, что это – своеобразный “ответ” Центру: “Ваш курс нас не устраивает, будем раскачивать ситуацию”.

Послание было предварено рядом скандальных заявлений первых лиц Вашингтонской администрации^{***}.

В указанном контексте это очень похоже на создание для внутренней дестабилизации в России “благоприятного” информационного фона и подготовку “мирового” общественного мнения.

Во всех случаях в информационном поле появлялись фигуры либо ранее объявленные погибшими (как подозреваемый в убийстве Костоева террорист Евлоев, ранее якобы погибший в Беслане), либо отошедшие от политической деятельности и долгое время не напоминавшие о себе, либо до этого подчеркнута позиционировавшие себя как далеких от политики “хозяйственников”.

Таким образом, в общественном сознании искусственно и, скорее всего, целенаправленно активизируется целый ряд достаточно неоднозначных для федеральной власти сюжетов – от теракта в Беслане до проблемы чиновничьих и, в целом, властных привилегий (“мигалки”, спецномера и т.д.).

В связи с этим, пока непонятно, какие, собственно, цели преследуются. Являются ли эти действия стихийным ответом на президентское Послание со стороны самой российской оппозиции или речь идет об инициативном вызове стоящих за ней внешних сил. И, наконец, что могут представлять собой планы этих сил, особенно, в преддверии саммита “большой восьмерки” – добиться уступок Кремля в энергетике и делах СНГ, навязать ему “встречный” сценарий преемственности власти или развернуть “внутренний фронт” нового полномасштабного наступления на Россию для ее дезинтеграции, расчленения и окончательного закрытия “российского вопроса”.

Рассчитывать на появление здесь полной ясности до июльского саммита “восьмерки” (да и после него), по-видимому, бесперспективно. Кроме того, вполне вероятным представляется и то, что конкретного плана у Запада нет; имеется лишь набор соответствующих сценариев, реализация которых зависит от многих факторов, в том числе от адекватности, интенсивности и эффективности действий российской стороны. Поэтому не будем углубляться в просчет конкретных вариантов, а рассмотрим комплексную модель внешнего воздействия с учетом того, что главным ее звеном являются не партии – по большей части “опереточные”, а непрекращающиеся попытки создать в России оппозицию, способную действовать во всех основных сферах, влияющих на российскую политику, прежде всего, используя позиции в органах государственной власти и управления, а также в стратегических компаниях.

Подрывные технологии

Исторический опыт России показывает, что не только при всех политических режимах, но и на всех стадиях эволюции (или деградации) этих режимов, а также при всем идеологическом разнообразии оппозиции, ее противостояние действующей власти всякий раз выстраивалось по одной и той же принципиальной схеме.

На начальном этапе СПРАВА и СЛЕВА от власти создаются независимые друг от друга, автономные оппозиционные структуры (которые поначалу одновременно борются не только с властью, но и друг с другом).

В случае, если эти организационные приготовления не пресекаются властью и обществом, ситуация переходит во второй этап. ПРАВЫЙ и ЛЕВЫЙ фланги, преодолевая

разногласия, смыкаются, вступая с властью в противостояние: декларируется создание “объединенных” оппозиционных структур. Власть, таким образом, зажимается в своеобразные “тиски” – одновременно и СПРАВА, и СЛЕВА.

При этом, второй этап, как правило, сам протекает в виде некоей “двухходовки”: консолидация и ЛЕВОЙ, и ПРАВОЙ оппозиции происходит порознь, а победитель этих “праймериз” получает лидерство на всем фланге – ПРАВОМ или ЛЕВОМ. И только после этого происходит общая оппозиционная консолидация с последующим энергичным, наступательным и нарастающим нажимом на власть: от социально-экономического протеста – к политическому, от парламентского противостояния – к уличному, от “мирных” форм борьбы – к насильственным, революционным.

Очень важно следующее: самим фактом своего объединения “ПРАВО-ЛЕВАЯ” оппозиция всякий раз как бы демонстрирует обществу некую “альтернативную” (а, по сути, чуждую ему) систему ценностей, в которой действующей власти места не находится. Под видом внедрения якобы “прогрессивного” и “общечеловеческого” мировоззрения, наносится удар по истории, исторической и духовной традиции. Прежние ценности и прежнее мировоззрение, а за ними и существующая форма государственности объявляются “атавизмом” и целенаправленно разрушаются. Достижения преподносятся как провалы. Против государства и власти направляется весь арсенал оппозиции, которая одновременно апеллирует к российской и мировой общественности, пытаясь представить свои действия как борьбу за “прогрессивные” перемены – якобы давно назревшие, действия власти – как торможение этих перемен (разумеется, в корпоративных и/или личных интересах), а саму власть – “отжившей”, стоящей на пути “прогресса”.

Однако если власть не капитулирует, а успешно парирует направленный против нее удар или, более того, заручившись общественной поддержкой, переходит в контрнаступление и одерживает политическую победу, ситуация, как правило, переходит в третий этап. Консолидированная оппозиция уходит в подполье и приступает к нелегальной борьбе, действуя как внутри страны, так и за рубежом (в эмиграции). Однако тот же исторический опыт показывает, что шансов в этом случае у нее остается немного.

Если перевести эти теоретические обобщения в плоскость конкретики, то можно выявить, по крайней мере, шесть более или менее крупных, заслуживающих внимания прецедентов развития оппозиционной деятельности.

1. Кристаллизация основных оппозиционных течений во второй половине XIX в. – ПРАВОГО, либерального, выступившего за преобразование абсолютной монархии в конституционную****, и ЛЕВОГО, представленного социалистами (народниками), социал-демократами и анархистами, поставившими целью революционную ликвидацию самодержавия. (Анархисты, помимо этого, выступали категорическими противниками всякой государственности, как таковой, включая “социалистическую”, и отстаивали идею “свободного рабочего самоуправления”).

ПРАВЫЙ и ЛЕВЫЙ фланги, обладавшие не столько политическим, сколько сугубо интеллектуальным ресурсом, так и не объединились. Поэтому противостояние, по сути, завершилось на первом этапе – реформами 60-х годов XIX в. и последующей кристаллизацией на базе каждого из флангов целого спектра идейно-политических течений, которые сначала распространились преимущественно в интеллигентской среде, а затем, по мере проникновения в российское общество, составили фундамент будущих партийных идеологий.

Вначале появились неформальные объединения:

- группа Г.В.Плеханова “Освобождение труда” (1883 г.) – своеобразный “инкубатор” левого, социал-демократического западничества;
- народническая “Земля и воля”, из которой позднее (1879 г.) вышла террористическая “Народная воля”, ответственная за множество политических убийств, наиболее

резонансными из которых стали успешное покушение на императора Александра II и неудавшееся – на его преемника Александра III;

- ленинский “Союз борьбы за освобождение рабочего класса” (1895 г.), поставивший социал-демократизм на революционную, “предбольшевистскую” основу;
- либеральный “Союз освобождения” (1902 г.).

Затем их сменили собственно партии, легализованные императорским манифестом от 17 октября 1905 г.

2. Создание в четвертой Государственной думе (1912–1917 гг.) так называемого “Прогрессивного блока” – думского объединения ПРАВОЙ оппозиции (кадеты, октябристы и прогрессисты, а также часть крайне правых, начавших постепенное отступление от монархических идеалов) и ЛЕВОЙ (эсеры, меньшевики и трудовики), выдвинувшего лозунг “ответственного министерства”. (В переводе на современный язык – формирования правительства парламентского большинства).

Объединение ПРАВОЙ и ЛЕВОЙ оппозиции, означавшее переход оппозиционной деятельности во второй этап, привело к Февральской революции 1917 г. и ликвидации самодержавия. Формальная, неполная победа над оппозицией, таким образом, оказалась временной и в дальнейшем обернулась поражением, приведшим Россию к национальной катастрофе – уничтожению традиционной государственности, распаду и гражданской войне.

3. Деятельность “объединенного” троцкистско-зиновьевско-бухаринского блока в 20–30-е годы. Этот эпизод – самый острый и сложный как по внутренней структуре оппозиции, так и по напряженности противостояния.

На первом этапе (до 1923 г.) основная борьба проходила внутри ЛЕВОЙ оппозиции: Троцкий против Зиновьева и Каменева. После их объединения (на “Платформе 46-ти”, противопоставленной сталинскому лозунгу “строительства социализма в отдельно взятой стране”) Троцкий вместе с Зиновьевым и Каменевым выступил против Сталина, поддержанного ПРАВЫМИ – Бухариным, Томским и Рыковым.

Начался второй этап: стороны предприняли определенные шаги к объединению, но этому помешало отсутствие единой платформы, а также “высший пилотаж” власти. За политическим разгромом ЛЕВЫХ (1927 г.) последовал резкий разворот Сталина влево же и переход его в наступление уже на ПРАВЫХ (в рамках коллективизации), что уже в 1929 г. привело к их политическому поражению.

Провалившись в публичной внутрипартийной борьбе, ПРАВЫЕ и ЛЕВЫЕ перевели противостояние с властью в третий этап. Они попытались объединиться вне легального политического пространства – во внутреннем подполье и зарубежной эмиграции, вступив при этом в активное взаимодействие с осколками прежней антимонархической оппозиции, прежде всего, с эмигрировавшими эсерами и кадетами, ибо монархическое крыло эмигрантского движения, все отчетливее видевшее в сталинском режиме прообраз той самой исторической преемственности, к которой призывал И.А.Ильин¹, в контактах с советскими оппозиционерами практически не участвовало.

Итог следующий.

Борьба заняла более 15 лет. Оппозиционная деятельность прошла все три этапа эволюции. Противостояние вышло за рамки большевистской политической элиты, частично распространившись на общество, что явилось одной из главных причин репрессий.

Победа “генеральной линии” Сталина была обеспечена его уникальной тактической гибкостью (которая, можно сказать, превратилась в своеобразную СТРАТЕГИЮ) – попеременным разоружением одних оппозиционных сил с опорой на другие, позволившей не допустить всеобщей оппозиционной консолидации.

Кроме того, свою роль сыграло филигранное манипулирование самой ВКП(б), – в целом, враждебной сталинскому курсу и в политическом, и в идеологическом (программном) отношениях*****. Инструментом манипулирования служило ежегодное

проведение в годы наивысшего накала борьбы, как минимум, двух крупных общепартийных мероприятий – съезда и конференции.

Власть победила, предотвратив распад единой государственности и создав предпосылки для последующей победы в Великой Отечественной войне. Результаты внутривнутриполитического противостояния были легализованы в 1936 г., решениями XVIII “съезда победителей” и принятием сталинской Конституции, похоронившей основу ленинской государственности – выборность советов от трудовых коллективов.

Решающим оказался второй этап борьбы: проиграв его, оппозиция вышла за рамки легального политического поля, а ее вожди превратились из политических оппонентов сталинского режима в “заговорщиков” (или “врагов народа”), чем преопределили свое уничтожение, сняв преграды дальнейшего продвижения СССР по пути воссоздания традиционной имперской государственности.

4. Конец 40-х – начало 50-х годов – период, связанный с одновременной борьбой сталинского режима против ПРАВОГО крыла партии (“ленинградское дело”), выступившего за введение в советскую экономику элементов рынка^{*****}, и ЛЕВОГО, связанного с возрождением интернационалистских тенденций, разгромленных в ходе кампании по борьбе с “безродным космополитизмом”.

На фоне мощного национально-государственного подъема, вызванного победой в Великой Отечественной войне и превращением СССР в мировую сверхдержаву, а также после разгрома в 30-х годах серьезного противодействия режиму ни ПРАВВАЯ, ни ЛЕВАЯ оппозиция оказать не смогли. Не произошло и их объединения, что преопределило завершение борьбы уже на первом этапе.

5. Конец “перестройки” (1988–1991 гг.), связанный с так называемой “политической реформой”, приведшей к кристаллизации в КПСС внутренней оппозиции, быстро распространившейся с элиты на общество.

На ПРАВОМ, консервативном фланге выступила вновь созданная в 1990 г. Компартия РСФСР, поставившая целью сменить у власти в ЦК КПСС Горбачева (это планировалось сделать в декабре 1991 г. на XXIX съезде – так и не состоявшемся).

ЛЕВЫЙ фланг с того же 1990 г. был представлен “демократическим” Верховным Советом РСФСР, а также движением “Демократическая Россия”, официально выдвинувшим Ельцина кандидатом сначала в председатели российского парламента, а затем – в президенты РСФСР.

Борьба, как и в ряде предыдущих случаев, завершилась на первом же этапе, но совершено иным результатом – полным поражением действующей власти. Горбачев и КПСС, в целом, оказались настолько ослабленными, что дело не дошло даже до объединения оппозиционных сил. Хотя фактически и ПРАВЫЕ, и ЛЕВЫЕ действовали в одном направлении – разрушали союзный Центр, перетаскивая властные полномочия на уровень Российской Федерации.

В этом, кстати, основная ошибка КП РСФСР, обусловленная, как представляется, идеологическим догматизмом: задачу восстановления порядка необходимо было разделить на два этапа, на первом из которых вместе с Горбачевым противостоять “демократам”, а уже на втором – “разбираться” с самим Горбачевым.

В результате прежняя власть, как и в 1917 г., рухнула вместе со страной, а новая – уже российская – была узурпирована одним из оппозиционных флангов – ЛЕВЫМ, революционным. Противоречия, порожденные кризисом, разрешены не были (их просто перевели с союзного уровня на российский), так как ПРАВЫЙ фланг почувствовал себя ущемленным, что преопределило быстрый переход противостояния в следующую фазу.

Распад власти и уничтожение союзной государственности привели к многолетнему системному кризису – фактическому установлению “внешнего управления”, укреплением сепаратистских тенденций на бывших имперских окраинах, полной дезориентацией российского общественного мнения, а также отсутствием из-за этого не только организованных национально-государственных тенденций, но и идеологической почвы для

их возникновения (борьба между “красной” и “белой” оппозицией).

6. События 1992–1993 гг., связанные с “двоевластием” – противостоянием исполнительной и законодательной ветвей власти.

При ближайшем рассмотрении обнаруживается, что это противостояние, как и в 20–30-е годы, протекало в три этапа.

На первом в составе Съезда и Верховного Совета РФ произошла кристаллизация двух разных отрядов оппозиции, в одинаковой мере не признававших установленный Ельциным режим – как противоречащий исторической традиции. Однако оппозиция расходилась в понимании традиций. ЛЕВАЯ (коммунистическая) ее часть апеллировала к советскому опыту, ставя во главу угла социальный кризис, вызванный разрушением советской системы социальных гарантий, а ПРАВАЯ (национально-патриотическая) – к некоей совокупности советского и имперского опыта, считая условием решения всех вопросов, включая социальные, восстановление державной государственности,

На втором этапе ПРАВЫЙ и ЛЕВЫЙ фланги оппозиции заключили идейно-политический компромисс, в результате чего в середине 1992 г. сошлись организационно: сначала в Верховном Совете РФ в “ПРАВО-ЛЕВОМ” блоке “Российское единство”, а затем – во Фронте национального спасения (ФНС), сыгравшем роль консолидирующего оппозиционного центра, вплоть до разрешения кризиса (октябрь 1993 г.).

Роспуск Съезда и Верховного Совета РФ (Указ №1400) перевел ситуацию в третий этап, который, как и в 30-е годы, развивался вне правового поля, но, в отличие от него, не политическими, а силовыми средствами – в ходе скоротечного вооруженного конфликта в центре Москвы.

Легитимация итогов противостояния, как и тогда, была осуществлена путем конституционной реформы (12 декабря 1993 г.).

Полностью осознавая происхождение ельцинской власти как прямого продукта “внешнего управления”, следует, однако, иметь в виду следующее. Кризис 1993 г. представлял собой не отдельный “управляемый конфликт”, а систему “управляемых конфликтов”, распространившихся на все сферы социально-политической жизни: экономику, науку, культуру, мораль, национальную безопасность и оборону и пр.

Управлению извне подвергались ВСЕ его стороны; сама РФ оказалась в положении объекта глобального управления. Любая альтернатива “внешнему управлению” была, по сути, исключена. Речь поэтому шла о сохранении хотя бы остатков государственности и видимости суверенитета. И победа Ельцина в этой ситуации (вне зависимости от крайне негативных общих итогов ельцинского правления) объективно оказалась “наименьшим из зол”. Ибо победа оппозиции, ввиду сохранявшегося в ее рядах раскола на сторонников имперской, советской и демократической государственности, в сложившихся условиях не сулила ничего, кроме дальнейшего углубления кризиса с перспективой его перехода в стадию “горячей” гражданской войны и полного разрушения остатков государственности.

Оппозиция и “внешнее управление”

Из проведенного анализа следуют ряд весьма важных, принципиальных выводов.

1. Развитие кризисов власти всякий раз по одной и той же схеме вне зависимости от времен, эпох и режимов наводит на мысль об их стандартном, “управляемом” характере. Действующая власть в каждом случае оказывается как бы зажатой между двумя оппозиционными силами, которые при всей внешней разнородности либо демонстрируют готовность сомкнуться против нее, либо реально смыкаются, причем достаточно быстро и легко преодолевая кажущиеся неразрешимыми идеологические разногласия. И, даже проиграв, такая оппозиция всякий раз демонстрирует готовность вести борьбу уже за рамками легального политического поля – буквально на уничтожение.

Обратившись к третьей и четвертой статьям цикла², легко убедиться, что подобная модель оппозиционной деятельности является типичным “управляемым конфликтом”,

функционирующим по принципу “двух рук и одной головы” и отражающим основные функции глобального управления – СОЗДАНИЯ ХАОСА и его последующего УПОРЯДОЧИВАНИЯ.

Хаос создается ЛЕВЫМИ, революционными силами, которые по “цепочке” тесно связаны с ЛЕВОЙ РУКОЙ глобального управления – Римским клубом, отвечающим за контроль над спецслужбами и левыми партиями. Преодолевается хаос при помощи ПРАВОЙ РУКИ глобального управления, главными инструментами которого здесь выступают:

- в сфере российско-американских отношений – Совет по международным отношениям,
- в евроатлантических структурах (НАТО и Евросоюз) – Бильдербергский клуб,
- в общеамериканском масштабе – Трехсторонняя комиссия.

Схема будет неполной, если не упомянуть о единой “голове”, функцию которой ведущие исследователи “мировой закулисы” Э.Саттон, Дж.Коулмен, А.А.Зиновьев отводят лондонскому Королевскому институту международных дел (КИМД) и стоящему за ним неформальному объединению “сильных мира сего”, которое указанными источниками именуется по-разному: “Бнай Брит”, “Траст Рассел”, “Комитет-300” и т.д.³

Приложение этой схемы к каждому из перечисленных эпизодов организованной оппозиционной деятельности в России позволяет без особого труда вычленив внешние связи и взаимозависимость оппозиционеров:

- меньшевиков и эсеров начала XX в. – с первым и вторым Интернационалами, а кадетов и октябристов – с правительствами западных держав, прежде всего, Великобритании;
- троцкистов и, одновременно, бухаринцев – с Коминтерном;
- троцкистского подполья – с вновь созданным в конце 30-х годов четвертым Интернационалом, через который “ниточка” тянется к современным американским “неоконсерваторам” (идейные отцы “неоконсерватизма” – И.Кристалл и М.Шахтман вместе с Троцким входили в круг создателей четвертого Интернационала);
- “демократического” движения конца 80-х годов, группы Горбачева – Яковлева – Шеварднадзе, а также Ельцина и его либерально-реформаторского окружения – с Римским клубом;
- современных российских “демократов” – с международными финансовыми институтами и верхушкой демократической партии США; а “социалистов” и “социал-демократов” (опять-таки, Горбачева) – с теми же Социнтерном и патронирующим его Римским клубом и т.д.

Отмечая указанную взаимозависимость, следует особо подчеркнуть, что в ряде случаев, например, в 20-х годах, она если и не разворачивалась вспять, то, как минимум, превращалась в “улицу с двусторонним движением”: Коминтерн, как одна из базовых структур “сети” глобального управления, представлял собой инструмент разрушения национальной государственности не только в России, но и по всему миру, в чем, например, убеждает его роль в попытке организации в 1923 г. так называемого “германского Октября” – тельмановского коммунистического путча.

2. Основными, критически важными для исхода противостояния действующей власти с любой оппозицией являются первый и второй периоды. Грамотные и квалифицированные действия власти способны не только осложнить, но и полностью разрушить оппозиционные планы.

Важно следующее. С одной стороны, для формальной победы (подобной той, что была одержана самодержавием над “интеллигентской” фрондой XIX в.) достаточно не

бороться с объединенной оппозицией на втором этапе и не переводить противостояние в третий этап (борьбы на уничтожение), а не допустить самого формирования оппозиции, разобщиив ее в самом начале оппозиционной консолидации, а с другой – не следует забывать о том, что если формирование оппозиции УЖЕ произошло (даже если она при этом не успела объединиться), такая формальная победа не может считаться окончательной, а установленный благодаря ей порядок – устойчивым.

Формальная победа – победа временная. Она не устраняет базового противоречия – между НАЦИОНАЛЬНЫМ и ВНЕШНИМ управлением, то есть, между государственными и компрадорскими интересами. По-настоящему глубокие, фундаментальные изменения, исключающие возврат к внешнему управлению (хотя бы в ближайшей и среднесрочной перспективе) возможны только при полном разгроме оппозиции – идеологическом, политическом, организационном. Поэтому борьба не только МОЖЕТ, но и обязательно ДОЛЖНА быть переведена именно в третий этап. Тем более что победа действующей власти, как показывает опыт XX в., УЖЕ предопределена исходом второго этапа, а главным ее итогом становится “зеленый свет” на пути конституционной реформы.

При этом важно понимать, что переводение борьбы в подобную плоскость тогда, когда оппозиция еще не приступила к объединению и находится лишь на первом этапе, должна осуществляться по инициативе самой власти. Ибо, как показал опыт 20–30-х годов, кристаллизующуюся оппозицию эффективнее бить по частям, при необходимости проникая внутрь идущих в ней процессов и используя их в интересах укрепления государства, его институтов и общественно-политической стабильности, в целом.

3. Особое значение для действующей власти в этой ситуации приобретает баланс объективных условий (сохранения социально-политической и экономической стабильности в приближении к избирательному циклу 2007–2008 гг.) с субъективными – личными качествами лидера и его способностью (и готовностью) к мобилизации массовой общественной поддержки. Поверх интересов “внешнего управления”, зависимой от него части элиты и установленных ими “правил игры”, а также активно внедряемых в общественное сознание политических предрассудков.

4. Поражение действующей власти в противостоянии с оппозицией возможно только на первом или втором этапах – при полной деградаци и внутреннем разложении правящего режима, а также, в случае пассивного следования в фарватере событий. Что, как показывает исторический опыт 1917 и 1991 гг., обычно случается либо в экстремальных условиях (крайне непопулярной войны), либо при попадании власти в ту или иную зависимость от структур “внешнего управления”.

Отмеченная связь оппозиционной деятельности и оппозиционных технологий с “мировой закулисой” и выявленные в результате этого закономерности в полной мере применимы к анализу событий не только прошлого, но и настоящего, а также будущего.

В современной ситуации потенциально опасным представляется распространение оппозиционной организации, до недавнего времени ограниченное спектром “опереточной” (думской) оппозиции, на государственные органы власти, прежде всего, исполнительные, а также на принятие важнейших решений в области государственной стратегии. Приближение избирательного цикла 2007–2008 гг. актуализирует эту проблему, причем как для власти, так и для потенциальной оппозиции, оформление которой в этих условиях, во-первых, представляется неизбежным, а, во-вторых, практически однозначно будет осуществляться по знакомой схеме последовательного создания и последующего объединения ПРАВОЙ и ЛЕВОЙ оппозиции, хорошо отработанной за истекшие полтора столетия.

Возможная расстановка и перспективы эволюции “новой” “ПРАВО-ЛЕВОЙ” оппозиции до уровня реальных претензий на власть выглядят следующим образом.

В спектре ПРАВОЙ (либеральной) оппозиции центром консолидации могут рассматриваться структуры РАО ЕЭС России, входящие в нее региональные энергосистемы и холдинги, а также позиции либералов во властных структурах и ресурсы сохраняющих

связь с либеральной группировкой “олигархов”.

Функции “внешнего прикрытия” отводятся международным финансовым институтам и структурам, заинтересованной части транснациональных корпораций, а также политической верхушке и финансовым источникам демократической партии США.

Роли остальных либеральных кандидатов можно распределить следующим образом:

Касьянов (с Народно-демократическим союзом) – полностью “импотентная” оппозиция, которая, однако, в случае объединения с СПС, может превратиться во “второй электоральный эшелон”, пригодный для участия в парламентских выборах. Успех на них способен превратить ее в реальный политический ресурс, а поражение – в российский аналог “Нашей Украины”, от которой ее фактический лидер Ющенко всячески дистанцируется.

Что касается Каспарова (Объединенный гражданский фронт), то это – оппозиция маргинальная, претендующая на роль уличной, экстремистской силы, но этих претензий не оправдывающая и потому подкрепляющая свои силы взаимодействием с Национал-большевистской партией, молодежным “Яблоком” и прочими “отмороженными” группировками.

На ЛЕВОМ (социал-демократическом) фланге ослабление “Родины” и полная утрата позитивной динамики коммунистами выдвигают в лидеры Общественно-политический союз (ОПС) “Интернационал”.

Само по себе это объединение конструктивным потенциалом не обладает.

(Достаточно того, что в его создании принимали участие Социнтерн и Горбачев-фонд). Однако не исключено, что в перспективе ОПС может превратиться в “площадку” для выдвижения совершенно иных, широко “раскрученных” в информационном плане сил и лидеров. Обращает внимание, активная поддержка этого “проекта” рядом СМИ, близких к столичной мэрии. Особенно, в свете активного лоббирования социал-демократического тренда “Единой России”, предпринятого на апрельском заседании ее Генерального совета представителями партийного руководства, тесно связанными с прежней “региональной” оппозицией – в лице движения “Отечество” и блока “Отечество – Вся Россия” (ОВР). Если кто забыл, “Отечество”, с момента своего создания декларировало социал-демократическую направленность, активно сближаясь на этом поприще с Социнтерном.

Потенциальной “смычкой” между ПРАВОЙ и ЛЕВОЙ оппозицией при подобном развороте событий могут служить активно популяризирующиеся в настоящее время планы реорганизации столичной энергосистемы.

При минимальных пропагандистских усилиях их, в частности, легко уложить в контекст основных приоритетов ежегодного Послания Президента РФ В.В.Путина (социальная политика) и повестки дня российского лидерства в “большой восьмерке” (энергетическая безопасность), замаскировав тем самым оппозиционное содержание и смысл.

Как показывает развитие событий, оппозиционная угроза, тесно связанная с планами реставрации “внешнего управления”, в настоящее время не только растет, но и переходит национальные границы России, вторгаясь в важнейшую для выживания и подъема нашей страны интеграционную сферу.

Слегка закамуфлированный призыв к США “изменить точку зрения на А.Г.Лукашенко в случае обострения российско-белорусских отношений”, прозвучавший из уст Волошина в Берлине, представляет собой не что иное, как попытку изменить вектор союзной, российско-белорусской интеграции, развернув его острием против Москвы.

Аналогичные усилия – уже самим Вашингтоном – предпринимаются в “южном подбрюшье” России – применительно к Казахстану, Туркменистану и, особенно, Азербайджану. Их смысл – торпедировать планы российского энергетического лидерства, направив “трубу” в обход России, а заодно и перерезать южный экспортный маршрут, сделав его частью собственного стратегического газопровода “Баку – Тбилиси – Эрзерум”.

Приведенные примеры – наглядная иллюстрация как комплексного характера вызовов

и угроз, с которыми сталкивается крепнущая российская государственность, так и растущей взаимосвязи и взаимной обусловленности внешнеполитических и внутренних проблем. Подтверждение статуса государств СНГ как главного международного приоритета России, особенно на фоне той позитивной динамики, которая придается интеграционным процессам перспективами канонического воссоединения двух частей Русской Православной Церкви, превращающего Православие в фактор глобальной политики, позволяет смотреть в будущее с осторожным оптимизмом.

Примечания

¹ Ильин И.А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. В 2 томах. М., 1992. Т. 2. С. 73–74.

² Шатиоров С.В., Павленко В.Б. Международные аспекты евразийской интеграции // Обозреватель–Observer. 2006. № 3. С. 6–17; Там же. № 4. С. 13–24.

³ Саттон Э. Как Орден организует войны и революции // М., 1995; Коулмен Дж. Комитет-300. Тайны мирового правительства // М., 2000; Зиновьев А.А. Закулиса // Российская Федерация сегодня. 2000. № 18.

* Продолжение. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. №№ 1–5.

** Например: 1. О необходимости “времени и терпения” для стабилизации и оздоровления демократии в России, что, по сути, означает признание желательности возвращения страны к западным “демократическим” стандартам (то есть, по сути, к “внешнему управлению” ельцинских времен);

2. О большей зависимости России от Европы по линии рынков сбыта энергоресурсов, чем Европы от России в плане энергетической безопасности (ставит под сомнение эффективность стратегии российского энергетического лидерства);

3. Оповещение Запада о ценности для него режима А.Г.Лукашенко, способного (оказывается) стать инструментом противостояния России;

4. Специфическая оценка ситуации на Украине и, особенно, в Грузии – под таким углом, который позволяет Западу экстраполировать эту оценку на ситуацию в России и т.д.

*** Имеется в виду демарш вице-президента США Р. Чейни на саммите глав государств Балтийского и Черноморского регионов в Вильнюсе, в котором прозвучали обвинения России в нарушениях демократии, прав человека и свободы СМИ, энергетическом “шантаже” соседей и пр. Похожие заявления синхронно были сделаны государственным секретарем К.Райс и министром обороны Д.Рамсфелдом.

**** Уже в XX в. внутри этого течения выделилось революционное направление, представленное партией кадетов, выступившее за введение в России республиканской формы правления и объявившее фактическую “войну” либерально-консервативному курсу правительства П.А.Столыпина. Ближе к 1915–1917 гг. на революционную платформу перешли практически все либералы.

***** Действовавшая на тот момент Программа ВКП(б) (вторая), принятая в 1919 г., исходила из “мировой революции” во внешней политике и “военного коммунизма” во внутренней. (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов. М., 1983. Т. 2. С. 71–91).

***** Реформы, проведенные в 1965 г. Косыгиным А.Н.– одним из немногих выживших в составе “ленинградской группировки”, как помним, базировались на переходе к хозрасчету, то есть, на экономической самоокупаемости и эффективности.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, ВТО И РОССИЯ:
СТАРАЯ СКАЗКА
ПРО “ВЕРШКИ И КОРЕШКИ”*

Б.Габараев,

доктор технических наук,
Заслуженный энергетик РФ,
Генеральный директор ФГУП
“Научно-исследовательский и конструкторский
институт энерготехники им. Н.А.Доллежала”

В.Ершов,

первый заместитель Генерального директора ФГУП
“Научно-исследовательский и конструкторский
институт энерготехники им. Н.А. Доллежала”

Одно из самых сильных проклятий древнего Китая гласит: “Чтобы ты жил в эпоху перемен!”.

Видимо, китайская мудрость исходит из того, что даже те перемены, которые ведут, в конечном счете, к улучшению в будущем, проходят болезненно для общества в целом и каждого человека по отдельности. Современные россияне в полной мере уже испытали и, похоже, еще долго будут испытывать на себе всю действенность этой китайской мудрости.

К числу наиболее часто встречающихся символов последних перемен можно отнести Всемирную торговую организацию (ВТО) и глобализацию. Эти два понятия редко фигурируют поодиночке, поскольку они достаточно тесно связаны между собой.

Взаимосвязь ВТО и глобализации

Обратимся для начала к определениям этих двух понятий.

В зависимости от источника информации можно встретить различные определения одного и того же понятия, хотя они близки друг к другу по своей сути.

Всемирная торговая организация (ВТО) – международная организация, призванная регулировать торгово-экономические отношения участников организации и способствовать либерализации международной торговли товарами и услугами^{**}. Она является преемницей действовавшего с 1947 г. Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и начала свою деятельность с 1 января 1995 г.

ВТО насчитывает более 140 стран-участниц, она контролирует свыше 90% мировой торговли. Совсем недавно (декабрь 2001 г.) участником ВТО стал континентальный Китай, за которым в январе 2002 г. последовал Тайвань. Переговоры по присоединению к ВТО

ведут все оставшиеся крупные страны (Россия, Украина, Казахстан, Алжир и Саудовская Аравия). Все страны-участницы ВТО принимают на себя обязательства по выполнению основных соглашений и юридических документов, объединенных термином “Многосторонние торговые соглашения”. Таким образом, в правовом отношении ВТО представляет собой своеобразный многосторонний контракт (пакет соглашений) по регулированию мировой торговли товарами и услугами.

Главной задачей ВТО декларируется либерализация мировой торговли за счет ее регулирования преимущественно тарифными методами при последовательном сокращении уровня импортных пошлин, а также при устранении различных нетарифных барьеров, количественных ограничений и других препятствий в международном торговом обмене.

Основополагающими принципами и правилами ВТО являются:

- предоставление режима наибольшего благоприятствования в торговле на недискриминационной основе;
- взаимное предоставление национального режима иностранным товарам и услугам;
- отказ от количественных ограничений и т.д.

Глобализация – “процесс ослабления традиционных территориальных, социокультурных и государственно-политических барьеров (изолирующих народы друг от друга и, в то же время, предохраняющих их от неупорядоченных внешних воздействий) и становления новой, беспротекионистской “системы международного взаимодействия и взаимозависимости” (определение российского философа и политолога А.С.Панарина).

Глобализация идет на разных уровнях и в различных направлениях.

Выделяют, прежде всего, такие направления глобализации, как:

- Международная торговля товарами, услугами, технологиями, объектами интеллектуальной собственности;
- Международные финансовые операции в виде кредитов, ценных бумаг, производственных финансовых инструментов (фьючеры, опционы и др.);
- Международное движение факторов производства в виде капитала (прямые иностранные инвестиции) и рабочей силы (“утечка мозгов”, миграция рабочих низкой квалификации).

В сфере науки, техники и технологий глобализация началась уже давно и получила дополнительное ускорение в результате расширения масштабов трансграничных коммуникационных и информационных обменов, прежде всего через Интернет. Даже в спорте мы стали свидетелями глобализации: российские хоккеисты играют в НХЛ, но это не мешает им возвращаться в сборную России на время Олимпийских игр (хотя особых успехов они на Олимпиаде в Турине не добились); в команде российского армейского клуба ЦСКА лучшими стали игроки, не только не имеющие никакого отношения к Российским Вооруженным Силам, но даже и не являющиеся гражданами России.

По мнению экспертов, смысл глобализации сводится к постулированию неизбежности полной планетарной интеграции, перехода от множества государств, народов, наций и культур к единому мировому государству. Одним из примеров движения по этому интеграционному пути является Европейский союз, где уже действуют договоренности типа Шенгенского соглашения, делающие границы между государствами более прозрачными для людей, капитала, товаров и услуг.

Еще более ярким примером можно считать ВТО, которая представляет собой одно из самых масштабных международных соглашений и регламентирует глобализацию в области мировой торговли. Глобализация и ВТО неразрывно связаны между собой как некий процесс и один из используемых в нем инструментов.

Процесс глобализации носит неоднозначный характер: одним заведомо суля выгоду, а

другим столь же заведомо обещая немалый ущерб. Например, в России глобализацию поддерживают либералы, контролирующие добычу большинства природного сырья (нефти, газа) и уже успешно интегрировавшиеся в мировой рынок. Противниками глобализации являются представители российской автомобильной и авиационной промышленности, видя в глобализации угрозу потери практически единственного доступного им внутреннего рынка России.

Интегральный эффект глобализации в масштабе целых стран, а не отдельно взятых отраслей внутри той или иной страны, также неоднозначен. На взгляд авторов, если Россия будет “плыть по течению”, то попадет в число тех стран, которые от глобализации, скорее, проиграют.

Негативные последствия глобализации для России

Об этом аспекте глобализации наглядно свидетельствуют условия, которые Россия должна выполнять, чтобы ее приняли в ВТО.

Таких условий немало, однако мы ограничимся рассмотрением лишь нескольких из них.

1. Повышение внутрироссийских цен на энергоносители до уровня общемировых цен.

Как известно, на внутреннем рынке России цены на энергоносители, особенно на нефть и газ, в несколько раз ниже общемирового уровня. ВТО рассматривает это как несправедливое преимущество российских производителей товаров и услуг в конкурентной борьбе с зарубежными поставщиками.

Данное требование может показаться, на первый взгляд, вполне оправданным. Однако обратимся к климатическим отличиям России от остальных стран мира. Россия – страна с самой низкой в мире среднегодовой температурой, почти полугодовой зимой. Значительная часть ее территории занята вечной мерзлотой, для которой даже малейшее вмешательство человека чревато губительными последствиями.

С точки зрения агротехники практически вся Россия является зоной “рискованного земледелия”, что подтверждается непредсказуемыми перепадами урожайности зерновых и других сельскохозяйственных культур от года к году.

Более суровые климатические условия резко повышают себестоимость российской продукции. Вместо легких промышленных конструкций, приемлемых для Калифорнии, Тайваня, Малайзии и т.п., российский производитель строит массивные дорогостоящие здания, тратит много энергии на их отопление и ремонт. Необходимо также компенсировать повышенные затраты российских работников и членов семей на проживание в более капитальных домах, отопление, теплую одежду, калорийное питание, оздоровительные поездки в “теплые края” и многое другое, связанное с проживанием в самой холодной стране нашей планеты.

Помимо климата еще одним неблагоприятным фактором является, как это ни парадоксально, необъятность нашей Родины, а точнее протяженность российских коммуникаций.

В процессе производственной кооперации неизбежны перевозки грузов между участниками кооперации.

Для нашей страны “плечо” таких перевозок может, в отличие от остальных стран мира, достигать нескольких тысяч километров, например, при перевозках угля для тепловых электростанций, железной руды, бокситов и т.п. Если на эти расстояния, и без того требующие большого расхода на транспортные издержки, наложить увеличение цен на бензин и дизельное топливо, то из-за повышения себестоимости российские товары и услуги могут не выдержать конкуренции с зарубежными аналогами.

Резко возрастут и личные транспортные расходы россиян, что также неизбежно должно быть скомпенсировано повышением себестоимости российских товаров и услуг через увеличение зарплаты и пенсии.

Страны-участницы ВТО изображают полное “непонимание” российской специфики, иногда именуемой как “бином: климат-расстояние”.

Однако аномально суровые зимы последних лет европейской части континента с сильными морозами и обильными снегопадами дают возможность странам Западной Европы составить хоть какое-то представление о трудностях производства товаров и услуг, да и просто проживания в условиях России.

Некоторые ученые полагают, что эти аномалии погоды в Западной Европе носят не случайный характер, а связаны с изменением траектории Гольфстрима, а именно его удалением от берегов Европы. Между тем, именно близость этого теплого океанского течения обеспечивает комфортный климат странам Западной Европы, несмотря на то, что многие из них также находятся в северной зоне.

Невольно приходит в голову перевод названия Гренландии (Greenland) на русский язык – “Зеленая страна”. Возможно, когда-то Гольфстрим шел вдоль Гренландии и этот огромный, ныне покрытый толстым ледяным панцирем, остров был цветущей территорией. Совсем не исключена ситуация, когда Гренландия и Западная Европа почти “поменяются” своими климатическими условиями.

2. Введение правового режима технического регулирования ВТО.

В соответствии с этим требованием в конце 2002 г. был принят Федеральный закон “О техническом регулировании”, который заменил, по сути, принятые в 1993 г. законы “О стандартизации” и “О сертификации продукции и услуг”.

Этот закон базируется на внешне привлекательном принципе “Разрешено все, что не запрещено”.

Возможно, для многих отраслей экономики принятие ФЗ “О техническом регулировании” с декларируемым в нем исключением необоснованных ограничений предпринимательской деятельности является актуальным.

Однако вовсе не трудно указать такие сферы деятельности, где вышеупомянутый принцип должен уступить место противоположному, а именно принципу “Запрещено все, что не разрешено”.

В качестве наглядного примера можно назвать деятельность по использованию атомной энергии.

Техническое регулирование этой деятельности осуществляется в Российской Федерации на основании Федерального закона “Об использовании атомной энергии”. В его основе лежит приоритет безопасности перед любыми другими интересами участников рассматриваемой деятельности, чем он и отличается от законов, регламентирующих техническое регулирование в других отраслях экономики.

По мнению многих экспертов, деятельность в области использования атомной энергии не должна была бы подпадать под действие ФЗ “О техническом регулировании”. Подобное исключение уже содержится в ст. 2 самого Закона, согласно которой техническое регулирование в области связи регламентируется законодательством РФ по связи. Пожалуй, данный пример свидетельствует о большем лоббистском потенциале “связистов” по сравнению с “атомщиками” при принятии данного Закона.

Даже в случае куда более “безобидных” видов деятельности, чем использование атомной энергии, этот Закон может привести к негативным последствиям. Он не исключает своего рода “сговор” между изготовителем и первичным покупателем, не совсем учитывающий интересы конечного покупателя.

Например, в такой схеме могут фигурировать фармацевтическое производство (изготовитель), аптечная сеть (первичный покупатель) и пациент (конечный покупатель).

3. Запрет государственных субсидий.

Это условие ставит под угрозу срыва выполнение важнейших инновационных проектов в самых разных сферах.

Для примера опять обратимся к ядерной энергетике, будущее которой, по общему признанию, за реакторами на быстрых нейтронах в замкнутом ядерном топливном цикле.

На реализацию соответствующей программы потребуются финансы в объеме, эквивалентном десяткам миллиардов долларов США. С момента старта программы до начала получения прибыли от эксплуатации первых коммерческих АЭС с реакторами на быстрых нейтронах пройдет 30–40 лет.

Спрашивается, какой частный инвестор, даже будучи мегакомпанией, сможет и согласится заморозить на столь длительный срок такую огромную сумму денег.

К слову сказать, те же самые США, которые, в первую очередь, предъявляют это требование к кандидатам на вступление в члены ВТО, недавно озвучили новую программу развития своей ядерной энергетики, предусматривающую всестороннюю государственную поддержку не только развития новых ядерно-энергетических технологий, но даже и строительство нескольких новых коммерческих АЭС.

То же самое относится к программе развития многообещающих нанотехнологий, на которую правительство США субсидирует уже более миллиарда долларов в год.

Налицо так называемая практика двойных стандартов, столь привычная для Запада, причем не только применительно к глобализации и ВТО.

4. Запрет протекционистских мер.

Выполнение этого условия может окончательно развалить такие жизненно важные отрасли российской экономики, как сельское хозяйство, автомобилестроение, легкая промышленность и т.п. “Ножки Буша” и так уже почти насмерть “затоптали” отечественное птицеводство, а что уж говорить о ситуации, которая возникнет в случае полной отмены таможенных пошлин на импорт сельскохозяйственных продуктов.

Не менее ярким примером является российское автомобилестроение. Уже сегодня, когда правительство еще как-то пытается спасти его таможенными барьерами, мы все больше пересаживаемся на иномарки, нередко вполне “преклонного” возраста. В ближайшее время нас грозит “захлестнуть” волна дешевых китайских автомобилей.

Нам могут возразить, что во всем виноват сам российский производитель. Однако невозможно представить, что российские автомобильные конструкторы и дизайнеры просто по определению уступают зарубежным конкурентам, а многострадальные российские доярки, ежедневно затемно приступающие к дойке, менее трудолюбивы, чем работницы европейских или американских молочных ферм.

Причины неэффективности протекционистских мер кроются, скорее в недостатках российской макро- и микроэкономики. Искоренение этих недостатков прерогатива, отнюдь, не российских доярок, птицеводов или автомобилестроителей.

Неотвратимость глобализации

В предыдущем разделе приведены далеко не все негативные последствия глобализации для России, но даже приведенных примеров достаточно, как минимум, для настороженного отношения к глобализации. Настороженность и тревогу высказывает глобализация у многих уважаемых граждан России.

Например, мэр Москвы Юрий Лужков на заседании Департамента науки и промышленной политики столицы сказал: “Если мы вступим в ВТО, то мы можем вляпаться во что-то жутко пахнущее. Мы можем грохнуться и не подняться после таких вступлений. Сегодня я, очень скептически относящийся к Америке, должен поблагодарить США за то, что они не пускают нас в ВТО”.

В статье Александра Бовина, опубликованной уже после смерти этого замечательного журналиста и аналитика, утверждается: “Плоды глобализации, связанные с ней плюсы и минусы “усреднения” распределяются неравномерно. Бедным и слабым, как всегда, не везет. Америка как общество, ушедшее вперед, естественно получает от глобализации больше, чем допустим, Россия или Восточный Тимор”¹.

Владимир Медведев и его соавторы в книге “Национальная идея или чего ожидает Бог от России” язвительно, но метко комментируют ожидания Запада: “Россия должна как

можно скорее “прыгнуть в отходящий поезд”, то есть присоединиться к общей глобализации. Поначалу ясное дело, нам в силу “дикости” и “отсталости” на этом “поезде” светит разве, что роль кочегара, кидающего в топку всеобщего прогресса свой уголек, а также свои нефть, газ, металлы, лес, пресную воду и прочие природные богатства, щедро дарованные нам Богом. Но, со временем, “цивилизовавшись” и подкопив денег, можно, якобы, переместиться в вагон первого класса, где обрадованные “джентльмены” примут нас в свой “избранный круг”².

О том, какой “избранный круг” уготован для России по планам Запада более чем откровенно высказался З.Бжезинский: “Путин, как и Андропов, явно приверженец величия страны, ее державной внешней политики. Это не устраивает... Россия не должна даже помышлять о том, что возьмет пример с Франции де Голля или Британской империи. После крушения СССР Россия ничего не имеет: нет в России ни демократии, нет вообще функционального государства, потеряны армия и внешняя политика. Для России должна быть уготована примерно такая роль, как для кемалистской Турции, принявшей лидерство Запада”³.

Достойно ли великой России соглашаться с такой ролью? Разумеется, нет.

Да и развитие событий за 5 лет, прошедших с момента этого высказывания З.Бжезинского, свидетельствует, что в России начались и продолжаются изменения в лучшую сторону.

Однако сможет ли Россия остановить глобализацию?

Ответ на поставленный вопрос вполне очевиден. Возвращаясь к упомянутой выше статье Александра Бовина: “Этот процесс, формирующий единую историю единого человечества, начался задолго до XX века и вряд ли завершится в веке нынешнем. Он неизбежен, неотвратим....

Протест рождает антиглобализм. В конечном счете, он обречен, как были обречены в свое время луддисты. Но он...полезен. Высвечиваются неприемлемые крайности глобализации”¹.

Действительно, этот естественно-исторический процесс России не остановить. ВТО уже насчитывает более 140 стран-участниц, еще ряд стран, включая саму Россию, ходит в “кандидатах”.

А смогла бы Россия, по крайней мере, избежать вовлечения в процесс глобализации? Ответ на этот вопрос также не утешительный.

Во-первых, Россия уже втянута в “воронку” глобализации хотя бы потому, что “подседа” на долларовую иглу и может стать жертвой обрушения мировой долларовой пирамиды.

Достаточно вспомнить такие грозные предвестники, как валютные финансовые кризисы 1987 г. и 1997–1998 гг., поразившие экономику ряда стран Латинской Америки и Юго-восточной Азии. Европейский Союз пытается спастись, выстраивая финансовую систему на основе своей валюты – евро.

Видимо, Япония, Китай и Южная Корея тоже объединятся в попытке создать свою азиатскую единую валюту, чтобы уйти от долларовой зависимости.

Во-вторых, Россия представляет собой один из крупнейших мировых рынков для сбыта автомобилей, одежды, стройматериалов, электроники и т.д. Прорваться на необъятный российский рынок, захватить его для сбыта своей продукции – это заветная мечта многих корпораций из стран, участвующих в ВТО. Даже странно, что они не лоббируют прием России в ВТО.

В-третьих (и это, пожалуй, самое главное), Россия владеет такой существенной долей природных ресурсов планеты, что мировой экономике просто не выжить, не забравшись в эту немисливо богатую кладовую. Бескрайние леса, богатые месторождения газа, нефти, металлов, черноземные поля, четверть пресной воды планеты только в одном озере Байкал. Можно было бы долго перечислять содержимое этой самой большой и богатой кладовой мира.

Уже сегодня по трубопроводам протяженностью в тысячи километров уходят из России мощные потоки газа и нефти. Строятся новые трубопроводы как на Запад, так и в Китай. Эшелонами вывозят российский лес по смехотворно низкой цене, чтобы затем предложить нам же по баснословно высоким ценам изготовленную из этого леса мебель.

Итак, нашей стране глобализации не избежать, даже если не вступать в ВТО. Другое дело, как при этом России вести себя. Можно было бы последовать полушутливой рекомендации французской полиции: “Мадам, если на Вас напал насильник и помощи не предвидится, то лучше расслабиться и получить удовольствие”. Но России негоже следовать такой рекомендации, ведь все-таки мы великая держава. Недаром говорили и пока еще говорят про нас “русский медведь”.

Тут очень уместно вспомнить знаменитую русскую сказку про медведя и мужика, как они делили общий урожай, кому из них вершки, а кому корешки. Правда, в случае глобализации “русскому медведю” уготована роль именно медведя, а себе ВТО “великодушно” оставляет роль того самого мужика, который каждый раз оставлял наивного медведя в дураках.

Со временем ситуация будет только ухудшаться. Уже сегодня под предлогом экологических опасений начинаются разговоры о том, что джунгли Амазонки и тайга Сибири это “легкие” нашей общей планеты и, соответственно, не должны принадлежать только Бразилии и России. Также можно услышать сетования по поводу “неравенства” и даже “несправедливости” распределения природных ресурсов между странами.

США уже начинают наводить “справедливость”, пробиваясь к ресурсам Ирака и Ирана под предлогом спасения мира от распространения ядерного оружия.

Только наличие ядерного оружия позволяет России еще какое-то время тешить себя мыслью, что она владеет оказавшимися на ее территории природными ресурсами. Да и владение самой территорией тоже может быстро оказаться под вопросом.

Это к сведению российских поборников ядерного разоружения, забывающих о “законе джунглей”, который незримо царит даже в самых цивилизованных международных сообществах. Никакой дипломатический талант не сможет заменить ядерную “оглоблю” в руках русского мужика, вставшего на защиту своей собственности.

Таким образом, Россия уже вовлечена в процесс глобализации, но перспективы для нее при этом, в общем, безрадостные. Поначалу побыть хозяйкой “кладовой”, за бесценно распродающей хранившиеся в ней богатства довольно-таки бесцеремонным соседям. Затем оказаться в положении беспомощной свидетельницы разграбления родного хозяйства, да еще с переносом межи вглубь своего участка.

Все это может неминуемо стать реальностью, если Россия будет просто “плыть по течению”, умело направляемому инициаторами глобализации.

Между тем, у России есть возможность сыграть свою вполне достойную роль вместо уготованной для нее ее партнерами по глобализации. Если какой-то процесс нельзя остановить, то его надо возглавить, как говорят политики.

Сможет ли Россия сыграть в глобализации ведущую роль? К счастью, такая возможность у России пока еще есть.

Обратимся к мировому разделению труда, которое постепенно устанавливается между странами.

Автомобильными “цехами” мира стали Германия, Япония и США, электронными “цехами” являются Япония и Южная Корея, в качестве мирового “ателье по пошиву одежды” успешно выступает Китай.

Таких примеров можно привести множество. России тоже следовало бы стать каким-либо мировым “цехом”, а не оставаться дешевым сырьевым “складом”.

Между тем, среди пока еще вакантных мировых “цехов” есть один, весьма подходящий для России. Это энергетический “цех”, сердце любой экономики на всех этапах ее развития.

Энергетический рычаг “оседлания” глобализации Россией

На первый взгляд, может показаться, что подобный тезис основан на представлениях о запасах газа и нефти в российских недрах. Не следует забывать, между тем, о грядущем исчерпании этих запасов. Достаточно взглянуть на карту действующих и строящихся экспортных нефте- и газопроводов, не говоря уже о непрерывно растущих потребностях самого российского рынка.

Энергетический рычаг, основанный только на газе и нефти, прослужит недолго и только создаст временную иллюзию значимости России в международном сообществе. “Газовый” конфликт России и Украины свидетельствует о том, что у такого энергетического рычага, как и у любой медали, есть обратная сторона. К тому же, нетрудно представить, сколько “шишек” падет на бедную голову нашей страны, когда иссякнет нефтегазовая основа ее энергетического рычага. Роль “калифа на час” не подходит такой державе, как Россия.

Необходима более прочная и долговечная основа энергетического рычага, с помощью которого Россия действительно “оседлает” неотвратимый процесс глобализации. Такой основой может стать российская ядерная энергетика, родившаяся как “побочный” продукт разработки и создания советского ядерного оружия. Это одна из немногих отраслей российской экономики, которые еще можно отнести к числу лидирующих в мире.

Сейчас во многих странах, прекративших сооружение новых атомных электростанций, наблюдается ренессанс ядерной энергетике.

Администрация США сняла многочисленные запреты и объявила политику поощрения ядерной энергетике.

Великобритания вернулась к планам строительства новых атомных электростанций.

В Швеции оказалось под вопросом исполнение решения референдума о постепенном досрочном выводе своих атомных электростанций из эксплуатации.

Активно приступили к освоению ядерной энергетике в Китае, Индии и Южной Корее.

Казалось бы, при таком интересе к атомным электростанциям в мире нелогично делать ставку на российскую ядерную энергетике как на возможность “оседлать” глобализацию, став энергетическим “цехом” мира или одним из таких “цехов”. Объяснение состоит в том, что широкому освоению ядерной энергетике препятствует международно-признанное требование о нераспространении ядерного оружия, которое зафиксировано в соответствующем договоре, подписанном практически всеми государствами за некоторым исключением.

Любая страна, задавшись целью автономно освоить ядерную энергетике по полному циклу, неминуемо выйдет на возможность создания собственного ядерного оружия и будет сама решать, отказываться ли ей от реализации такой возможности.

Ярким примером, иллюстрирующим подобную ситуацию, является Иран, настаивающий на своем праве развивать технологию обогащения урана. С одной стороны, высокообогащенный уран, действительно, может быть использован как материал для атомной бомбы, а с другой – Ирану в упомянутом выше договоре о нераспространении ядерного оружия, как и другим неядерным участникам договора, была гарантирована помощь ядерных стран, в том числе России, в получении доступа к мирной ядерной энергетике.

Россия располагает большим избытком мощностей по обогащению урана, имеет сильные научные, проектно-конструкторские и технологические институты для проектирования атомных электростанций, может быстро расширить промышленную и строительно-монтажную базу для сооружения этих станций за рубежом.

Уже сегодня Россия строит атомные электростанции в Китае, Индии и Иране. Как в этих странах, так и в ряде других стран предвидится еще более активное развитие ядерной

энергетики.

Потенциальный рынок неядерных стран оценивается в 300 ГВт-эл. мощностей новых атомных электростанций. До 2030 г., если Россия освоит 20% этого рынка, то заработает порядка 100–120 млрд. долл. США (да простит нас уважаемый Евгений Павлович Велихов за крамольное упоминание этого ненавистного у. е., нам бы дождаться введения энергетической валюты типа “энерго”).

Помимо строительства атомных электростанций за рубежом возможно зарабатывать потом десятками лет на обеспечении этих и других станций, построенных не нами, ядерным топливом, о чем свидетельствует, например, карта экспортных поставок “Электростальского машиностроительного завода”. Немало денег можно зарабатывать просто на обогащении давальческого урана, поставляемого неядерными странами.

Развитие современной ядерной энергетики, использующей только ядерные реакторы на тепловых нейтронах, ограничено запасами доступного по цене урана. Однако разработка замкнутого ядерного топливного цикла с реакторами на быстрых нейтронах позволит снять это ограничение, так как помимо изотопа U-235, составляющего только 0,7% от всего урана, в процесс выработки энергии вовлекается изотоп U-238, доля которого в уране в 100 раз больше. Иными словами, в обозримом будущем (1000–1500 лет) для ядерной энергетики с реакторами на быстрых нейтронах ограничения по ресурсу урана не предвидится.

На этих реакторах также можно в качестве ядерного топлива использовать плутоний, оружейный или энергетический (то есть извлеченный при регенерации отработанного ядерного топлива реакторов на тепловых нейтронах). Такой подход, позволяющий дополнительно выработать очень много полезной энергии, куда практичнее затратных предложений по иммобилизации и последующему захоронению плутония.

Россия пока еще опережает на 10–15 лет своих конкурентов в разработках замкнутого ядерного топливного цикла с ядерными реакторами на быстрых нейтронах. Очень важно сохранить и закрепить этот успех, который бы позволил рассчитывать на лидирующие позиции в мировом экспорте товаров и услуг, связанных с ядерной энергетикой.

Помимо стационарных наземных атомных электростанций и ядерного топлива для них, Россия могла бы поставлять на экспорт как в собственность, так и в аренду плавучие ядерные энергоблоки, маломощные ядерные энергоустановки (ядерные “батарейки”), экспортировать электроэнергию со своих атомных электростанций. С помощью ядерных энергоисточников можно опреснять воду, что уже сегодня актуально для многих островных стран, обеспечить более экологичное использование угля, которым богаты Китай и ряд других стран. Кроме того, ядерные реакторы со временем будут применяться для широкомасштабного получения водорода, который рассматривается как основа будущей водородной энергетики. Это позволит сжигать меньше углеводородного топлива, тем самым высвобождая его для использования в других целях и снижая вклад в парниковый эффект.

Часть услуг, связанных с обогащением урана, регенерацией отработанного ядерного топлива, обучением персонала и т.п., Россия могла бы оказывать в рамках международных ядерных Центров. Идея этих Центров недавно была предложена Президентом России В.В.Путиным в преддверии саммита большой “восьмерки” летом 2006 г., который впервые будет проходить под председательством России и в повестке дня которого в качестве ключевой темы поставлена именно энергетика. Очень важно, чтобы на этом саммите ядерной энергетике уделили должное внимание и приняли решения по ускорению ее развития.

Заключение

Глобализация является неотвратимым естественноисторическим процессом.

Независимо от вступления в члены ВТО, являющейся основным инструментом глобализации, Россия уже вовлечена и неминуемо будет все больше вовлекаться в процесс глобализации. Для одних стран, преимущественно США и ряда других развитых стран,

глобализация является благом, а для многих стран, скорее, несет зло.

Для России ведущие игроки глобализации уготовили роль дешевого мирового сырьевого “склада”, с хозяином которого поначалу еще придется как-то считаться, пока у него в руках имеется ядерная “оглобля”, а затем уже можно будет не церемониться. Однако у России пока еще есть объективные возможности сыграть свою игру и занять вакантную нишу мирового энергетического “цеха”, являющегося, как известно, сердцем любой экономики на всех этапах ее развития.

Эту задачу Россия сможет решить с помощью своей ядерной энергетики, которая лидирует в области разработок замкнутого ядерного цикла с реакторами на быстрых нейтронах и обеспечит, в результате, возможность масштабного экспорта широкого спектра товаров и услуг многим странам мира. Тем самым, Россия не только избежит участи жертвы глобализации, но и “оседлает” этот процесс.

Примечания

¹ Воспоминания об Александре Бовине. Политик, журналист, дипломат. М.: ИД “Любимая Россия”, 2006. С. 503.

² Медведев В. и др. Национальная идея или чего ожидает Бог от России. М.: Изд-во “Современные тетради”, 2004.

³ Бжезинский З. // Российская газета. 2000. 12 апреля.

* Данная статья отражает только личную позицию авторов.

** Интернет-сайт Министерства РФ по антимонопольной политике и поддержке предпринимательства.

ЗАЩИТА НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВТО

Зарубежный опыт и задачи России

И. Комаров,
доктор экономических наук,
А. Максимов,
заслуженный метеоролог РФ,
С. Ходкин,
кандидат географических наук

Вопрос о вступлении России в ВТО активно обсуждается на всех уровнях политической и экономической жизни страны. Для многих отраслей экономики являются очевидными плюсы и минусы вступления. Однако остается практически в стороне важнейший вопрос о проблемах природоохранного комплекса, с которыми столкнется Россия после вступления в ВТО.

Глобализация, сопровождаемая беспрецедентными масштабами деградации биосферы, требует приоритетного рассмотрения триединой проблемы: экономического и социального развития, международной торговли и охраны окружающей среды. Актуальность проблемы значительно возросла с созданием ВТО и ее структур, в частности заключением ГАТС*. Международные структуры признают тесную взаимосвязь между экономикой, международными торговыми отношениями и окружающей средой. Эта связь базируется на том, что любая экономическая деятельность основывается на использовании экосистем. В свою очередь международная торговля природными ресурсами, товарами и услугами может оказывать значительное негативное воздействие на окружающую среду, усиливая деградацию биосферы и сдерживая решение ключевой для человечества проблемы “устойчивого потребления и производства”.

Во многих странах решение проблем устойчивого развития, связанных с международной торговлей и окружающей средой, требует создания и укрепления на международном, национальном, региональном и местном уровнях соответствующего потенциала, который позволяет, прежде всего, выстраивать взаимовыгодные отношения в международной торговле экологическими товарами и услугами (ЭТУ).

Защита национальных интересов

Создание и укрепление национального потенциала, необходимого для решения проблем социально-экономического развития и охраны окружающей среды, тесно связанных с развитием международной торговли, по определению компетентных международных организаций (ЮНЕП, ЮНКТАД**), представляет собой формирование и реализацию национальной политики, основными задачами которой являются:

- установить самый высокий приоритет вопросам взаимосвязи между торговлей, окружающей средой и развитием;

- оценить экономические, социальные и экологические последствия либерализации международной торговли;
- обеспечить реализацию политики по выполнению национальных обязательств в рамках многосторонних соглашений по торговле и окружающей среде с акцентом на получение максимальных общегосударственных выгод от международной торговли, обеспечивающих вклад в устойчивое развитие страны;
- использовать благоприятные для экономически приемлемого развития возможности, предоставляемые расширением международной торговли и процессами глобализации;
- эффективно участвовать в переговорах, относящихся к торговле и окружающей среде.

В 90-е годы ЮНЕП совместно с ЮНКТАД и ВТО провел широкие международные исследования по проблемам создания и укрепления национального потенциала, способного реализовать указанные цели и задачи. По результатам исследований были предложены меры, реализация которых позволила бы получить максимально “чистые выгоды от устойчивого развития” в условиях и глобализации, прежде всего, либерализации международной торговли.

Это следующие меры:

- Национальная комплексная оценка воздействия международной торговли на социально-экономическое развитие и окружающую среду для выявления альтернатив по улучшению национальной торговой и экономической политики;
- Комплексная оценка ценности национальных природных и экологических ресурсов;
- Формирование и претворение в жизнь законодательных мер, устранение перекосов в торговой политике, в результате которых наносится ущерб окружающей среде;
- Внедрение системы экономического стимулирования, позволяющей воздействовать на модели потребления и производства в интересах устойчивого развития;
- Налаживание диалога между правительством, бизнесом и гражданским обществом для поиска согласованных решений по сохранению окружающей среды при экономическом развитии (так называемая ситуация “win-win”, то есть когда выигрывают все);
- Формирование и реализация политики, направленной на широкое внедрение экологически приемлемых технологий;
- Развитие инфраструктуры, необходимой для формирования и реализации комплексной политики и стратегии в сфере “торговля – окружающая среда – развитие”;
- Обеспечение знаниями и информацией переход на модели устойчивого развития, обеспечивающего получение странами “чистых выгод” в условиях либерализации международной торговли.

Результатом исследований ЮНЕП, ЮНКТАД и ВТО является рекомендация правительствам развивающихся стран и стран с переходной экономикой о необходимости формирования и реализации национальных программ в области торговли, окружающей среды и развития.

Неравные стартовые условия стран

Результаты исследований ЮНЕП, ЮНКТАД и ВТО подтверждают вывод об огромном отставании стран “третьего мира” от развитых стран в их возможности эффективно (без ущерба национальным интересам) участвовать в международных торговых отношениях, которые бы способствовали устойчивому развитию и не разрушали

окружающую среду.

На базе исследований была сделана ключевая рекомендация: развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, если они хотят идти по пути устойчивого развития, то обязаны срочно разработать и реализовать собственную политику в области торговли ЭТУ.

Это объясняется сложившейся к настоящему времени неблагоприятной для этих стран ситуацией. С одной стороны, развивающиеся страны и некоторые страны с переходной экономикой не имеют необходимого опыта и инфраструктуры в указанной сфере международных торговых отношений, в то время как мировой рынок ЭТУ практически полностью контролируется ТНК западных стран.

Так, 53 самых крупных ТНК в этой области, контролирующие 85% рынка, представляют страны ЕС, США и Японию.

С другой стороны, в развитых странах рынок ЭТУ к концу 90-х годов (по данным ЮНКТАД) достиг пика роста. Экологическая индустрия развитых стран (имеющая ежегодные доходы 550 млрд. долл.) переживает стагнацию. Поэтому деловая активность развитых стран в последние годы активно перемещается в развивающиеся страны и страны с переходной экономикой, включая Россию. Несмотря на определенный позитив от этого, страны выражают серьезную озабоченность их негативными последствиями.

Вот только некоторые из них:

1. Для многих стран является неприемлемым то, что после принятия условий ГАТС вода попадает под классификацию экономического товара.

Тем самым, вода попадает под требования ВТО, относящиеся к торговле товарами вообще. В таком случае, например, согласно ст. XI ГАТТ, будут сняты количественные ограничения на экспорт (включая переброски стока) воды в другие страны. Это обстоятельство затрагивает, в частности, суверенитет стран, имеющих излишки водных ресурсов.

2. Многие страны озабочены тем, что принятие условий ГАТС вынуждает осуществлять приватизацию их внутренних систем и служб водообеспечения, и ставит эти службы в условия конкуренции с иностранными субъектами.

В данном случае широко распространено опасение, что под приватизацию и либерализацию могут попадать системы и службы, связанные с питьевым водоснабжением и санитарией. Такие реформы могут нарушить одно из базовых прав человека на доступ к чистой и безопасной питьевой воде.

Обращает на себя внимание вывод 3-го Всемирного водного форума (Япония, Киото, март 2003 г.): “Мы выступаем за то, чтобы в глобальных, региональных и двусторонних соглашениях были защищены Права на Воду, и прекращены попытки превратить воду в товар, не допустить контроля ТНК над водой. Мы призываем, чтобы вода и водные услуги не входили в компетенцию ГАТС и ВТО, и чтобы Многосторонние экологические соглашения преобладали над глобальными и региональными соглашениями в области торговли”.

3. В странах опасаются, что применение к воде требований инвестирования как к обычному товару приведет к заключению невыгодных для стран-реципиентов концессий с “непрозрачными” отношениями между концессионерами, что характерно для инвестиционных процессов в других отраслях экономики.

4. Многие страны, озабоченные своим положением в ВТО как нетто-импортеров ЭТУ “двойным” назначением многих экологических товаров, считают, что либерализация в секторе экологических услуг и коммерческое присутствие иностранных поставщиков услуг не способствуют укреплению национального потенциала, расширению передачи технологии, повышению эффективности и конкурентоспособности.

Например, основным выводом проведенных Экономической комиссией ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛА) исследований в сфере ЭТУ стал

вывод о необходимости, прежде чем осуществлять либерализацию торговли, создать и укрепить национальный потенциал в этой области.

Опыт развитых стран

Проблемы создания и укрепления национального потенциала как необходимого условия защиты интересов развивающихся стран и стран с переходной экономикой в системе “торговля – окружающая среда – развитие” становятся все более приоритетными в текущем десятилетии. Их особенностью стала активизация мирового информационного сообщества в решении этих проблем.

Международный семинар по созданию и укреплению потенциала этих стран в указанных областях, организованный ЮНЕП, ЮНКТАД и ВТО в Женеве (март 2002 г.), рекомендовал развивающимся странам и странам с переходной экономикой предпринять эффективные, незамедлительные меры по созданию и наращиванию национального потенциала для того, чтобы обеспечить свои интересы в международной торговле ЭТУ.

Исключительное значение имела следующая рекомендация семинара: “Страны должны улучшить свои средства коммуникации при осуществлении мер по развитию национального потенциала в области развития, международной торговли и охраны окружающей среды. Упор в этих действиях сделать на развитие баз данных, доступных в системе Интернет”.

Эта рекомендация тесно связана с Декларацией и Планом действий в области информационных и компьютерных технологий, принятыми Всемирной встрече на высшем уровне по вопросам информационного общества (WSIS) (Женева, 2003 г.). И хотя эта встреча, как и последующая в Тунисе (2005 г.), уделили недостаточное внимание взаимосвязи “Информационного сообщества” и устойчивого развития, тем не менее, они выразили глубокую обеспокоенность существованием значительного “цифрового разрыва” между развитыми и развивающимися странами (то есть отставанием последних в области информационных и компьютерных технологий).

В Плане действий намечены меры по преодолению этого отставания. При этом указанные меры рассматриваются как важнейший элемент в достижении целей устойчивого развития стран “третьего мира”.

Исследования и работы развитых стран, уже обладающих мощной инфраструктурой для сбора, обработки, хранения и распространения наземных и спутниковых данных и информации о состоянии окружающей среды, в применении информационных и компьютерных технологий для решения задач устойчивого развития были направлены, прежде всего, на решение задач в более “продвинутых” областях, а именно:

- внедрение экологических информационных систем в решение национальной и региональной политики устойчивого развития;
- экологическая эффективность и инновационные технологии в этой области;
- негативные экологические последствия “информационного общества”;
- модификация нужд и ценностей, на которые ориентируются современные потребители ЭТУ;
- обеспечение доступа к экологической информации и участие гражданского общества в принятии решений.

Среди множества исследований и работ, уже выполненных в этой сфере в развитых странах, следует отметить практические шаги ЕС. Его руководство заявляет о намерении ЕС обеспечить свое долгосрочное лидерство в применении “технологий информационного общества” в повседневной жизни европейской индустрии и бизнеса, повысить их конкурентоспособность и эффективность в достижении целей устойчивого развития в своих

странах.

Возглавляет это направление Европейское агентство по охране окружающей среды (ЕАООС), которое осуществляет координацию и руководство сотрудничеством стран-членов ЕС.

В рамках этой деятельности обеспечиваются потоки экологических данных, информации и знаний, необходимых для решения ключевых задач в природоохранной и социально-экономической областях. Все это рассматривается как элемент решения общих задач устойчивого развития.

Информация используется для выявления тенденций и прогнозирования ситуации в указанных областях, позволяя странам ЕС и его структурам формулировать более эффективную экологическую и социально-экономическую политику, в том числе и в области международной торговли.

Более того, ЕАООС активно внедряет современные информационные и коммуникационные технологии для обеспечения свободного доступа гражданского общества к экологическим данным, информации и знаниям.

Принцип свободного доступа к экологической информации закреплен специальной директивой Европейского совета № 90\313\ЕЕС, которая получила дальнейшее развитие в 5-й Программе действий ЕС и ряде конкретных проектов. Одним из них является проект по созданию Сети информационных центров по окружающей среде в Европе (EELNET).

Работа ЕАООС позволяет получать доступ к экологическим данным, информации и знаниям в нужное время и в желаемом формате. Для этого разрабатываются геоинформационные системы (ГИС), создаются национальные порталы, основанные на сети Интернет.

Ведутся разработки, направленные на обеспечение потребителей информацией и результатами специализированных исследований по окружающей среде и развитию.

Одной из активно разрабатываемых ЕС информационных систем является Европейская сеть экологической информации и наблюдений (ЕИОНЕТ).

Сеть предназначена для обеспечения высококачественными данными, информацией и специализированными знаниями, необходимыми для оценки состояния и изменений окружающей среды в регионе ЕС под воздействием деятельности человека, что позволяет принимать квалифицированные политические решения по природоохранным и связанным с ними вопросам как на национальном уровне, так и уровне ЕС, а также контролировать эффективность принимаемых мер в различных областях экономики и социальной сферы, включая торговлю.

Кроме Европейского агентства по охране окружающей среды, в систему ЕИОНЕТ входят ряд специально созданных Европейских тематических центров (ЕТЦ), а также сеть, включающая 900 экспертов экологических информационных организаций в странах-членах ЕС. Для обеспечения функционирования ЕИОНЕТ в каждой стране специально созданы Национальные выделенные центры (НВЦ), а также Национальные справочные центры (НСЦ).

Руководство ЕС, оценивая деятельность ЕАООС, подчеркивает, что главной задачей Агентства должно стать повышение эффективности политики ЕС в решении различных экологических проблем.

Функционирование сетей, таких как ЕИОНЕТ, было бы невозможным без их обеспечения исходными данными о состоянии природной среды в регионе ЕС.

Система обеспечения информацией базируется на созданной в течение многих лет мощной технической инфраструктуре, в развитие которой вкладывались и продолжают вкладываться огромные средства.

Об этом свидетельствуют, в частности, многочисленные программы и проекты, реализуемые в странах и регионах ЕС.

Особое внимание уделяется внедрению современных средств наблюдений, оценки,

прогноза и предотвращения стихийных бедствий в регионе ЕС.

Например, весьма интересны следующие проекты:

- DEDICS – Пространственная система информации и контроля экологических бедствий.
- DAEWS – Дунайская система предупреждения об авариях и чрезвычайных ситуациях.
- TELEFLEUR – применение телекоммуникационных информационных технологий для борьбы с паводками в урбанизированных районах.

Достаточно развитая инфраструктура и значительный потенциал в области знаний и информации в странах ЕС, необходимых для решения проблем в системе: “развитие – торговля – окружающая среда” нарастает.

Так, 6-я рамочная программа ЕС как одну из важнейших поставила задачу реструктуризации Европейского исследовательского пространства. Для этого выполняется ряд проектов, таких как GEANT (создание мощной высокоскоростной коммуникационной сети для всех исследователей в регионе ЕС).

К ним также относится проект GRID (создание высокопроизводительной системы для развертывания улучшенной инфраструктуры GRID).

В 1999 г. ЕС, реализуя намерение об обеспечении своего лидерства в нарождающемся “Информационном обществе”, начал осуществление долгосрочной исследовательской и практической программы: “Технологии информационного общества” (IST).

Она включает четыре технологических приоритета:

- Внедрение научных исследований в технологические области, которые представляют особый интерес для решения задач устойчивого развития.
- Развитие современных средств коммуникации и компьютеризации. Будут созданы новые поколения беспроводных и мобильных коммуникационных систем и сетей, включая спутники, а также выполнен ряд исследований, позволяющих создать следующее поколение Интернет.
- Разработана и внедрена в производство продукция нано-, микро-, оптикоэлектронных и фотонных компонентов, которые устранят ограничения по миниатюризации, потреблению энергии, стоимости и экологии.
- Улучшение управления информацией в системах связи и информации.

На решение указанных задач только в 2002–2006 гг. выделено около 4 млрд. евро.

Устранение разрыва между развитыми странами и остальным миром

Постоянное совершенствование потенциала стран ЕС, США и Японии, предоставляет им огромные преимущества перед остальными странами мира. Эти преимущества позволяют развитым странам еще более укреплять ключевые позиции на мировом рынке ЭТУ, устанавливая выгодные для себя и чаще ущербные для развивающихся стран политические и экономические условия при решении проблем в системе “международная торговля – окружающая среда – развитие.”

Об этом свидетельствуют многочисленные конфликты, возникающие в связи с деятельностью западных “природоохранных” ТНК в таких странах, как Бразилия, Аргентина, Боливия, Южная Африка и т.д.

Несбалансированные условия на мировом рынке ЭТУ поддерживаются жесткими ограничительными мерами, например, ЕС, в отношении доступа “третьих стран” на его рынок экологических товаров и услуг.

Развитые страны не заинтересованы и, вопреки многочисленным декларациям, не предпринимают реальных шагов по оказанию помощи в создании и укреплении национального потенциала стран “третьего мира”, необходимого для защиты своих интересов в сфере “торговля – окружающая среда – развитие”.

Такой дисбаланс в торгово-экономических отношениях можно проследить, в частности, при анализе процессов приватизации водного сектора в развивающихся странах, которая им активно навязывается развитыми странами в течение последних 20 лет.

Темпы этой приватизации исключительно велики.

Так, они составляют:

- в Латинской Америке: 4% в 1997 г. и 60% в 2010 г.;
- в Африке 3% в 1977 г. и 33% в 2010 г.;
- в Азии: 1% в 1977 г. и 20% в 2010 г.

Могут быть выделены следующие особенности этого процесса:

1. Направленность на тотальный характер приватизации в “третьем мире” в отличие от западных стран.

В Германии, США, Японии основная часть инфраструктуры в секторе водоснабжения находится в руках государства.

США, проводя переговоры в рамках ВТО о либерализации торговли ЭТУ, действуют осторожно и избирательно. Они отказываются предоставлять иностранным поставщикам услуг право осуществлять инвестиции или получать доходы в отраслях, являющихся монополией государства. Это, прежде всего, относится к водоснабжению и распределению водных ресурсов.

Представители США, обосновывая такую позицию, считают неприемлемыми для своей страны положения ГАТС для либерализации и приватизации этих видов деятельности.

2. Для развивающихся стран является показательной критическая реакция ряда этих стран на результаты состоявшейся в Гонконге 6-й министерской конференции стран-членов ВТО (декабрь 2005 г.).

Они подвергли резкой критике политику богатых стран и ключевых финансовых институтов (МБРР, МВФ, ВТО и т.д.) по либерализации и приватизации воды, которая насаждается в развивающихся странах.

Эта политика сводится к следующему: “Единственный путь избежать глобальной нехватки воды, которая сейчас имеется в ряде регионов, а вскоре охватит весь мир, заключается в том, чтобы приватизировать воду, превратить ее в товар, выставить этот товар на открытый рынок для продажи по наивысшей цене, и подчинить эту торговлю правилам, по которым торгуют обувью”.

Для реализации этой политики предполагается, что “любое правительство страны-члена ВТО должно предоставить зарубежным инвесторам права, равные правам национальных инвесторов, прежде всего, тех, кто находится под управлением государства или общества. Для этого необходимо пересмотреть существующее законодательство с тем, чтобы удовлетворить вышеназванное условие”.

Считая неприемлемым такой подход, его оппоненты приводят примеры неэффективности и узкокорыстных устремлений западных ТНК, которые являются реальными хозяевами мирового рынка ЭТУ.

Их деятельность приводит к усугублению ключевых для стран проблем в этой области, прежде всего, проблемы водоснабжения и санитарии.

Опыт работы ТНК в таких странах, как Южная Африка, Боливия, Аргентина и других ведет к экономическим потерям, установлению неприемлемого платного водообеспечения (особенно для бедных), увеличению неравенства в доступе к чистой воде и средствам ее очистки, коррупции в водохозяйственной деятельности, увеличению зависимости бедных

стран от богатых и т.д.

3. Обращается особое внимание на опасность координации и объединения усилий богатых стран (например, стран ЕС), ТНК и международных финансовых институтов в навязывании приватизации и подходов ГАТС в торговле ЭТУ.

ЕС, принимая активное участие в переговорах в рамках ВТО по торговле ЭТУ и подчеркивая лидирующую мировую роль европейских ТНК в решении проблем водоснабжения, заявляет, что он ставит главной целью на переговорах по этому вопросу – “добиться устранения барьеров, которые поставлены перед европейскими операторами на рынках третьих стран”. При этом ЕС настаивает на включении в рамки ГАТС соглашений по открытию странами рынков питьевой воды и на неограниченном доступе на эти рынки (и других прав) для западноевропейских ТНК.

Указанная позиция ЕС вырабатывалась в тесном взаимодействии с ТНК-гигантами в сфере ЭТУ: Vivendi, Suez, RWE и другими.

Принятие странами предложений ЕС приведет к утрате прав национальных органов власти в вопросах водообеспечения, включая контроль цен на ЭТУ. В частности, потому, что одно из требований ЕС заключается в том, чтобы в соответствии с положениями ГАТС, для ТНК в стране были созданы “условия, не более обременительные, чем это необходимо”.

Итак, деятельность международных финансовых институтов является элементом политики Запада по установлению контроля ТНК в водном секторе развивающихся стран и стран с переходной экономикой.

Особенностью современной национальной водной политики практически всех развивающихся стран является их полная зависимость в решении водохозяйственных проблем от международных финансовых институтов и других западных доноров. Во многих странах такая помощь (займы) являются единственным источником средств для поддержания функционирования водного сектора.

Например, МВФ, давая согласие на облегчение долгового бремени развивающихся стран, требует от них приватизации водного сектора. Что касается Всемирного Банка (и многочисленных других банков-доноров), то они не дают кредиты развивающимся странам, если те отказываются рассматривать воду как товар.

При этом принятая Всемирным Банком в 2003 г. стратегия в секторе водных ресурсов исходит из того, что страны, чтобы быть клиентами Банка, должны:

- децентрализовать водные службы;
- реализовать принцип 100% оплаты водных услуг потребителями в качестве меры для стимулирования частных инвестиций.

Примеров таких требований много.

1. Мозамбик – ему списана часть внешнего долга только после согласия приватизировать систему водоснабжения Мапуту и разрешить участие частного сектора в управлении водным сектором страны;

2. Парагваю Всемирный Банк отказал в займе в 46 млн. долл. (1999 г.), так как правительство не приватизировало свой водный сектор;

3. Всемирный Банк (2001 г.) предоставил Гане заем в 110 млн. долл. после того, как правительство страны выполнило его условие – подняло тарифы на воду на 95%, что закрыло доступ к чистой питьевой воде огромного числа граждан страны.

Реализация указанных требований в развивающихся странах и странах с переходной экономикой, с одной стороны, ущемляет интересы беднейшей части населения, а с другой – создает благоприятные условия для проникновения ТНК западных стран на рынки ЭТУ в странах “третьего мира”. Этот процесс в значительной мере облегчается тем, что в этих странах фактически отсутствует необходимый потенциал для конкуренции с западными ТНК в водохозяйственном секторе.

О неприемлемости такой политики для развивающихся стран и для стран с переходной экономикой свидетельствуют авторитетные международные исследования, в частности, ЮНЕП, ЮНКТАД, ЭКЛА, и т.д.

Западные специалисты при подготовке фундаментального исследования: “Финансирование воды для всех” (так называемый “Доклад Камдессю”, 2003 г.), при всей его апологетике ключевой роли ТНК в развитии водного сектора в странах мира, вынуждены были признать, что внедрение рыночных методов в водном секторе стран, не имеющих опыта в этой области, является длительным и трудным процессом”. Также они признали, что не во всех странах приватизация и либерализация торговли ЭТУ дает позитивные результаты.

Сохранению преимуществ развитых стран в большой мере способствует доступ к информационно-коммуникационным технологиям (ИКТ) для решения указанных проблем. Эта пропасть не позволяет менее развитым странам эффективно участвовать в международной торговле ЭТУ.

Значительно снижается их конкурентоспособность на мировом рынке, что проявляется в следующем:

- Замедление и сужение потоков рыночной информации в сфере ЭТУ, что приводит к непрозрачности рынков и числа его участников как покупателей, так и продавцов.
- Лишение компаний (не работающих на рынке Интернет) возможности получать факторы производства по более низким ценам и продавать свои товары и услуги на более широком зарубежном рынке. Кроме того, отставшие в развитии ИКТ страны уступают часть своего товарооборота компаниям, которые реализуют ЭТУ более эффективно.

На сегодняшний день, по данным ЮНКТАД, в наибольшей опасности находятся малые и средние предприятия развивающихся стран. Это также относится к странам с переходной экономикой.

– Страны, отстающие в сфере ИКТ, лишаются возможности торговать ЭТУ в режиме онлайн (например, продажа программного обеспечения в сфере ЭТУ, предоставление через Интернет финансовых услуг и т.д.). И хотя некоторые развивающиеся страны достигли определенных успехов в этой области (например, Индия), потенциал развитых стран в обеспечении этих услуг, в частности обработка цифровых данных, несоизмеримо выше, что дает им возможность отвлекать часть таких операций от развивающихся стран.

– Долгосрочный успех, которого добиваются компании развитых стран и сами страны в международной торговле ЭТУ, в значительной мере определяется умением создавать хороший имидж. Интернет облегчает распространение информации о фирменных наименованиях, особенно с применением экомаркировки товаров. Это способствует увеличению доли рынка.

Могут ли развивающиеся страны преодолеть разрыв в потенциале, необходимом для достижения целей устойчивого развития?

К сожалению, нет оснований для оптимизма в этой области. Возможно, точный ответ на этот вопрос сформулировал профессор Ф.Радмахер, Директор НИИ обработки прикладных знаний (Германия), на Международной конференции по применению средств телекоммуникаций для устойчивого развития (Мюнхен, июнь 1999 г.). Он подчеркнул, что устойчивое развитие может быть достигнуто только в той мере, в какой это позволит сделать мировой рынок.

Таким образом, круг замкнулся.

Как уже отмечено, мировой рынок ЭТУ на 85% принадлежит ТНК западных стран.

Их интересам вовсе не отвечает укрепление потенциала развивающихся стран и стран с переходной экономикой, что значило бы создавать конкуренцию своему монопольному положению на мировом рынке ЭТУ. Этим и объясняется отсутствие реальной помощи

“третьему миру” со стороны западных стран в создании и укреплении национального потенциала в этой области.

Поэтому ключевой смысл приобретает рекомендация ЮНЕП, высказанная на семинаре ЮНЕП/ЮНКТАД по созданию потенциала в развивающихся странах в области торговли, окружающей среды и развития (Южная Африка, Кейптаун, май 2003 г.).

Базируясь на выводах семинара о том, что африканские страны “проигрывают” западным странам в переговорном процессе ГАТС ВТО по торговле ЭТУ, ЮНЕП настоятельно рекомендовал опираться на национальные структуры по оценке потенциала стран Африки в секторе ЭТУ.

Развивая данную рекомендацию, африканские представители подчеркивали важность такого подхода не только к оценке, но и к формированию и реализации национальной политики в этой области.

Уроки зарубежного опыта

Вышеизложенные проблемы, с которыми сталкиваются разные страны мира в сфере “торговля – окружающая среда – развитие”, исключительно актуальны и для России. Как следует из заявлений российского руководства, принципиальное решение о вступлении страны в ВТО – принято. Однако при его практической реализации применительно к рассматриваемой сфере мы обязаны учитывать, что Россия также находится в неблагоприятных стартовых условиях членства в ВТО. Это связано как с доминированием западных представителей на рынке ЭТУ, так и со стихийным, по сути, характером интеграции России в мировую экономику в последние 15 лет.

Конечно, указанное не означает, что в России, как в большинстве развивающихся стран, отсутствует национальный потенциал в сфере “торговля – окружающая среда – развитие”. Основы этого потенциала (инфраструктура, в том числе информационно-коммуникационные технологии, кадры, ресурсы), несмотря на значительные потери в последние 20 лет, пока сохранились. По-видимому, главной проблемой является отсутствие общегосударственного видения и управления все усложняющимися взаимосвязанными процессами в этой сфере.

Исходя из имеющегося мирового опыта, а также учитывая специфику российских условий, на настоящем этапе приоритетным направлением деятельности в стране в сфере: “торговля – окружающая среда – развитие” должна стать разработка и реализация долгосрочной широкомасштабной программы по укреплению существующего в стране потенциала в этой сфере. Программа должна быть направлена на расширение, укрепление и координацию существующих законодательных, организационных, научно-технических, финансовых и кадровых возможностей.

Можно выделить три основных компонента такой Программы:

1. Осуществление комплексной оценки торговой политики страны;
2. Разработка и реализация национальной политики в отраслях экономики, в рамках которой будут ясно и конкретно отражены чистые выгоды для страны от международной торговли;
3. Адаптация и внедрение накопленных в мире знаний и технологий, которые обеспечат экологическую составляющую в решении задач устойчивого развития и повысят способность страны эффективно участвовать в мировой торговле.

При комплексной оценке торговой политики страны одной из ключевых задач является анализ и разработка предложений по улучшению законодательной базы в сфере: “торговля – окружающая среда – развитие”.

Неблагополучное положение в России в этой области можно проиллюстрировать многими примерами, в частности:

Огромный ущерб наносится общегосударственным интересам страны, в том числе ее окружающей среде, из-за отсутствия закона, устанавливающего научно-обоснованные

объемы отчислений на охрану природы при добыче и транспортировке нефтегазовых ресурсов на континентальном шельфе страны.

Законы, принятые в других странах, вплоть до мелочей регламентируют такие работы, устанавливая значительные отчисления (от 10 до 30% и даже больше от стоимости “нефтяного проекта”) на охрану природы при морской нефтегазодобыче.

В России фактические отчисления на эти цели несравненно меньше.

Проект такого закона уже более 6 лет “пылится” в Государственной Думе РФ, по-видимому, потому, что затрагивает чувствительные аспекты нефтяного бизнеса.

На фоне острого кризиса мирового рыболовства, одним из последствий которого является все большая эксплуатация зарубежными компаниями морских рыбных ресурсов России, в стране не предпринимаются необходимые меры по защите национальных интересов в этой области.

Уже в многие годы Госдума России не может принять ФЗ “О рыболовстве и охране водных биоресурсов”. Следствие – абсолютно недостаточные функции государства в регулировании рыболовства.

Удручающе выглядит сравнение этих функций, например, в России и Норвегии. Оно свидетельствует о фактическом устранении Российского государства из этой сферы, в то время как Норвегия осуществляет жесткий государственный контроль рыболовства¹.

Негативные для страны последствия могут иметь многочисленные проекты Евросоюза в России в рамках программы ТАСИС.

Анализ этих проектов в природоохранном и водохозяйственном секторе свидетельствует о том, что их главными целями является не оказание помощи России, а сбор разнообразной информации. В свете проводимой западными странами политики сохранения и укрепления преимуществ на рынке ЭТУ в “третьих странах” такой характер и результаты проектов ТАСИС невыгодны России, поскольку направлены, в частности, на создание преимуществ зарубежным конкурентам, особенно в виду ее предстоящего вступления в ВТО.

Кроме того, для России невыгодно и то, что 80–90% средств, выделяемых ЕС на реализацию проектов ТАСИС, расходуются на оплату услуг западных экспертов. ЕС жестко контролирует выполнение этого требования, равно как и требования о том, чтобы не допускать ученых и специалистов из России для выполнения исследований и необходимых работ в экологическом секторе западноевропейских стран.

В стране не осуществляется анализ эффективности как проектов ТАСИС, так и другой иностранной “помощи” по многочисленным природоохранным проектам (счет идет на миллиарды долларов в течение последних 10–15 лет).

Другим важным направлением анализа должна быть оценка последствий вступления России в ВТО с точки зрения защиты национальных интересов в сфере ЭТУ. В рамках анализа должны быть, в частности, рассмотрены позитивные и негативные для страны аспекты требований ГАТС/ВТО в отношении либерализации торговли ЭТУ.

В этой связи заслуживает особого внимания опыт других стран по увязыванию либерализации с реальным инвестиционным процессом в этой области.

Также необходимо тщательно изучить зарубежный опыт в отношении приватизации сферы ЭТУ, особенно водного сектора, с учетом специфики российских условий, связанных с ролью государственного сектора в торговле ЭТУ.

При оценке законодательных аспектов вступления России в ВТО, необходимо рассмотреть вопросы:

- Формирование критериев для доступа на внутренний рынок иностранных компаний и физических лиц (например, максимальный уровень цен для потребителей, доля прибыли для инвестирования в инфраструктуру, критерии передачи технологий и ноу-хау, квалификационные и сертификационные требования к физическим лицам, критерии предоставления национального режима на внутреннем рынке, и т.д.).

- Выработка норм и правил доступа на российский рынок (регулирование иностранных инвестиций; ограничения, действующие в области иммиграции; санитарные и экологические нормы, регулирующие имущественные права; вопросы планирования водохозяйственной деятельности; политика страны в области конкуренции, в частности применительно к монополиям в секторе коммунальных услуг; нормы, регулирующие деятельность акционерных компаний; права на интеллектуальную собственность).

При разработке национальной Программы по формированию и реализации политики в отраслях экономики, отражающей чистые выгоды для страны от международной торговли, ключевой задачей, обеспечивающей эффективную реализацию политики, должна стать комплексная оценка ценности национальных природных и экологических ресурсов. Эта оценка необходима для анализа “затрат-выгод” при использовании ресурсов, оценки риска, уточнения общегосударственных интересов и задач с точки зрения предотвращения деградации окружающей среды и недопущения истощения природных ресурсов.

Интересам России отвечало бы проведение в системе ООН глобального исследования по проблеме “потребления и производства”, включенной в качестве одного из ключевых пунктов в План действий по итогам Всемирной встречи на высшем уровне по устойчивому развитию (август 2002 г.). Важность исследования связана со все увеличивающимся потреблением развитыми странами невозобновляемых природных и энергетических ресурсов при возрастающей роли России в удовлетворении этих нужд. Результаты исследования могли бы выявить пути решения проблемы “устойчивого потребления и производства”, удовлетворяющие природоохранным требованиям на национальном, региональном и глобальном уровнях.

Рассмотренный опыт других стран подчеркивает важность для России третьего компонента национальной Программы – необходимость внедрения в стране накопленных в мире знаний и технологий в области ЭТУ.

Необходимо создание на местном, региональном, национальном и международном уровнях информационных сетей по всему комплексу вопросов проблематики международной торговли, окружающей среды и развития.

Применительно к торговле такие сети должны создавать, накапливать и обеспечивать рассмотрение: знаний, информации, технологий и средств коммуникации, относящиеся к международной торговле ЭТУ, вопросов защиты прав интеллектуальной собственности, инвестиций и правительственных закупок, аспектов конкуренции, и т.д.

Указанные сети информации будут иметь огромное значение при решении, например, проблем поиска и освоения международных рынков для ЭТУ (не возобновляемые сырьевые ресурсы, хлопок, лес, в перспективе – питьевая вода, экологическая экспертиза, и т.д.).

Реализация предложенных мер по укреплению потенциала страны будет способствовать решению таких важных задач, как:

- Создание в стране полноценного рынка экологических товаров и услуг;
- Улучшение делового климата в стране, повышение ее инвестиционной привлекательности;
- Обеспечение прозрачности во внешнеэкономической деятельности, связанной с торговлей ЭТУ;
- Информирование потребителей о положении на мировых рынках ЭТУ, о соблюдении нормативов ВТО в её странах-членах;
- Диверсифицирование импортных тарифов на ЭТУ, что усилит позиции России при предоставлении взаимных уступок и введении торговых ограничений;
- Обеспечение прозрачности деятельности естественных монополий в области ЭТУ, включая их тарифную политику и финансовые потоки;

- Обеспечение подготовки специалистов, способных использовать правовые нормы ВТО и действующую в ней систему разрешения споров для отстаивания интересов России.

Примечания

¹ Иванов И.В. Система управления рыбными ресурсами Норвегии // Вестник МГТУ. Мурманск, 2001. Т. 4. № 2.

* ГАТС – Генеральное соглашение по торговле и услугам – принято в 1995 г., но применительно к торговле экологическими товарами и услугами переговоры по ГАТС в рамках ВТО начались в 2001 г. принятием Министерской декларации в Катаре.

** ЮНЕП – Программа ООН по окружающей среде; ЮНКТАД – Конференция ООН по торговле и развитию.

НАМЕРЕНИЯ И РЕАЛЬНОСТЬ

К юбилею Потсдамской конференции

А.Исаков,
профессор

Шестьдесят один год назад, с 17 июля по 2 августа 1945 г., состоялась Потсдамская конференция трех великих держав – СССР, США и Великобритании, которая подвела военные и политические итоги Второй мировой войны. Вместе с И.В.Сталиным в ней приняли участие новый президент США Г.Трумэн и премьер-министр Великобритании У.Черчилль, которого в ходе конференции сменил лейборист К.Эттли, победивший на парламентских выборах.

К этому времени интересы победителей все более расходились, особенно по вопросам послевоенного устройства Германии и Польши.

Германская проблема

Центральное место на Потсдамской конференции занял германский вопрос. Решая судьбу Германии, союзники стремились заложить основы нового мироустройства и межгосударственных отношений в Европе, а также системе международной безопасности.

На конференции было решено полностью разоружить и демилитаризовать Германию, упразднить ее силовые структуры и спецслужбы – вермахт, СС, СА, СД и гестапо, ликвидировать военную промышленность, наказать преступников. Запрещалась любая нацистская и милитаристская деятельность и пропаганда. Предусматривалась реконструкция политической жизни Германии на демократической основе. Вопрос о расчленении германского государства, в отличие от Ялтинской конференции, где предусматривалось создать четыре зоны оккупации, уже не рассматривался. Государства-победители обязались принять все меры к тому, чтобы Германия никогда больше не угрожала сохранению мира на планете и выплатила положенные репарации. Правда, последний вопрос выявил среди “большой тройки” определенные разногласия. СССР и США удалось выработать компромиссное решение, согласно которому Советский Союз получил репарации из своей зоны оккупации и за счет германских вложений за рубежом, а также четверть промышленного оборудования из западных зон. При этом из своей доли, по настоянию Великобритании, Советский Союз должен был удовлетворить и репарационные претензии Польши.

Немало споров возникло вокруг возрождения промышленности Германии.

По общему согласию союзников, возрождение промышленного потенциала Германии должно было носить исключительно мирный характер, хотя хорошо известно, что четкой грани между военной и невоенной промышленностью не существует.

Последующие события показали, что Германия, быстро восстановив тяжелую промышленность, угледобычу, машиностроение, уже к началу 60-х годов прошлого столетия, вопреки решениям Потсдамской конференции, создала основу для возрождения военной промышленности.

Сейчас Германия – одно из наиболее промышленно развитых государств Западной

Европы.

Объединив экономику ФРГ и ГДР, она в 2005 г. производила: 498 млрд. кВт-ч электроэнергии (на тепловых и 20 атомных электростанциях), 91 млн. т каменного угля, 47 млн. т стали, 38 млн. т чугуна, 7,8 млн. т нефти, 4,5 млн. автомобилей.

Это позволило Германии создать первоклассную военную промышленность, оснастить бундесвер современной боевой техникой и развернуть широкий экспорт оружия. Сейчас бундесвер одна из сильных армий Европы.

На 1 января 2006 г. под ружье при населении 82,5 млн. чел. и военном бюджете 30,1 млрд. долл. (2005 г.) было поставлено 284,5 тыс. чел. (в том числе 94,5 тыс. чел. по призыву).

Резерв вооруженных сил составляет 358,6 тыс. чел., мобресурсы – 20,5 млн. чел.

Сухопутные войска насчитывают 192 тыс. чел. и включают штаб германо-голландского корпуса, штаб германо-американского корпуса, семь дивизий (3 танковые, 2 мотопехотные, аэромобильную и специальных операций), командование специальных операций, 2 бригады тылового обеспечения, 13 танковых и мотопехотных бригад, несколько бригад других родов войск.

На вооружении сухопутных войск состоят 2400 танков, 3700 бронетранспортеров и боевых машин пехоты, 1700 артиллерийских орудий, около 2 тыс. пусковых противотанковых установок, 1500 орудий зенитной артиллерии, около 150 зенитных ракетных комплексов, 525 вертолетов.

Военно-воздушные силы (около 68 тыс. чел.) включают 384 боевых самолета и состоят из 18 авиаэскадрилий различного назначения и 24 зенитных ракетных дивизионов.

Военно-морские силы имеют в своем составе около 26 тыс. чел.

Они включают две эскадры надводных лодок, 4 эскадры подводных кораблей, 3 эскадры ракетных катеров, 8 авиационных эскадрилий.

Всего на вооружении ВМС Германии состоит 13 подводных лодок, 2 эскадренных миноносца, 20 ракетных катеров, около 70 самолетов и более 40 вертолетов.

По планам НАТО, бундесвер совместно с вооруженными силами Польши должен быть основной ударной силой для “предотвращения” угрозы с Востока.

Для расширения географических рамок применения германских вооруженных сил и создания условий для их задействования вне зоны ответственности блока в 2003 г. бундестагом одобрен документ “Основные направления политики ФРГ в области обороны”, в котором впервые в послевоенной истории страны бундесверу определяется цель – “готовиться к решению задач за пределами национальной территории”.

Правда, в течение ряда последних лет, особенно в 2001–2003 гг., в экономике Германии усилились застойные явления, следствием чего явилось общее ухудшение уровня жизни немецкого населения.

Так, темпы роста ВВП в течение 2004 и 2005 гг. были близки к нулю, а в ряде отраслей – отрицательными.

Безработица несколько лет достигает уровня 4 млн. чел., а в начале 2006 г. превысила цифру 5,2 млн.

Остро стоит вопрос с выравниванием уровней экономического развития в старых и новых федеральных землях. Пока уровень жизни восточных немцев отстает от западных на 12–15%, а безработица в восточных землях выросла до 20%. Население Германии стареет.

Пенсионному фонду грозит многомиллиардный дефицит. Пенсионный возраст для мужчин в 2006 г. повышен с 60 до 63 лет.

Страховой взнос в пенсионные фонды остается на уровне 19,5% от совокупного дохода.

Германский рынок труда с 2006 г. открыт только для высококвалифицированных иностранцев.

В настоящее время Германия уверенно занимает четвертое место среди мировых экспортеров вооружений (после США, России и Франции). Об этом сообщается в

представленном в Берлине докладе объединенной конференции “Церковь и развитие”, где указывалось, что в 2004 г. на мировом рынке Германия реализовала оружия и военной техники на сумму 3,8 млрд. евро. В докладе также отмечалось, что новое правительство под руководством канцлера Ангелы Меркель не намерено сокращать программу экспорта вооружений.

Одновременно Германия выступает в качестве одной из главных движущих сил в процессе реформирования Евросоюза, главной целью которого является обретение большей независимости объединений Европы от США в экономической, военно-политической и военной сферах. В достижении своих целей руководство Германии рассчитывает на поддержку союзников, и в первую очередь Франции. Однако со стороны США, Великобритании и других европейских государств планы Германии воспринимаются с настороженностью, как и ее попытки стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.

Основными направлениями внутриблоковой деятельности Германии являются:

- совершенствование структуры и системы управления ВВС НАТО;
- повышение коалиционных возможностей по реагированию на нетрадиционные угрозы (в первую очередь, связанные с международным терроризмом и оружием массового поражения);
- содействие дальнейшей интеграции с альянсом вновь принятых стран.

Для усиления своих позиций в НАТО Германия добивается повышения роли возглавляемых ею комитетов и сохранения на прежнем уровне своего значительного по численности военного компонента в составе объединенных вооруженных сил.

Идя на поводу у США и НАТО, Германия неоднократно демонстрировала свои антидемократические настроения. В 60–80-х годах прошлого столетия она составила основной ударный кулак НАТО, нацеленный на страны социалистического содружества. В 1953 г., 1961 и 1968 гг. была главным инициатором провоцирования беспорядков в Германской Демократической Республике. В 1991 г., как об этом справедливо пишет независимый канадский ученый Мишель Коллон, Германия, возглавляемая канцлером Коллем, спровоцировала войну в Боснии и явилась основным инициатором распада Югославии.

Еще в 1979 г. немецкая разведка (БНД) направила в Загреб группу тайных агентов. Их задачей было поддержать Франье Туджмана – расиста, который пропагандировал этническую ненависть и делал все возможное, чтобы развалить Югославию. Германия финансировала и снабжала его оружием. Объяснялось это просто. ФРГ никогда не признавала объединенного югославского государства, которое мужественно сопротивлялось германской агрессии во время двух мировых войн.

Стремясь еще раз разъединить Югославию на мини-государства, Германия хотела установить безраздельный контроль над Балканами. Это была бы экономическая зона, которую она могла бы аннексировать и доминировать на ее рынке. Учитывала Германия и то обстоятельство, что через Югославию пролегают основные стратегические маршруты нефти и газа с Ближнего Востока и Кавказа. В 1992 г. министр внутренних дел Баварии заявил: “Гельмуту Колю удалось сделать то, что не смогли сделать ни император Вильгельм, ни Гитлер”.

Но этими “благими” деяниями не ограничивается послевоенный послужной список германских руководителей. Он сейчас значительно расширился и простирается через Югославию до Ирака и Афганистана.

Определенный интерес в вопросе послевоенного устройства Германии представляет четырехтомное издание, написанное группой видных немецких политиков и экономистов “История германского государства”. В работе довольно подробно излагается объединение двух германских государств – ФРГ и ГДР – и делается осторожный намек – прогноз о возможности виртуального “собрания” германских земель (Судеты, Силезия, Померания,

Восточная Пруссия).

Правда, на пути этих нереальных надежд немцев, как неприступная стена встают решения Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций трех великих держав, определивших послевоенное устройство и границы Германии. Но это вовсе не значит, что для германского государства все вопросы территориального устройства решены окончательно и бесповоротно.

Ведь уже наступил XXI в.

Здесь есть над чем подумать не только Чехии, Польше и России, но и другим державам – США, Великобритании, Франции, Италии. Последние кровно заинтересованы не в укреплении, а в ослаблении их постоянного конкурента не только на европейском, но и на мировом рынке.

Польский вопрос

Вторым по значимости на Потсдамской конференции был польский вопрос. Дело в том, что Польша как центрально-европейское государство, всегда играла роль связующего звена между Западной Европой и Россией. Поэтому западные державы всегда были заинтересованы иметь в Польше такую власть, которая бы надежно обеспечивала их интересы на Востоке. Советский Союз, наоборот, стремился к тому, чтобы Польша была свободным демократическим государством, состоящим в добрососедских отношениях с нашей страной.

Вот почему еще на Ялтинской (4–11.2.1945 г.) конференции глав государств СССР, США и Великобритании было достигнуто соглашение о правительстве и границах Польши.

Было предусмотрено создать на широкой базе Временное правительство Польши с включением демократических деятелей самой Польши и поляков из-за рубежа, в частности, С.Миколайчика, которой в 1943–1944 гг. был премьер-министром польского эмигрантского правительства в Лондоне. Советско-польскую границу предполагалось провести по “Линии Керзона”, а польско-германскую – по р. Нейсе и Одер. Позже эти вопросы были конкретизированы на Потсдамской конференции.

В результате Потсдамских соглашений к Польше отходила восточная часть Германии (Силезия и Восточная Померания, южная часть Восточной Пруссии, побережье Балтийского моря в районе Данцига и Гдыни). Соответствующим образом, как это было предусмотрено в Ялте, определялись границы Польши.

Потсдамская конференция не предусматривала каких-либо рекомендаций в отношении экономического потенциала Польши. Считалось, что он может быть восстановлен на собственной основе и за счет поступлений репараций из Германии. Но прошли годы и экономика Польши значительно превзошла довоенный уровень.

Она стала производить, по данным на 2005 г.: 142 млрд. кВт-ч электроэнергии, 204 млн. т каменного угля, 18,2 млн. т стали, 11,2 млн. т чугуна, 384 тыс. т меди, 238 тыс. т цинка, 300 тыс. автомобилей.

На этой основе к 1991 г. Польша стала располагать достаточно развитой военной промышленностью, смогла обеспечить потребности в вооружении собственных армии и флота и часть боевой техники обратить на экспорт. Однако на протяжении следующего десятилетия военный потенциал Польши значительно уменьшился, главным образом, из-за резкого сокращения собственных вооруженных сил, распада Организации Варшавского Договора, а также финансово-экономических проблем, возникших в стране.

Перелом к лучшему наметился в 2001 г., когда правительство Польши изменило подход к военному сектору и его нуждам. Именно тогда был принят основополагающий документ “Стратегия структурных изменений промышленно-оборонного потенциала на период 2002–2006 годов”. Из разрозненных предприятий (их было более 100) были созданы концерны, главными из которых в настоящее время является “Бумар” и Агентство развития промышленности (АРП). Структурные изменения позволили удешевить военную

продукцию, повысить ее качество и доверие со стороны потенциальных зарубежных заказчиков (стран Юго-Восточной Азии и Индии).

Войско Польское, оснащенное главным образом боевой техникой и вооружением собственного производства, представляет собой серьезную боевую силу, повысившую боевой потенциал НАТО, и имеет общую границу с Россией и Беларусью.

На 1 января 2006 г. численность вооруженных сил Польши при населении 38,1 млн. чел. составляла 141,5 тыс. чел. (в том числе 67,5 тыс. срочнослужащих).

Кроме того, в Польше более 14 тыс. чел. находится в пограничных и 8 тыс. чел. во внутренних войсках.

Резерв вооруженных сил – 234 тыс. чел., мобресурсы – 10,3 млн. чел.

Сухопутные войска Польши включают около 90 тыс. чел, штаб польско-германско-датского корпуса, 2 штаба корпуса, 3 механизированных и 1 бронетанковую дивизии, 17 бригад различных родов войск. На их вооружении состоит 974 танков различных модификаций, в том числе советских), более 900 боевых машин пехоты и бронетранспортеров, более 1000 орудий полевой артиллерии, в том числе 652 самоходных, 644 орудия зенитной артиллерии, 952 зенитных ракетных комплекса, около 170 вертолетов.

Военно-воздушные силы (30 тыс. чел.) имеют на вооружении 224 боевых самолета и 283 зенитных ракетных комплекса в основном советского производства и состоят из 7 авиаэскадрилий различного назначения.

Военно-морские силы (14,3 тыс. чел.) включают 3 флотили, авиацию и войска береговой оборон, в которых насчитывается 5 подводных лодок, 3 фрегата, более 30 ракетных катеров и 32 самолета.

Видя уязвимость своего положения в системе восточноевропейских государств (неудовлетворительное развитие экономики, слабое освоение западных земель, сложность польско-германских отношений). Польша стремится хотя бы частично компенсировать это активизацией деятельности в рамках НАТО, обострением польско-российских и польско-белорусских отношений, безропотной поддержкой акций США на международной арене (Иран, Афганистан, Косово).

Особого внимания заслуживает оценка польско-российских отношений, которые в последнее время значительно обострилась, причем из-за особой позиции польского государства. Особых причин, как отмечают многие обозреватели, две: историческая память и соблазн реванша в новой исторической обстановке (нахождение Польши под “зонтиком” НАТО и ослабленное положение России).

Действительно, исторически Польша всегда была плацдармом для вторжения агрессоров в Россию. Именно с ее территории начинались походы на Москву Швеции, Франции и Германии. Иными словами, угроза с Запада для России исходила из Польши на протяжении многих веков и осталась в памяти российского народа. Да и сама Польша неоднократно пользовалась периодами слабостей России для завоевания исконно русских земель.

Достаточно вспомнить смутное время (1598–1613 гг.), когда Польша захватила значительную часть западных земель русского государства. Или взять 1920 г., когда Польша, воспользовавшись критическим положением ослабленного в войне с Германией молодого советского государства, захватила Западную Украину и Западную Белоруссию.

Получается, что в историческом противоборстве Западной Европы с Россией Польша всегда играла роль своеобразного “восточного вала”, который, с одной стороны, сдерживал влияние России на Западную Европу, а с другой – служил исходным рубежом для агрессии западноевропейских стран против России.

Это позволяло Польше периодически усиливать свою мощь и вести империалистическую политику. Царская Россия отвечала Польше тем же. Она совместно с Пруссией и Австрией организовала несколько территориальных разделов Польши. Не случайно к концу 70-х годов XVIII столетия Польша представляла собой тяжелую картину: анархия достигла небывалых размеров, шляхта, не подчиняясь центру, создавала на местах

свои воинские формирования, рассчитывая тем самым повысить авторитет Польши на международной арене.

В новых исторических условиях Польша, видимо, сочла возможным возродить былую славу антироссийского плацдарма, рассчитывая на всемерную поддержку США, которые заинтересованы держать Россию под натовским прицелом. Более того, за океаном всячески поощряют стремление Польши взять на себя роль лидера тех стран, которые недовольны процессом объединения Старого Света. Не случайно в США заговорили о Новой Европе, имея в виду Польшу и некоторых других членов ЕС, которые заявили о своей готовности покорно идти в натовской упряжке. В этой связи следует вспомнить особую позицию Польши в рамках ЕС по Ираку, по Конституции ЕС, активизацию “польско-балтийской линии” в ЕС по вопросу его политики стратегического партнерства с Россией, объявление России злейшим врагом Польши. Такое поведение Польши вполне объяснимо. Борьба между Польшей и Россией за политическое, экономическое и военное влияние на Беларусь и Украину ведется уже более 500 лет с переменным успехом. В новых условиях с превращением Польши в активного члена НАТО у польского руководства возник соблазн геополитического реванша. Справедливости ради следует отметить, что у Польши сейчас нет для этого реальных возможностей. Если не считать амбиций не считающейся с реальностями польской элиты.

Достоин сожаления то обстоятельство, что польское руководство еще находится в плену реваншистских иллюзий. Оно упорно не хочет видеть политические реалии завтрашнего дня, когда со всей остротой встанет вопрос о западных землях Польши, судьбе Силезии и Восточной Пруссии, поиске путей налаживания взаимоотношений Польши с Украиной, Беларусью и Россией.

Выводы

1. Потсдамская конференция трех великих держав – СССР, США и Великобритании имела важное военно-политическое и экономическое значение и в значительной степени способствовала сохранению мира на планете на протяжении более полувека. Особенно велика была ее роль в развитии политических и экономических процессов в Западной Европе.

2. В свою очередь конференция в Потсдаме явилась своеобразным стартом “холодной войны” западных держав против стран социалистической ориентации, которая с переменным успехом ведется до сих пор. На смену открытым угрозам превентивной ядерной войны против СССР пришли ее скрытые формы, направленные на подрыв России изнутри, оттеснение ее из числа мировых держав и установление над ней политического, экономического и военного контроля.

3. В качестве ведущего государства Европы, которое вопреки решениям Потсдамской конференции, быстро восстановило свой экономический и военный потенциал, выступает Германия. Поглотив ГДР, она уже исподтишка помышляет о своих границах до Второй мировой войны и рвется к решению вопросов мироустройства далеко за пределами европейского континента. Все более откровенными становятся ее посягательства на Калининградскую область России. Идеи реванша за поражение во Второй мировой войне пока еще не выветрились из голов некоторых немецких политиков.

4. Польша, получившая в Потсдаме карт-бланш на самостоятельное демократическое развитие, после распада СССР, Организации Варшавского Договора и вступления в НАТО, стала проводить откровенно антироссийскую и антибелорусскую политику, оправдывая роль передового натовского плацдарма. Пользуясь поддержкой США и Европейского союза, Польша совершенно пренебрегает сложившимися реалиями и значительными экономическими и военными возможностями своих восточных соседей.

5. Россия, получив на Потсдамской конференции определенные гарантии своей безопасности, в настоящее время поставлена в роль скромного свидетеля негативных

процессов, протекающих у ее западных границ.

Современная геополитическая и экономическая обстановка на планете подтверждает основной итог Потсдамской конференции – за мир надо бороться и не забывать уроков истории.

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ РОССИИ

С.Иванова,
доктор философских наук, профессор
(Ставропольский государственный университет)

Национальная идея – феномен хорошо известный в истории практически всех стран и вполне закономерный. По сути, любая национальная идея представляет собой емкую, но в тоже время предельно сжатую формулу, из которой разворачивается базовая идеологическая концепция, настраивающая и определяющая жизнь государства, общества, граждан на длительную перспективу. Ее жизнеспособность определяется соответствием интересов развития государства вектору развития мирового сообщества в целом. Но самое главное, и в этом ключ к пониманию сути общенациональной идеи, – она должна жить в сердце человека с его повседневными житейскими проблемами, служить для него ориентиром в исканиях, утверждать его в достижениях и быть спасительной соломинкой в безнадежных ситуациях.

В последние 10 лет истории нашей страны заметно усилился интерес ко всему, что составляет основу национального единства. В современной культуре России актуализируется проблема использования идеи как механизма, консолидирующего общество для разрешения назревших проблем. Развернувшиеся в России преобразования остро ставят перед обществом задачу выработки консолидирующей национально-государственной идеологии.

Процесс “деидеологизации” общества, о котором говорилось в годы “перестройки”, опирался, по существу, на ложное понимание идеологии, сводя ее к политической идеологии, к “иллюзорному сознанию”, подчиняющему себе всю духовную жизнь общества и игнорирующему ее законы, ее преемственность по отношению к культурным национальным традициям. Рассматривая понятие “национальная идея”, прежде всего, как систему идей и ценностных принципов, отметим, что одним из ценностных центров ее должен быть именно патриотизм, являющийся одним из главных механизмов осуществления преемственности между поколениями в культурном развитии.

Представление о национальной идее как феномене в “новой России” стало очевидным после целой череды “вызовов”, предъявленных стране историей. Распад СССР, стремительная утрата государственной мощи и былых ценностных ориентиров при отсутствии общих представлений о судьбе страны, пагубно повлияли на самые значимые сферы – политическую, геополитическую, экономическую, социальную, культурную.

“Россия – в тисках комплексного кризиса... Россия расколота по вертикали и горизонтали”, “в сложном и противоречивом облике России нельзя не заметить определенного несоответствия между “душой” и “телом”¹ – так характеризуют большинство исследователей сегодняшнее состояние страны.

Российский “раскол” многолик, его причины лежат подчас далеко за пределами современности. В первую очередь требует исследования комплекс проблем, которые в совокупности можно определить как “вызов” внутренний – оказались разрушенными привычные ниши социального бытия. Это вызвало пересмотр ценностей и потерю устойчивой социокультурной идентичности миллионами людей, возросла социальная поляризация современного российского общества.

До настоящего времени стоящая у власти политическая, экономическая и интеллектуальная элита так и не смогла выработать четкие и понятные всем гражданам страны духовно-идеологические ориентиры того пути, по которому необходимо двигаться обществу. На “поиск” национальной идеи стали возлагаться порой даже излишне смелые надежды по улучшению социального климата и стабилизации кризисных явлений. Возник прецедент, когда самые разные субъекты национального процесса заявили о своей заинтересованности в обсуждении данной темы, что и привело к активизации общественных и политических дискуссий, посвященных поиску национальной идеи. Последнее обстоятельство особенно важно, так как указывает, во-первых, на основания для возможного национального согласия, во-вторых, позволяет общественным структурам встать наравне с государственными при управлении жизнью страны, и, в-третьих, подводит к пониманию основных черт общественного согласия по наиболее важным для страны проблемам.

Прежде всего, попытки персонифицировать национальную идею пред- приняли отечественные политики. С начала 90-х годов приверженность всему “национальному” стала непременной составляющей успешной политической карьеры. Интерес к этой теме проявляли в равной степени, как действующая власть, так и оппозиция (и “официальная”, и “маргинальная”).

Общеизвестно обращение президента Б.Ельцина к интеллигенции с призывом выработать современный вариант “идеи для России”.

В свою очередь, о приверженности национальной идее в самых разных ее трактовках высказывались и представители коммунистов², и правые демократы³, и радикально настроенные патриоты⁴.

Кроме того, героическая трактовка “национального” (отечественной истории, в том числе современной) стала гарантией успеха художественного произведения. Представление “русского” и “российского” в художественных образах раскрыло иные, по сравнению со сферой политической практики, стороны этой темы – придало ей, вместе с эмоциональной окраской, установку на соперничество, соучастие, единение. Достигалось это также различными способами – через обращение к историческим событиям разной давности или акцентирование проблем современности, через ставку на драматический или комический эффект от изображаемого, через обращение к патриотическим эмоциям зрителя. Основой сюжетных ходов были коллизии “внутри” русского быта, русского характера, а также характеристика национальных черт по контрасту за счет введения некоего “иностранного тела” – представителя другой страны, ментальности, культуры.

Многообразие социокультурных контекстов, в которых функционирует идея, ее значительная роль в национальном процессе породили в научном мире стремление установить современные “параметры”, выработать критерии оценки этого феномена и включить его по возможности в актуальный контекст.

Конечно, названные процессы не могли не затронуть СМИ, чьи интегративные потенциалы превышают возможности не только науки, но также политики и искусства. Представители этих сфер активно используют средства массовой коммуникации для более мобильного и действенного влияния на общественность. В ряде СМИ национальная идея явилась не только более понятной для актуального прочтения, но и приобрела достаточно регулярный режим общественного функционирования, оказавшись включенной в повседневный информационный поток.

Таким образом, в современной России тема “национального” стала непременной составляющей мнений и настроений самых широких общественных слоев, нации в целом. В ее формировании участвуют важнейшие сферы национальной жизни – политика, искусство, наука, СМИ, Интернет, где перекрещиваются и интегрируются интересы и ожидания членов различных социально-политических структур. Эти аспекты социокультурного взаимодействия, включающие социальное управление, социальную коммуникацию, социальное отражение, составляют сущность процесса духовного производства. А именно:

воссоздания мировоззренческих критериев, существенных для функционирования общественного сознания в определенной исторической форме. Следует отметить, что этим параметрам соответствуют не только произведения философов, политиков, журналистов, но и иные формы общественной жизни – публичные политические выступления, художественная и публицистическая литература, кинематографические произведения и т.д. Иначе говоря, то, что можно отнести к продуктам духовного производства, связанным с генерированием социально значимых смыслов, ценностных установок, идей.

В рассматриваемом плане важно учитывать, что первая составляющая понятия – “национальная” – определяет его сущностные основания, вторая – “идея” (“цель, замысел, смысл, отражающий предполагаемый результат деятельности”) – функциональное наполнение. Понятие “идея” тесно связано понятием “идеал”. То есть “национальная идея” есть система базовых идеалов базовой национальной культуры, которая, благодаря продуцированию данных идеалов, представляет собой соответствующую социокультурную целостность. В связи с рассмотрением основных концепций идеалов культуры, сложившихся в различных философско-культурологических направлениях, необходимо вновь обратиться к пониманию культуры как идеалообразующей стороне жизни людей. Создание идеалов и поклонение самым ценным из них свойственно как отдельному индивиду, так и социальной группе, социуму в целом.

Идея призвана мобилизовывать и нацию, и её отдельного представителя. В духовной сфере национальная идея создает и поддерживает определенную “картину мира”; создает и поддерживает определенную “картину нации”; осуществляет трансляцию тезауруса культуры; создает и поддерживает у представителей нации чувство психологического “комфорта” и защищенности.

Могут быть выделены три параметра национальной идеи в соответствии с ее функциями.

Во-первых, это осознание своей общенациональной идентификации. Национальная идея утверждается как синоним патриотической идеи и закрепляется в массовой психологии.

Консолидирующую функцию национального патриотизма, тесно переплетенного с национальной культурой, выразил П.Новгородцев: “Каждый народ, образовавший из себя духовное целое, имеет свою историю, свою культуру, свое призвание, носит в себе живую силу, которая сплачивает воедино его членов... Это великая сила духовного сплочения”⁵.

Во-вторых, это обоснование предназначения и смысла существования нации.

В-третьих, это конструирование своего национального идеала, связывающего воедино прошлое, настоящее и будущее нации. Выполняя целеполагающую функцию, национальный идеал определяет модель видения мироцелостности, указывает направление и цель движения, в соответствии с которым формируется будущее нации.

Актуальной представляется задача аккумулировать усилия всех участников национального процесса, отвечающих за духовное производство – представителей политики, науки, искусства, участников сети Интернет. Между тем указанные сферы реализуются в этом пространстве различными средствами. Политика утверждает в общественном сознании определенные идеологические ценности, что позволяет ее субъектам использовать национальную идею в качестве способа достижения и удержания власти, для получения общественной поддержки при реализации определенных политических задач. В сфере искусства образ “идеального национального” рассчитан на возможность одномоментно (в одном творческом акте) и ярко воздействовать на общественное сознание, объединять в одном эмоционально-образном пространстве представителей различных общественных и политических сил.

Поиск основ национальной идеи являет собой противоречивый и многосторонний процесс, в ходе которого идея порой настолько видоизменяется, что определить современные черты и границы существования этого феномена становится непросто.

Так, если наука и искусство призваны ответить на вопрос, “какие мы”, “чем

отличаемся от других”, то политику интересует скорее “что делать” и “как жить”. В первом случае национальная идея наиболее значима как фактор национальной самоидентификации, а во втором – национального целеполагания. Иначе говоря, эти сферы оперируют качественно разным знанием об одном и том же объекте. Отсюда – затруднения в современном прочтении очевидных, как кажется, мобилизационных задач и возможностей национальной идеи.

Не случайно большинство современных кампаний по выработке, формулированию идеи на самом деле порождают действительную заинтересованность в ней со стороны общества, но в результате так и не приводят к нахождению национальной идеи в том виде, который бы удовлетворил основных участников обсуждения.

Сложность представляет собой совмещение указанной иерархии представлений об идее. Разноуровневое функционирование этого феномена породило массу вопросов, неопределенностей, двусмысленностей уже на первых подступах к разговору о национальной идее для современной России.

Разнонаправленные тенденции – “модернизации” и “консервации” национальной идеи – лишаются антиномичности, если представить этот феномен в историческом развитии, в диалектике его культурных и цивилизационных составляющих. В науке известно, по меньшей мере, несколько трактовок понятий “культура” и “цивилизация” в самых разнообразных их соотношениях. Не вдаваясь в дискуссию, следует отметить, что в данном случае культуру можно определить как процесс и результат человеческой деятельности, смысл которой заключается в реализации определенных ценностей и жизненных смыслов. Цивилизация есть, соответственно, система средств, обеспечивающих эффективную реализацию ценностей, смыслов культуры. Цивилизационно-культурная динамика представляет собой искомую закономерность существования национальной идеи, в соответствии с которой выстраивается алгоритм возрастания её значимости – во взаимодействии всех сфер национальной жизни, участвующих в массовой коммуникации.

Однако в случае трансляции этих категорий на массовую аудиторию, “соборность”, “всеединство” и т.д. оказываются неизвестными национальному большинству, сложными для восприятия и актуальной трактовки. Для успешной интеграции в общественное сознание уровень теоретических обобщений должен трансформироваться в культуре, искусстве, журналистике, Интернете в более простые и современные формулы – и уже в таком виде поступить к обществу. Эти механизмы цивилизационных трансформаций национальной идеи обеспечивают формирование адекватного историческому времени (с его объективными социальными реалиями) и культурной потребности – комплексного представления нации о самой себе.

Названные составляющие идеи действуют и взаимодействуют на двух уровнях: больших социальных общностей, и межличностных контактов – соответственно, через надындивидуальную систему знаний, передающихся из поколения в поколение, и через обмен информацией между людьми одного поколения. Так формирование национальных приоритетов предстает в синхроническом (одномоментном) и диахроническом (эволюционном) измерениях. Осуществляя синхронное описание цивилизационно-культурного существования национальной идеи, возможно сделать шаг к диахроническому представлению об этом явлении, и, следовательно, к пониманию исторических закономерностей, его обусловивших.

Культурная составляющая национальной идеи обеспечивает “стабильность и “индивидуальность” в качестве определенного содержания исторического прогресса, аккумулятора исторического опыта”. Это своего рода национальный “неприкосновенный запас”, откуда под влиянием необходимости в модернизации национальной жизни, нация может черпать материал для мобилизации.

Общенациональная идея – необходимый элемент для формирования достаточно определенных мировоззренческих, социокультурных и прочих установок. Это делает подчас некорректным употребление классического термина “русская идея” (он уместен в случае

воссоздания исторической ретроспективы, описания взглядов теоретиков и т.д.). Но как отразить содержание идеи – основы совместного существования национального единства в определенное время, на определенной территории, в условиях определенной общественной организации?

По замечанию С.Клишиной, “идет бойкий обмен знаками – демократия, рынок, держава, Великая Россия, патриотизм – знаки гуляют туда-сюда, не признавая границ”⁶.

Новая палитра смыслов стимулировала терминологическое творчество для оптимизации формы и содержания идеи. Начальный период определения основных “за” и “против” дискуссии о национальной идее в современной России отразил в своей семантике термин “русский вопрос”.

Характерная цитата: “Общеизвестно сегодня, что одной из самых “болевых сфер” нашей общественной жизни является так называемый русский вопрос... Идеиные искания в этой области способны дать потрясающий, взрывной эффект”⁷.

Еще одна распространенная терминологическая вариация – “русская национальная идея”.

Контекст ее употребления связан со стремлением декларировать русский народ как связующий (центральный) элемент национального единства.

“Русская национальная идея” находится в рамках спора о том, может ли Россия существовать не как империя или союзное государство, а государство национальное, обладающее своим особым идентитетом среди других государств.

Это обусловило широкое применение этого термина – от обрисовки интересов русского народа в современной геополитике, до взглядов, выдержанных в духе шовинизма.

Термин “Идея для России” отличается от предыдущего определенной векторной направленностью. Есть источник, инициатор, “держатель” идеи и есть ее “потребитель”.

Этот терминологический вариант активно использовался “Российской газетой” в период поиска национальной идеи, последовавший за президентскими инициативами Б.Ельцина.

В действительности же “Идея для России” в данном контексте – термин, указывающий на некое заимствование, внешнее происхождение идеи, и потому уменьшающий ее самооценку, создающий временный, “промежуточный” образ национального единства.

По замечанию Э.Соловьева, в этом случае призыв к разработке национальной идеи есть не что иное, как циничный госзаказ, который не может быть честно выполнен⁸.

Противоположное понимание объединяющих современную Россию основ отражено в термине “российская идея”. Здесь исключена составляющая, указывающая на этнические корни страны. Сделано это, по-видимому, с целью подчеркнуть приверженность новому типу государственности, ориентированному на западные стандарты (гражданское общество, правовое государство), где вопрос национальной идентичности решается не по этническому, а по государственно-правовому принципу.

Каждая из описанных терминологических вариаций далеко не исчерпывает предмета и создает необходимость различного рода оговорок и уточнений при использовании. Терминологические затруднения являются, с одной стороны, объективным следствием сложности и новизны для нашего общества самой темы, а с другой – нельзя не отметить присутствие определенной (и вполне осознаваемой авторами) идеологической подоплеки в выборе того или иного варианта словоупотребления.

Несложно заметить, что во всех выделенных выше концептах культурного дискурса современной России (“державническая”, “националистическая”, “демократическая” и т.д. идеи) действуют, по большому счету, два смысловых подуровня. Во-первых, формирование и утверждение национальной идеи связывается с таким сугубо рациональным понятием, как “политический успех”, и, во-вторых, с представлением об “исторической миссии” страны, народа, нации и т.д.

Существует и тематический аспект, который объединяет все составляющие

национальной идеи, зачастую выступая решающим аргументом в любом публицистическом споре. Это “ментальная” тематическая составляющая национальной идеи. Тема трактуется широко: от социальной природы ментальной составляющей идеи до порой необъяснимого, “судьбоносного” влияния ментальности на жизнь национального единства и его представителей (“феномен Родины”). Н.Бердяев замечал, что в результате всех исторических и психологических исследований остается неразложимый и неуловимый остаток, в котором заключена вся тайна национальной индивидуальности. Ментальная сторона существования национальной идеи является основанием для духовной крепости нации, веры в будущее Родины и человечества в целом. Это особенно существенно, когда социально-экономическая ситуация не внушает достаточного оптимизма.

Отвечающая реалиям сегодняшнего дня и обращенная в будущее, национальная идея, вместе с тем, основывается на многовековой истории России, на ее культурных традициях, отражая в себе многообразие этнической и конфессиональной характеристик нашей страны, усложненную национально-государственным принципом формирования части субъектов Федерации.

Общенациональная идея – необходимый элемент для формирования достаточно определенных мировоззренческих, социокультурных и прочих установок. Противоположное понимание объединяющих современную Россию основ отражено в термине “российская идея”. Здесь исключена составляющая, указывающая на этнические корни страны. Сделано это, по-видимому, с целью подчеркнуть приверженность новому типу государственности, ориентированному на западные стандарты (гражданское общество, правовое государство), где вопрос национальной идентичности решается не по этническому, а по государственно-правовому принципу.

В настоящее время, на наш взгляд, можно говорить, по крайней мере, о двух смыслах понятия “национальная идея”.

В широком смысле, это понятие может быть рассмотрено как синоним национальной (общероссийской, общегражданской) идеологии, то есть в качестве системы идей и ценностных принципов, лежащих в основе консолидации и развития российского общества.

В узком смысле, под национальной идеей можно понимать систему представлений, связанных с ценностными установками в области межэтнических отношений, этнической идентичности.

Общенациональная же идея должна быть сдерживающим реальными и возможные центробежные тенденции началом. В силу этого, она должна быть равноудалена как от национальной и конфессиональной конкретики, так и от политических доктрин. Особенность всех национальных или общенациональных идей – их обращенность в будущее, помноженная на миф об историческом (или божественном) предопределении нации, обеспечивающих долгое существование самой идеи, если, конечно, правильно выбраны цели движения и средства их достижения. В полной мере относится это и к России.

Можно предположить, что национальная идея пройдет в своем формировании ряд этапов. Национальную идею не нужно искать, но ее необходимо осмыслить и адаптировать к современным социокультурным реалиям. Регулирующая роль государства, особенно в лице президента, здесь неоспорима.

На первом этапе следует сосредоточиться на роли общенациональной идеи в формировании и развитии гражданского и патриотического сознания россиян.

Быть гражданином, значит не только ассоциировать себя с новой территорией, на которой находится новая Россия, с живущими на ней народами, с культурой и историей, важна трансформация патриотизма и гражданственности в разряд высших ценностей и реальная готовность эти ценности отстаивать.

На втором этапе неизбежно выкристаллизовывается общероссийский настрой на осознание себя гражданами великой страны, которую необходимо строить своими руками уже в этом поколении. И можно констатировать, что ориентация на преобладающие

социокультурные ценности, социальные ожидания и предпочтения может исполнить роль объединительной идеи, позволяющей без особой их политизации сконцентрировать усилия людей, общества и государства на их достижении.

Первые шаги в этом направлении сделаны, государство формирует новую официальную идеологию. Ее отличительными особенностями с самого начала стали:

- отказ от официального антикоммунизма;
- изменение отношения к идеологическому и символическому наследию советского прошлого (отказ от его сегрегации и удерживания на периферии);
- более сдержанные и прохладные отношения с либерально-западнической субкультурой внутри страны;
- дистанцированное отношение к Западу;
- более тесные связи с Русской Православной Церковью.

Контролируя доступ в публичную сферу, государство поддерживает определенный баланс между субкультурами, ограничивая или, наоборот, расширяя возможности общественной репрезентации (предъявления себя обществу через публичную сферу) связанных с ними символов и ценностей.

Проводя избирательную политику, государство наделяет официальным статусом ценности и символы субкультур, конкурирующих между собой в обществе.

Прежде всего, получают статус официальных настроения и ценности, которые к настоящему времени стали “консенсусными” или близки к таковым. Это, прежде всего: само государство и его производные, среди которых центральное место занимают идея порядка, моральная реабилитация силы и жесткости, в случае, если они обращены на общественно санкционированного “врага”; рыночная система и частная собственность, но в формате, ограниченном расширенным присутствием государства.

Другими словами, официализируются ценности, по своему происхождению связанные с двумя противоположными идеологическими полюсами и стоящими за ними субкультурами. В то же время, получив статус официальных, эти ценности видоизменяются таким образом, чтобы стать совместимыми друг с другом. Либеральные и “традиционно-советские” ценности деидеологизируются. Из либеральных ценностей убираются компоненты и символы, наиболее раздражающие массовое сознание и “государственническую” правящую группу.

Центральное место в новой идеологии, объединяющей технократизированную версию либеральных ценностей и деидеологизированную версию “традиционно-советских” ценностей, занимает государство: только его присутствие позволяет ценностям, восходящим к двум полярным субкультурам, ужиться друг с другом в новой официальной идеологии. Новая идеологическая роль государства стала прямым порождением “антимодернизационных” тенденций в массовом сознании в 1998–2002 гг. Но из всего комплекса антимодернизационных настроений государство выбирает и подвергает официализации конкретные ключевые компоненты – “советскую ностальгию”, патриотизм и новое, “дистанцированное” отношение к Западу, который более не признается “высшим авторитетом”. По отношению к другим составляющим антимодернизационного психологического комплекса (прежде всего, этноцентризму, неотрадиционализму и идее “особого пути”) официализация не применяется.

Таким образом, современная национальная доктрина предполагает формирование гражданского полиэтносоциального общества, обеспечивающего историческую перспективу и преемственность российской государственности. Национальная идея современной России – это, с одной стороны, реальность, которая вырастает из мироощущения разных людей, транслируется политической и интеллектуальной элитой; с другой – это, в какой-то мере, сознательно конструируемая реальность.

Примечания

¹ Межуев В.М. О национальной идее // Вопросы философии. 1997. № 12. С. 11.

² Зюганов Г.А. Современная русская идея и государство. М.: “РАУ–Корпорация”, 1995. С. 12–35.

³ Новодворская В.И. По ту сторону отчаяния. М.: Новости, 1993.

⁴ Дугин А.Г. Абсолютная Родина. М.: АРКТОГЕЯ центр, 1999.

⁵ Николаев С. Г. Как создается национальная идея // Свободная мысль. 1997. № 6. С. 74.

⁶ Клишина С. Русская идея в состоянии невесомости // Московские новости. 1997. № 3.

⁷ Васильцов С. Коммунисты и русский вопрос // Советская Россия. 1997. 27 марта.

⁸ Соловьев Э. Почему русская национальная идея до сих пор не овладела массами? // Московские новости. 1997. № 12.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ – УТОПИЯ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Ю.Бойко,

доктор медицинских наук,
кандидат юридических наук, профессор

Авторитарное общество традиционно рассматривается как антидемократическая система власти. Это такой тип государственного устройства, политического режима, при котором рычаги управления сосредоточены в руках одного человека или правящей группировки. Авторитарный режим непримирим к любому проявлению оппозиционного мышления, а политический плюрализм допускается в строго ограниченных видах и формах. Все сферы общественной жизни при этом жестко контролируются и регламентируются центральной властью, вплоть до хозяйственной, социальной и культурной жизни общества. В сферу государственных интересов входит и личная жизнь человека, что является еще одним важнейшим признаком авторитаризма.

Этап авторитарного правления прошли в ходе своего развития большинство современных государств, а многие страны и до сих пор находятся под властью подобных режимов.

Демократический способ правления, признающий источником власти народ, господство интересов граждан, многоуровневую защиту прав и свобод человека, рыночную систему ведения хозяйства при минимальном государственном регулировании, принцип разделения властей и т.д., считается наилучшим способом государственного устройства.

По меткому выражению У.Черчила “демократия – плохой способ правления, но другого у нас нет”.

Наличие в любом современном государстве демократического общественно-политического устройства уже давно считается мировым сообществом базовым критерием оценки, что закреплено в огромном количестве международно-правовых нормативных актах, декларациях и т.д. Более того, зачастую, отсутствие или систематическое нарушение правительством суверенного государства “демократических прав и свобод” становится основанием для применения к нему жестких экономических и политических санкций, вплоть до военных операций по устранению “недемократических режимов”.

После распада СССР и образования ряда новых независимых государств, а также выходе Восточной Европы из-под влияния и прессинга “старшего брата”, практически все эти страны, в том числе и Россия, заявили о своей приверженности демократическим ценностям, сформулировав в качестве основной цели строительство либерально-демократических государств. Конечно, далеко не все эти заявления были воплощены в жизнь, и даже в странах, действительно стоящих на пути демократического развития и активно интегрирующихся в Европейское сообщество, зачастую, в массовом порядке нарушаются права человека, что происходит, например, с русскоязычным населением стран Балтии. Однако, оставив в стороне объективность и реальность таких заявлений, стоит рассмотреть динамику восприятия либерально-демократических ценностей российским обществом.

События 1990–1991 гг. однозначно показали превалирование в российском обществе либерально-демократических идей.

По данным опросов общественного мнения, в 1991 г. 25% опрошенных считали образцом для подражания США, 28% – Японию, 17% – Германию, 11% – Швецию, 4% – Китай¹.

Однако уже в середине 90-х годов, с нарастанием социальных противоречий и тотальном обнищании населения на фоне неэффективной политики правительства вектор общественного мнения в значительной степени меняет полярность, что наглядно продемонстрировали выборы в Государственную Думу 1995 г. В то же время, большинство попыток Федерального центра хоть как-то усилить властную вертикаль наталкивалось на жесткое противодействие “демократических сил”, видевших в любом усилении центральной власти откат к авторитаризму, и региональных элит, не желавших отдавать полученные во время “парада суверенитетов” преференции. Даже элементарное, казалось бы, требование о приведении законодательств субъектов Федерации в соответствие федеральным законам вызвало бурю возмущения в целом ряде регионов и плохо прикрытый саботаж местных законодателей.

Надо сказать, что полностью эта работа не закончена до сих пор.

Фактически, столь превозносимые в начале-середине 90-х годов демократические завоевания в их практическом исполнении превратили политическую жизнь страны в хаос – охлократию (власть толпы), в мутной воде которой вольготно чувствовали себя политические авантюристы, криминальные элементы и жулики всех мастей. Еще в 1994 г. в ряде СМИ было опубликовано “Заявление Нобелевских лауреатов”, среди которых были такие ученые с мировым именем как Д.Норт, Л.Клейн, К.Эрроу, В.Леонтьев и другие. Вот их прогноз развития России: “Без эффективной государственной программы идущие в России преобразования приведут к следующим результатам:

1. Сокращение валового национального продукта.
2. Высокая инфляция.
3. Увеличение импорта конечного продукта до уровня, уничтожающего спрос на внутренние товары.
4. Криминализация экономики и установление атмосферы всеобщего страха.
5. Ухудшение положения в социальной сфере, включая государственное здравоохранение, образование и безопасность населения.
6. Сокращение инвестиций в экономическую инфраструктуру.
7. Падение уровня жизни и рост разрыва в доходах”.

Легко посчитать, сколько из этих прогнозов сбылось уже к 2000 г.

Недопустимость такого положения дел четко прозвучала в Обращении Президента РФ к Федеральному собранию в 2001 г.², в котором предлагались следующие приоритеты и принципы дальнейшего развития России:

1. Сохранение гражданского мира и достижение общественного согласия, объединение на основе высоких идеалов свободы, добра, справедливости;
2. Поступательное движение, а не революция, проведение преобразований без подавления политических оппонентов, без навязывания заимствованных моделей;
3. Развитие государства и общества без монопольного диктата какой-либо одной идеологии или модели реформирования, с уважением к традициям, без насилия над будущим, принадлежащего новым поколениям, и не в ущерб поколению нынешнему;
4. Сохранение демократии, политической системы, в которой власть, в том числе и высшая, избирается и контролируется народом на основе воли большинства и при соблюдении прав меньшинства, при политическом и идеологическом плюрализме, исключая чью-либо монополию на истину и власть;
5. Незыблемость основ Конституции и Конституционного порядка, верховенство права, равенство всех перед законом и неукоснительное соблюдение законности, прежде всего самой властью;
6. Стабильная, сильная, эффективная государственность, надежно защищающая

жизнь, труд и отдых своих граждан, не вмешивающаяся в те сферы жизни, которые лучше регулируются ими самими, обществом;

7. Безусловное признание прав и свобод личности, поддержка свободного, ненасильственного объединения людей, взаимная ответственность государства и гражданина, сочетающая святость гражданского долга и патриотизм с достоинством и защищенностью частной жизни от произвола власти;

8. Признание приоритетов духовности и культуры, морали и нравственности, добра и справедливости;

9. Свободная и открытая экономика – органичное сочетание частной инициативы и социальной защиты, свободы и справедливости, чтобы не сковывать энергию сильных, а слабых не оставлять без поддержки.

Из этого Обращения четко прослеживается сочетание приверженности Президента к сочетанию соблюдения всех демократических прав и свобод с сильным государством, способным эти свободы гарантировать.

Уже к этому моменту вполне можно говорить о крахе либерально-демократической идеи в ее российском исполнении, что однозначно продемонстрировали выборы в Государственную Думу 3-го, а затем 4-го созывов.

Основной ошибкой “молодых реформаторов” была попытка слепого копирования западного пути развития без учета российской специфики. Исходя из классического тезиса “заграница нам поможет”, они недоучли, что в условиях образовавшегося после распада СССР однополярного мира, у стран Запада, и особенно у США, имеется свое видение места и роли России в новой системе миропорядка, и место это отнюдь не в первых рядах высокоразвитых стран. Активное насаждение демократических ценностей в их чисто западном понимании фактически означало для России в значительной мере отказ от государственного суверенитета, передоверие контроля и обеспечения прав собственных граждан ряду сложившихся в ходе процессов глобализации надгосударственных образований и международных организаций, превращению ее в сырьевой придаток Европы, и как следствие – потере политической и экономической самостоятельности, и замене понятия “национальные интересы” довольно сомнительным и эфемерным термином “интересы мирового сообщества”. Прямым следствием такого подхода стала бы потеря Россией собственной государственности.

Необходимо заметить, что следование рекомендациям либеральных экономистов далеко не всегда идет на пользу стране. Во всяком случае, практически все государства, которые следовали рекомендациям Всемирного банка и Международного валютного фонда по изменению своей экономики, оказываются перед лицом приблизительно схожих проблем. А страны, которые перестраивали собственную экономику вопреки рекомендациям этих, безусловно, авторитетных организаций, например Беларусь или Китай, несмотря на шквал критики со стороны западных стран, таких проблем не имеют. Разумеется, глобализация как проявление все возрастающей взаимозависимости во времени и пространстве стран и народов, различного рода общественных тенденций и процессов особенно остро ставит вопрос о необходимости согласования национальных интересов в том аспекте, что суверенитет государств в определенной степени размывается. Но это должно только повышать роль государства в мировой политике в плане согласования национальных и наднациональных интересов. Примечательно также и то, что сами США совершенно не собираются отказываться от понятия “национальные интересы”, а, наоборот – с каждым годом трактуют их все шире и шире.

События последних лет, происходящие на пространстве ЕС показывают, что существуют противоречия между позицией правительств ряда развитых стран и отношением к интеграции народов этих стран, поскольку большая часть их населения не желает во имя интересов Европейского сообщества в целом поступаться своими национальными интересами. Негативное отношение народов Франции и Нидерландов к принятию Европейской конституции во время референдумов в этих странах не так давно это

наглядно продемонстрировало.

Очевидно, что такой способ “интеграции” в мировое сообщество не нашел отклика в сердцах большинства российских граждан, еще с советских времен считающих себя гражданами сверхдержавы. Не принесла популярности демократам и непродуманная экономическая политика, особенно поспешная приватизация, которая коснулась, прежде всего, высокодоходных добывающих отраслей, что привело к резкому обогащению небольшой части населения и не менее резкому обнищанию подавляющего большинства.

По итогам 2005 г., доля сырьевой составляющей экспорта РФ превышает 80%, а разница в доходах между самой богатой и самой бедной частями населения – 34 раза.

Абсолютно ужасающими были и демографические показатели – в 90-е годы население России уменьшалось почти на миллион человек ежегодно, а средний показатель продолжительности жизни мужчин составлял 54 года.

Только в последние годы превышение смертности над рождаемостью несколько уменьшилось (780000 в 2004 г. и 680000 в 2005 г.), а средняя продолжительность жизни мужчин несколько увеличилась (до 57–58 лет)³.

В данной статье не ставятся задачи полностью проанализировать ошибки, допущенные в ходе “переходного периода”

90-х годов – на эту тему написано большое количество работ в самых разных отраслях науки, остановимся только на основных, стратегических просчетах и одном из основных их последствий – резком падении в обществе популярности либерально-демократических ценностей в их традиционном понимании.

Одним из последних проявлений неприятия обществом насаждения ападных либеральных ценностей без учета российского историко-политического и культурного своеобразия, стало принятие Всемирным Русским Народным собором “Декларации о правах и достоинствах человека” (апрель 2006 г.), которая, по-видимому, должна стать альтернативой “Всеобщей декларации прав человека” ООН.

По мнению иерархов Русской Православной Церкви, права человека, возведенные в абсолют, не соответствуют законам Евангелия и грозят, по словам Алексия II, “новым языческим ренессансом”. Не питая иллюзий ни относительно “всемирности”, ни относительно “народности” данного собора, понимая, что церковь стремительно утрачивает позиции духовного лидера в российском обществе, уже давно превратившись в один из государственных институтов, а также абстрагируясь от права РПЦ издавать “светские” документы, пусть и “доктринальной богословско-социальной разработки”, вмешиваясь во внутривластную жизнь страны, отметим, что публикация такого рода деклараций – безусловно один из откликов на слепое заимствование и бездумное копирование западной либерально-демократической модели развития.

С точки зрения многих политологов, в России уже сложилась авторитарная модель управления, которую И.Клямкин и Л.Шевцова остроумно назвали “конституционно-выборным самодержавием”. Российский федерализм крайне молод. Формальное федеративное устройство Российской Федерации в составе СССР, когда съезд народных депутатов юридически обладал всей полнотой власти, никак не отражалось на реальном положении дел, и этот орган был абсолютно не функционален, что не позволило сложиться историческим традициям федерализма. Поэтому после распада СССР и появления института президентства в России, возникшее между исполнительной и законодательной ветвями власти противостояние, закончившееся в сентябре 1993 г. роспуском съезда, не вызвало в обществе значимого резонанса. Результатом победы Б.Ельцина в этом противостоянии стало принятие Конституции, наделившей президента практически неограниченными полномочиями.

Согласно Конституции 1993 г., под контролем президента в той или иной степени находятся все ветви власти.

Он формирует исполнительную власть, назначая премьер-министра, причем механизм

назначения прописан так, что если Государственная Дума отказывается утвердить предложенную президентом кандидатуру, то первый и второй раз ничего не происходит, а в случае третьего отказа – распускается Государственная Дума.

Президент имеет право накладывать вето на принимаемые парламентом законы, может в значительной степени влиять на работу судебной системы (все судьи, например, назначаются указом президента) и прокуратуры. Показательна в этой ситуации история с Генеральным прокурором Юрием Скуратовым, который после “банного скандала”, был снят с занимаемой должности президентом Ельциным. После нескольких отказов Совета Федерации утвердить снятие Скуратова, президент просто назначил исполняющего обязанности Генерального прокурора, в результате чего в стране был Генеральный прокурор, которого охрана не допускала на рабочее место и исполняющий его обязанности, не утвержденный Советом Федерации.

Вызывает множество вопросов и существующая структура администрации президента, которая никак конституционно не закреплена, но при этом обладает значительным числом полномочий и возможностей. Многие ученые проводят параллель между нею и существовавшим во времена СССР аппаратом ЦК КПСС.

Придя к власти, В.В.Путин продолжил “укрепление вертикали власти”. Однако эта вертикаль оказалась замкнута практически только на главу государства.

Основные изменения касались ослабления региональных руководителей – губернаторы были лишены права представлять свои регионы в Совете Федерации, что лишило их депутатской неприкосновенности, то есть теперь их можно было “сажать”; были созданы Федеральные округа для усиления контроля над ними; затем были отменены прямые выборы губернаторов, а процесс назначения их фактически свелся к утверждению местными законодательными собраниями при монопольном праве президента на выдвижение кандидатур.

Следующим этапом было получение контроля над всеми центральными телевизионными каналами, что было успешно достигнуто, иногда путем экономических процедур, как в случае с долгом Медиа-Моста Газпрому, а иногда с помощью административного ресурса, как в случае с каналом ТВ-6. Этот этап был для власти крайне важен, потому что, по данным российской компании “Ромир”, доверие населения к центральным телеканалам планомерно растет, а к федеральной прессе падает.

Контроль над центральным телевидением в сочетании с административным ресурсом и изменениями в закон “О выборах”, ликвидировавших возможность избираться в Государственную Думу по одномандатным округам и переход исключительно к пропорциональной системе выборов, дает власти возможность в полной мере использовать административные возможности в ходе любых выборов.

Все это, безусловно, дает оппозиции определенные основания утверждать, что демократия в России теряет свои и без того слабые позиции в борьбе с наступающим авторитаризмом.

Однако, демократия как способ государственного устройства, базируется на институте представительства различных групп граждан в парламенте и обеспечении интересов этих групп путем заключения парламентских коалиций и достижения между ними компромиссов по сложным вопросам. С этой точки зрения, даже если принять на веру использование административного ресурса в ходе выборов, то проправительственное большинство в российском парламенте, согласно любым демократическим принципам, абсолютно нормальное явление. Кроме того, проблемы переходного периода и сложности изменения экономической модели, безусловно, не способствовали структурированию и осознанию обществом, его крупными социальными стратами и группами собственных интересов, которые в значительной степени сводятся всего лишь к интересам потребления.

Да и в среде самой политической элиты нет единого понимания дальнейшего пути развития России.

То, что модернизация общества абсолютно необходима и является существенным

условием существования самой российской государственности, очевидно большинству.

Однако политическая элита не может предложить ни конкретного пути развития, ни даже национальной идеи.

Складывается парадоксальная ситуация – президента упрекают в движении к авторитаризму, но при этом от него же ждут рецепта дальнейшего продвижения России по демократическому пути, одновременно зачастую блокируя с помощью разросшегося бюрократического аппарата его инициативы в этом направлении.

Например, сформулированная еще в послании Президента Федеральному Собранию 2005 г.⁴ проблема открытости органов государственной власти даже не начала решаться – Государственная Дума еще не приступила к рассмотрению этого законопроекта, внесенного полтора года назад группой независимых депутатов.

Еще в конце 80-х годов А.Мигранян и И.Клямкин высказали мысль о неизбежности авторитаризма, как переходного этапа между тоталитаризмом и развитой демократией.

В дальнейшем эта идея получила развитие в работах В.В.Виктюка⁵, М.Г.Анохина⁶ и др. Эти авторы писали о “цивилизованном авторитаризме”, сочетающим в себе возможность реализации демократических прав и свобод при развитых институтах гражданского общества с сильной государственной властью, способной в процессе перехода общества от тоталитарного к демократическому способу правления, сдерживать рост преступности, националистических проявлений, бороться с коррумпированностью собственного аппарата, проводить взвешенную экономическую политику, обеспечивать социальную защиту населения.

Более того, таких примеров в современной истории множество.

Практически все государства Латинской Америки в той или иной степени прошли этот путь.

Однако те преобразования и изменения, которые лидеры этих государств проводили вынужденно под давлением внешних и внутренних сил в России могли бы стать целенаправленной политикой государства.

Разумеется, задача формулирования, а, тем более, конкретного проведения такой политики крайне сложна. Нельзя забывать, что российское общество традиционно расколото на два непримиримых лагеря – ностальгирующих по “сильной руке”, с тоской вспоминающих советские или даже сталинские времена, и очень боящихся возврата к таким временам, шарахающихся от малейших проявлений усиления центральной власти (чего стоила та истерическая паника, которая поднялась в некоторых слоях общества после принятия решения о назначении и снятии с должности губернаторов).

Как справедливо отметил в своей работе “Последняя религия” отечественный ученый А.А.Лебедев, “вопрос о Сталине стал если не “вечным”, то вполне проклятым вопросом нашей новейшей истории. Сталин и посмертно осеняет нас, тестируя общество”⁷.

Конечно, проблема использования авторитарного стиля руководства при построении демократического общества крайне неоднозначна. Однако в процессе управления авторитарный этап, реализующий принципы единоначалия для сплочения коллектива, является объективно необходимым. В этом плане руководство государством подчиняется тем же законам управления, конечно на значительно более высоком уровне ответственности и неопределенности. И дело не только в сложности лавирования между противоположно направленными интересами социальных групп, страт и политических сил, но и в слишком большом соблазне, возникающим перед правящей элитой, ощущением ею чувства собственного превосходства, вседозволенности и безнаказанности.

Это положение усугубляется еще и очень большим количеством факторов – и неразвитостью институтов гражданского общества, многие из которых, единожды возникнув в нашей стране, сразу скомпрометировали себя сотрудничеством с криминалом, и огромным чиновничьим аппаратом, еще при Ельцине превысившим советский, и центробежными тенденциями, наблюдающимися у многих региональных элит, занявших свою политическую и экономическую ниши и видящих в усилении Федерального центра

покушение на свои права, и резким нарастанием межнациональной напряженности в обществе и многими другими.

Однако нельзя не согласиться с Ю.И.Матвиенко¹ в том, что нам пора перестать говорить об авторитаризме вообще, а необходимо использовать имеющиеся в России исторически сложившиеся авторитарные механизмы управления, элементы авторитарного режима, тесно переплетая их с демократическими завоеваниями и подходами, ограничивая и контролируя их через формирующиеся элементы гражданского общества, памятуя, что по выражению Президента США С.Г.Кливленда* “первейшей задачей власти должна быть защита граждан от себя самой”. Разумеется, на этом пути нет и не может быть однозначных рецептов и решений. Все зависит от конкретного применения тех или иных методов руководства, воли и желания власть придержащих.

Однако политическая необходимость сохранения российской государственности, ее уникальности как историческо-культурного образования, необратимо приводит нас к необходимости жестких ответов на современные внешние и внутренние вызовы и угрозы.

Нарастание социальной напряженности в обществе, резкое усиление партий и движений радикально-националистического толка, сопровождающееся многочисленными актами насилия по отношению к “нерусским”, непрекращающиеся террористические атаки и угрозы со стороны международного терроризма, нарастание напряженности на юге России вместе с имеющимся в обществе идеологическим вакуумом, раньше или позже приведет руководство к страны к пониманию необходимости решительных мер, может быть даже чрезвычайного характера.

Единственным способом не допустить отката назад, к действительно авторитарному режиму, сохранив и укрепив при этом уже имеющиеся демократические достижения, может быть только осознанное использование тех элементов авторитаризма и методов авторитарного управления, которые сочетаются с демократическим подходом в стратегии развития страны.

Это непременное условие для доказательства истинности мысли В.Ключевского о том, что “одним из отличительных признаков великого народа служит его способность подниматься на ноги после падения”.

Примечания

¹ Матвиенко Ю.И. Политическая модернизация как фактор консолидации современного российского общества. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. М., 2002. С. 241, 287.

² Российская газета. 2001. 27 мая.

³ <http://www.gks.ru/wpc/portal>.

⁴ Российская газета. 2005. 26 апреля.

⁵ Виктюк В.В. Авторитаризм и гражданское общество // Куда идет Россия. 1994.

⁶ Анохин М.Г. Политические системы: адаптация, динамика, устойчивость. М.: Инфомарт, 1996.

⁷ Лебедев А.А. Последняя религия // Вопросы философии. 1989. № 1. С. 35.

* Кливленд Стивен Гровер (1837–1908 гг.) – 22-й (1885–1889 гг.) и 24-й (1893–1897 гг.) президент США от Демократической партии.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ ГАС “ВЫБОРЫ”

С.Савин

Общественные отношения, возникающие при использовании Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы” (ГАС “Выборы”), являются объектом национальных интересов в информационной сфере, что определяется их социально-политическими и юридическими аспектами.

При проведении выборов формируются органы государственной власти и управления, через участие в избирательном процессе осуществляется воздействие на государственную политику.

Выборы являются формой реализации и защиты гражданами собственных экономических и социальных интересов. Поэтому угрозы чрезвычайных ситуаций в избирательном процессе являются угрозами политической и социальной стабильности общества, а следовательно – угрозами национальной безопасности России.

ГАС “Выборы” была создана Указом Президента РФ от 23 августа 1994 г. № 1723 “О разработке и создании Государственной автоматизированной системы Российской Федерации “Выборы”, установившим весьма жесткие временные рамки развертывания системы – первую очередь предусматривалось создать к марту 1996 г.

В 1995 г. при проведении выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ второго созыва впервые были применены отдельные элементы ГАС “Выборы”.

С тех пор с использованием автоматизированной системы проведено более 7000 избирательных кампаний: все выборы федерального уровня, около 90% выборов и референдумов регионального уровня, а также большая часть выборов в органы местного самоуправления и местных референдумов, подготовлена правовая база¹.

Структурно ГАС “Выборы” представляет собой территориально-распределенную систему, элементы которой размещаются в более чем 3000 районных центрах и городах России. Организационная структура ГАС “Выборы” определяется избирательной системой РФ и соответствует структуре избирательных комиссий.

Система включает комплексы средств автоматизации (КСА), которые состоят из технического, программного и информационного обеспечения, объединяются в информационно – коммуникационную сеть с использованием государственных и коммерческих каналов, сетей и подсистем связи и передачи данных (ПСПД).

Ныне правовое регулирование общественных отношений с использованием ГАС “Выборы” регламентировано как в избирательном законодательстве, так и в Федеральном законе от 10 января 2003 г. № 20-ФЗ “О Государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы”.

Федеральная автоматизированная информационная система ГАС “Выборы” применяется для автоматизации подготовки и проведения выборов и референдума, обеспечения деятельности избирательных комиссий, комиссий референдума, а также для решения задач, не связанных с выборами и референдумом. Одновременно в Законе говорится о недопустимости использования для этих целей вместо ГАС “Выборы” других автоматизированных систем и информационных технологий.

ГАС “Выборы” является одной из гарантий обеспечения достоверности, оперативности и полноты информации о выборах и референдумах.

В законе “О ГАС “Выборы” закреплены принципы гласности и “прозрачности” процессов обработки информации о проведении выборов с использованием ГАС “Выборы”, установлен порядок контроля за использованием системы.

Одним из принципов использования системы является обеспечение безопасности информации в ГАС “Выборы” в сочетании с открытостью системы и доступностью информации, содержащейся в информационных ресурсах ГАС “Выборы”².

Есть много проблем, с которыми сталкивается ГАС “Выборы”:

- необходимо создать правовые механизмы, обеспечивающие “прозрачность” процессов при проведении выборов и референдумов в сочетании с безопасностью информации;
- необходимо гарантировать тайну голосования на всех стадиях избирательного процесса, обеспечить работу со списками избирателей, сделать анализ этих списков так, чтобы к участию в выборах могли допускаться только те, кто имеет на это законные права;
- для обеспечения информационной безопасности необходим механизм проверки процесса анализа бюллетеней избирателей с тем, чтобы они соответствовали необходимым нормам;
- необходимо учесть угрозу внешней атаки на электронную систему, а также отказ электронных систем или программного обеспечения;
- при эксплуатации системы появляются также потенциальные угрозы объектам информационной среды.

Вместе с тем, практика, в том числе судебная, выявила ряд недостатков федеральных законов о выборах.

Имевшиеся случаи нарушения законов при проведении избирательных кампаний либо использование правовых предписаний вопреки их смыслу и содержанию подчас порождали неверие в действенность норм законодательства.

Кроме этого, практика использования ГАС “Выборы” при проведении выборов показала необходимость комплексного развития информационного и избирательного законодательства во взаимодействии со смежными отраслями, более широкого взгляда на проблемы развития законодательства в сфере информационной безопасности.

Общественные отношения при эксплуатации ГАС “Выборы” регулируются нормами избирательного и информационного права.

В системе избирательного права действуют все категории правовых материальных и процессуальных институтов, прежде всего такие институты, как субъект права, ответственность, правовые гарантии – институты, общие для всех отраслей права.

Особенные институты избирательного права представлены через избирательную формулу (систему); принципы избирательного права; избирательные процедуры и действия.

Политико-правовую природу избирательного права определяет электорально-правовой институт избирательного права.

В ч. 2 ст. 32 Конституции РФ говорится, что граждане имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти и местного самоуправления, а также участвовать в референдуме. Законодательство по информационной безопасности ГАС “Выборы” формируется исходя из требований к обеспечению конституционных прав граждан РФ по реализации избирательного права и требований к информационной безопасности. Разумеется, и список угроз и законодательство в области эксплуатации и развития ГАС “Выборы” строится с учётом достижений науки и техники, так как ГАС “Выборы” – это сложная техническая система.

С развитием науки в области информатики и технических средств претерпевают изменения и соответствующие отрасли права, и уточняются возможные угрозы информационной безопасности.

Угрозами информационной инфраструктуре ГАС «Выборы» могут являться:

- компрометация конфиденциальности, искажение, имитация и уничтожение информации при несанкционированном доступе;
- несанкционированное использование технических ресурсов, а также блокирование информации сети (отказ в обслуживании);
- перехват информации в технических каналах утечки через побочные электромагнитные излучения и наведенные поля (ПЭМИН), а также через излучения вследствие электроакустических преобразований; радиоперехват информации;
- несанкционированное декодирование (расшифровка) сообщений, хищение программных или аппаратных ключей и средств криптографической защиты информации;
- перехват речевой информации техническими средствами из помещений, в том числе с помощью электронных закладных устройств;
- перехват конфиденциальной информации при передаче по каналам связи;
- внедрение электронных устройств перехвата информации в технические средства обработки, хранения и передачи информации по каналам связи, а также в служебные помещения;
- хищение или уничтожение носителей информации, разрушение и вывод из строя информационных средств и механизмов их защиты;
- нарушение адресности и своевременности информационного обмена;
- противозаконный сбор и использование информации;
- нарушение технологии обработки информации;
- внедрение в аппаратные и программные изделия компонентов, реализующих функции, не предусмотренные в документации на эти изделия;
- применение интеллектуальных разрушающих воздействий (программ-вирусов, программных и аппаратных закладок);
- разработка и распространение программ, нарушающих нормальное функционирование информационных и телекоммуникационных систем, в том числе систем защиты информации;
- уничтожение, повреждение, радиоэлектронное подавление или разрушение средств и систем обработки информации, телекоммуникации и связи;
- уничтожение, повреждение, разрушение или хищение машинных и других носителей информации;
- навязывание ложной информации в сетях передачи данных, линиях связи и системах массовой информации.

Нормативное правовое обеспечение информационной безопасности ГАС «Выборы» основывается на совокупности норм федерального законодательства, законодательства субъектов РФ и норм международного права (как составной части правовой системы России), регулирующих защищаемые от угроз общественные отношения при эксплуатации системы, а также общественные отношения в области функционирования субъектов обеспечения информационной безопасности: Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (ЦИК России), Федерального центра информатизации при ЦИК России (ФЦИ), сотрудников ФЦИ, участвующих в решении задач обеспечения информационной безопасности, пользователей и обслуживающего персонала.

В иерархической подсистеме права в области информационной безопасности на протяжении последнего десятилетия наблюдается увеличение количества нормативных актов. Что создаёт необходимость их систематизации и кодификации.

В связи с дальнейшим развитием ГАС “Выборы”, расширением её функциональных возможностей при применении комплексов для электронного голосования, интеграции с информационными системами органов государственной власти возникает проблема усиления мер информационной безопасности, а, следовательно – развития правового обеспечения информационной безопасности.

Одно из наиболее актуальных сегодня направлений обеспечения информационной безопасности ГАС “Выборы” – это обеспечение использования юридически значимых электронных документов. Данный вопрос широко обсуждается в связи с перспективами развития ГАС “Выборы”.

Действия членов избирательных комиссий и сотрудников КСА по подготовке и обработке электронных документов, которым придается юридическая значимость, регламентируются ст. 13 ФЗ “О ГАС “Выборы” (пп. 1–4).

П. 5 ст. 13 определяет, что “Перечень и формы документов, подлежащих вводу в ГАС “Выборы”, обработке в ГАС “Выборы” и выводу из ГАС “Выборы”, порядок оформления, представления, передачи и получения данных документов, порядок применения электронной цифровой подписи устанавливаются федеральными законами, нормативными правовыми актами ЦИК РФ”.

На основании п. 35 ст. 68 ФЗ от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” ЦИК России должен определить порядок использования технических средств подсчета голосов, технической системы передачи информации, порядок и сроки передачи, обработки и использования информации о выборах, референдумах, в том числе переданных по техническим каналам связи в электронном виде данных протоколов об итогах голосования.

Следует внести изменение в ФЗ “Об основных гарантиях избирательных прав, права участия в референдуме граждан РФ” в части использования при подведении итогов голосования электронно-цифровой подписи (ЭЦП), а также разработать предложения по установлению условий придания юридической силы документам, подготовленным с использованием ГАС “Выборы”, в виде документов, которые необходимо разработать и утвердить на уровне ЦИК России.

Это должны быть документы, включающие:

- различные правила, требования (например, к форматам электронных документов),
- регламенты использования средств защиты информации, обеспечения использования ЭЦП, работы с электронными документами, их архивного хранения, разбора конфликтных ситуаций;
- правовые меры организации информационной безопасности ГАС “Выборы” и др.

Надо также упомянуть об ожидающем рассмотрении в Госдуме проекте ФЗ “Об электронном документе”, устанавливающего общий юридический порядок использования в электронном документообороте электронного документа, подписанного электронным аналогом подписи (электронной цифровой подписью) и обладающего юридической силой, одинаковой с письменным документом, который может представляться в качестве судебных доказательств.

Данный законопроект юридически корректно устанавливает:

- общие требования к электронному документу и его структуре;
- определяет юридическую значимость такого документа, порядок хранения, обмена и подтверждения подлинности электронного документа, ведения электронных архивов;
- устанавливает ответственность участников электронного документооборота, включая информационного посредника, при использовании электронных документов.

Принятие данного закона необходимо для решения вопроса по использованию в ГАС “Выборы” юридически значимых электронных документов и будет способствовать развитию законодательной базы внедрения новых информационно-коммуникационных технологий в сферу гражданских отношений и государственного управления.

Общественные отношения при подготовке и проведении выборов и референдумов характеризуются возникновением споров между их участниками по различным вопросам в избирательном процессе. Юридическая практика уделяет большое внимание вопросам рассмотрения избирательных споров.

Правосудие определяет соответствие избирательных законов Конституции РФ, принципам международного права и международным договорам РФ. При разрешении избирательных споров проявляются противоречия между действительностью и нормой права. Судья, вынося решение, опирается на норму закона (позитивное право) и собственное правосознание (естественное право). В процессе обеспечения правосудия при защите индивидуальных избирательных прав и нормоконтроля возникает судебная практика.

В числе действительных причин возникновения избирательных споров следует назвать такие³:

- недостатки избирательного законодательства, в том числе нормативные излишества и пробелы, отсутствие понятийной определенности, наличие коллизий (в том числе противоречий Конституции РФ, международно-правовым актам и другим правовым актам большей юридической силы) и другие;
- достаточно низкий уровень юридической грамотности и правовой культуры части участников избирательного процесса;
- правонарушающая деятельность участников избирательного процесса либо действующих в их интересах других субъектов.

На основе судебных решений избирательными комиссиями различного уровня на основании установленных избирательными законами полномочий издаются подзаконные акты в виде инструкций и разъяснений.

Судебная практика по избирательным спорам подразделяется на практику Конституционного Суда РФ, практику судов общей юрисдикции, практику конституционных (уставных) судов субъектов РФ, практику мировых судов. Отдельный вид судебной практики по избирательным спорам – практика Европейского суда по правам человека.

В становление системы избирательного права и законодательства значительный вклад вносят решения Конституционного Суда РФ, они способствуют обеспечению единообразного применения законов, обогащают избирательную практику современным правопониманием. Принимая решения, Конституционный Суд руководствуется не только содержанием норм избирательного права и практикой их применения, но и принципами правотворчества в области избирательных правоотношений.

Ряд решений Конституционного Суда сыграл фундаментальную роль в развитии избирательной системы России. В целом механизм конституционного правосудия оказывает существенное влияние на формирование избирательного права как самостоятельной отрасли.

Решения Конституционного Суда РФ не только образуют юридическое содержание новых институтов избирательного права, но и определяют политико-правовой смысл современного избирательного процесса⁴.

Формально прецедент не признается в качестве источника российского права. Однако, нормативный характер постановлений Конституционного Суда состоит в том, что они имеют общеобязательный характер, распространяются на неопределенный круг субъектов и предполагают многократность применения.

Недобросовестные участники процесса проведения выборов и референдумов идут на

правонарушения, в том числе на преступные нарушения законодательства о выборах и референдумах.

Так, за 2000–2002 гг. в 41 субъекте РФ не было совершено ни одного преступления, связанного с выборами и референдумами, следовательно, не возбуждались и не рассматривались дела указанной категории.

В 48 субъектах РФ было возбуждено 204 уголовных дела анализируемой категории, в том числе по ч. 1 ст. 141 УК РФ (воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий) – 13 дел, по ч. 2 ст. 141 УК РФ – 28, по ст. 142 УК РФ (фальсификация избирательных документов, документов референдума или неправильный подсчет голосов) – 64, по другим статьям УК РФ, связанным с выборами, – 99 дел.

В целом по РФ из 204 возбужденных уголовных дел только 66 дел, или 32%, завершены расследованием и с обвинительным заключением прокурора направлены в соответствующие суды.

По 64 делам производство органами следствия прекращено, по 36 делам следствие приостановлено за неустановлением лиц, подлежащих привлечению к уголовной ответственности, либо по иным основаниям, предусмотренным УПК РФ.

Во время выборов органов государственной власти субъектов РФ в 2003 г. в суды поступило 178 жалоб (во время проведения аналогичных выборов в 2002 г. – 484), при этом жалобы заявителей были удовлетворены только в 53 случаях.

Во многих случаях судебная практика порождается не нарушениями закона со стороны участников избирательного процесса, а, как правило, неверным пониманием норм избирательного законодательства.

Расследование компьютерных преступлений при использовании ГАС “Выборы” более сложное, нежели других видов преступлений. Оно потребует от должностных лиц ЦИК России специальной технической подготовки и в большей степени будет зависеть от показаний экспертов и специалистов. Обвинение в процессе по делу о компьютерном преступлении должно строиться так, чтобы судья и присяжные, мало знающие о работе программных и аппаратных средств ГАС “Выборы”, смогли разобраться в очень сложных технических документах.

Сложность компьютерной техники, неоднозначность квалификации, а также трудность сбора доказательственной информации не приводит к появлению большого числа уголовных дел, возбужденных по ст. 272–274 УК РФ, посвящённым преступлениям в сфере компьютерной информации (неправомерный доступ к компьютерной информации; создание, использование и распространение вредоносных программ для ЭВМ; нарушение правил эксплуатации ЭВМ, системы ЭВМ или их сети).

Кроме этого, возможно появление других специфических форм компьютерных правонарушений, к которым не применимы составы преступлений, предусмотренные вышеуказанными статьями.

Судебная практика по правонарушениям против информационной безопасности ГАС “Выборы” как таковая пока отсутствует из-за неурегулированности правовыми нормами отношений по использованию электронного документооборота. Сейчас документы, подготовленные в системе, приобретают юридическую силу только после подписания бумажных копий соответствующими должностными лицами⁵.

Необходимо разработать нормативное обеспечение информационной безопасности в условиях появления новых потенциальных угроз, учитывая, что при внедрении юридически значимого электронного документооборота возникнет необходимость, а главное – возможность, защиты интересов граждан при автоматизированном проведении выборов и референдумов в суде.

Высокая общественно-политическая значимость общественных отношений, возникающих при использовании современных информационных технологий и средств их обеспечения, требует от государства гарантии защищенности интересов субъектов этих отношений.

Действующее федеральное избирательное законодательство в области информационной безопасности ГАС “Выборы” имеет ряд недостатков и требует развития в соответствии с реалиями сегодняшнего дня.

Развитие правовых основ информационной безопасности ГАС “Выборы” потребует разработки нормативных правовых положений, регламентирующих перечень мероприятий по обеспечению информационной безопасности ГАС “Выборы”, реализуемых на базе комплекса организационных, технических и правовых мер защиты, с учётом усложняющихся условий эксплуатации, растущих требований по обеспечению информационной безопасности и потенциальных угроз, появляющихся в процессе использования системы.

Примечания

¹ Трифонов В.А., Камша И.М. Правовые аспекты дальнейшего совершенствования использования ГАС “Выборы” // Журнал о выборах. Специальный выпуск 2005. С. 15.

² Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 20-ФЗ “О государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы” // Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2003. Ст. 4, 5.

³ Галушко И.В. Правосудие как способ разрешения юридических конфликтов в ходе выборов // www.cikrf.ru.

⁴ Веденеев Ю.А., Навальный С.В. Избирательное право: роль и место в системе права России // www.cikrf.ru.

⁵ Федеральный закон от 10.01.2003 г. № 20-ФЗ “О государственной автоматизированной системе Российской Федерации “Выборы” // Российский центр обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. М., 2003. Ст. 12.

ЧЕЧНЯ ВМЕСТО ИЧКЕРИИ

Проблемы политического и военного урегулирования на Северном Кавказе

Ю.Григорьева,
кандидат исторических наук

Исторические особенности и новейшая история Чечни. Дудаев, Масхадов, шариат

Народы центральной части Северного Кавказа, которые поголовно считались в XIX столетии “горными” (осетины, карачаевцы, балкарцы, вайнахи) в действительности отличаются по своему происхождению. Все они, кроме вайнахов (чеченцев и ингушей) – это не только потомки горных аборигенов, но и потомки степных народов, оказавшихся в горах не раньше XIII в. под натиском монголов. Вайнахи же являются исконно горским северокавказским этносом. До XVIII столетия, как пишут историки, почти не было никаких “исторических известий” об исконной горной части Чечни – Ичкерии (или Мичкизии)¹. Но в XVIII столетии вайнахи-чеченцы уже потеснили на равнине кабардинцев.

Зато историческое название горной части Чечни стало широко известно в 90-х годах, когда, после ряда политических потрясений, в пределах Чечено-Ингушской АССР возникла сначала отдельная Чеченская Республика, которая затем была провозглашена как Ичкерия. Эта Ичкерия занимала другую, гораздо большую, территорию по сравнению со своим историческим “прототипом” в XVII–XVIII вв. Географически она почти совпадала с Чечней XIX в., но обозначилось и другое, историческое, сходство – война с Российским государством.

Кавказская война Российской империи заняла почти половину позапрошлого столетия (1818–1864 гг.).

Самое сильное военное сопротивление русским войскам на западе Северного Кавказа оказали “племена” адыге, а на востоке – чеченцы и горные селения северного Дагестана.

До Кавказской войны “племена” адыге достаточно плотно заселяли восточное Причерноморье².

После победы русского оружия, согласно прямому указанию императора Александра II, оставшиеся адыги были перемещены на новые места проживания или депортированы, “по собственному желанию”, в Турцию.

Остальные народы, несмотря на то, что они также частично были вовлечены в массовую эмиграцию в Турцию (махаджирство), в целом сохранили свою территорию. Более того, царское правительство занялось организацией дальнейшего переселения в равнинные местности таких народов, как осетины, карачаевцы, балкарцы и те же вайнахи.

Эта тенденция продолжилась и в советское время.

Если сила противодействия царскому завоеванию действительно находилась в прямой зависимости от степени “патриархальности” народов, о чем имелись многочисленные свидетельства, то это означало, что “чеченский узел”, завязанный Кавказской войной XIX

в., был чрезвычайно сложным, а лидерство чеченского этноса и адыге в борьбе с Российской империей было предсказуемым и закономерным. Ведь чеченцы и “племена” адыге в силу объективных исторических и географических причин, являлись самым “патриархальными” этносами Северного Кавказа в социальном смысле³. А империи в XIX столетии не выбирали средства для достижения своих целей.

Поэтому битва на реке Валерик и “злой чечен”, точащий свой кинжал, так талантливо описанные Михаилом Лермонтовым – это совсем не феномен добра и зла, а зримое воплощение законов истории, в силу которых люди редко могут выйти за рамки своей эпохи.

Империи не щадили своих противников, а те – своих завоевателей. И царская власть, и воюющие чеченцы были не хуже и не лучше, чем другие действующие лица на исторической сцене.

днако человеку часто свойственно романтическое восприятие исторических фактов. Это может иметь самые разные последствия – и на уровне отдельной личности, и на уровне общества. Последнему иногда можно и напомнить, в нужной для себя форме, о “делах давно минувших дней”.

Есть свидетельства очевидцев, что кадровый советский офицер Джохар Дудаев, почти не живший в родной Чечне, всерьез увлекся чтением Лермонтова и Пушкина. Служа в Эстонии в 1988–1991 гг., он сам писал стихи в духе Лермонтова о свободном Кавказе, черпая “вдохновение в эстонском примере и начиная верить, что родная Чечня тоже может бороться за независимость от Москвы”.

Как отмечали западные авторы Ш.Галл и Т. де Вааль, “это было опасным искушением, поскольку, в отличие от Чечни, Эстония до 1940 г. была государством и располагала всем необходимым общественно-институциональным потенциалом для обретения государственной независимости”⁴.

Всего через несколько лет после прихода к власти в республике “романтического” генерала в 1991 г., стало очевидно, что претензии самопровозглашенной Ичкерии на государственность в конце XX столетия оказались “воздушным замком”.

8–9 июня 1991 г. продудаевская часть Чеченского национального съезда провозгласила себя Общенациональным конгрессом чеченского народа (ОКЧН).

27 октября 1991 г. “назначенные исполкомом ОКЧН центральная и местные избирательные комиссии провели новые выборы президента и парламента республики”.

Хотя, как пишет известный эксперт Т.Музаев, “большинство партий и организаций в республике не признали законность этих выборов”, руководители ОКЧН “заняли ведущие посты в структурах власти”. При этом нужно помнить, что ингушские районы бывшей Чечено-Ингушетии не участвовали в выборах⁵.

Как известно, период “дудаевщины” продлился в республике до 1996 г.

Основные вехи этого года: ликвидация Дудаева; захват Грозного чеченскими боевиками; Хасавюртское соглашение, откладывающее решение вопроса о статусе республики на 5 лет; избрание Аслана Масхадова президентом Чечни.

Но еще до начала военных действий, после того, как 4 июня 1993 г. в Чечне произошел дудаевский “переворот”, когда из руководства республики были выведены бывшие соратники Дудаева (Х.Ахмадов, Ю.Сосламбеков, Б.Гантемиров и др.), в Чечне развернулись события, определяемые в августе-ноябре 1994 г. как “гражданская война”. На основании этого можно считать, что, не будь в декабре 1994 г. ввода федеральных сил в Чечню, облеченных приказом применять, при необходимости, авиацию и артиллерию, дни власти Д.Дудаева в республике были бы сочтены.

В связи с этим возникают исторические параллели.

Еще во время жестокой Кавказской войны XIX в. лидер вооруженного противостояния чеченцев и горных дагестанцев имам Шамиль не раз хотел договориться с Россией о мире, но при условии “сохранения шариата”. Не добившись в этом успеха, он, однако, “настойчиво продолжал вооруженную борьбу”.

Но и сам шариат в то время являлся чем-то весьма экзотичным для весьма изолированной горной местности. Попытки органично соединить его с местным обычаем – адатом, и местными верованиями, трудно было бы назвать состоявшимися.

В этом смысле символической, достаточно редко вспоминаемый, факт новейшей чеченской истории, как принятие закона о борьбе с язычеством в январе 1998 г. (запрещавшего поклоняться животным и природным явлениям). Об объективных трудностях на пути к шариату свидетельствовали постоянные колебания новых лидеров республики “от исламизма к модернизму”.

Например, ревностная декларация норм шариата сочеталась с торжественной отменой дискриминации женщин 8 марта 1998 г.

А.Масхадов, в частной беседе с С.Ковалевым даже сказал, что он бы убил того человека, который посмел бы притронуться к его сестре или дочери с намерением наказать их за нарушение принципов шариата (шариат предписывает наказание бичами для женщин, посмеявшихся, например, носить короткую юбку).

По свидетельству С.Ковалева, в 1996 г. от лица Шамиля Басаева была выпущена листовка, призывавшая применять шариат только по отношению к министрам для борьбы с коррупцией.

Такие колебания явно свидетельствовали о попытках в течение достаточно длительного времени одновременно двигаться в противоположных направлениях. Однако, в конце концов произошло вовлечение большинства чеченских военных формирований в орбиту непосредственного влияния экстремистских исламских организаций. Не вызывает никакого сомнения, что в немалой, если не в решающей, степени это было обусловлено фактором материальной заинтересованности боевых командиров и их подчиненных. Но, как и можно было предвидеть, такой поворот событий поставил под угрозу стабильность во всем регионе Северного Кавказа.

Правительство Аслана Масхадова сразу же столкнулось с проблемой неуправляемости и необузданного соперничества новых военных группировок.

Масхадов был избран президентом после того, как в августе 1996 г. им и генералом А.Лебедем было подписано Хасавьюртское соглашение о прекращении войны. В республике в срочном порядке были проведены выборы парламента и президента (Достоверность их результатов была и остается недоказуемой). Несмотря на разговоры про суверенитет, правительство Масхадова, или, по крайней мере, лично он сам, осознавали опасность криминализации и хаоса, водворившихся в Чечне.

Однако в 1996–1999 гг., после долгих колебаний, А.Масхадов в конце концов сделал ставку на фундаменталистский ислам.

В 1997 г. он провозгласил в Стамбуле Исламскую Республику Ичкерия, а 3 февраля 1999 г. ввел своим указом “шариатское правление”. Но это был шариат в особом варианте, при сохранении парламента, хотя и с совещательным голосом, и института выборов.

В 1999 г. в республике были проведены публичные казни за уголовные преступления⁶. Видимо, одной из целей данной попытки было вызвать симпатии исламского мира.

Попытка навести порядок, опираясь на ислам, привела к прямо противоположным результатам. Фундаменталистские лозунги стали “зеленым знаменем” вооруженных лидеров, перешедших в оппозицию по отношению к самому А.Масхадову (В.Арсанов, Ш.Басаев и др.). Их деятельность непосредственно финансировалась из зарубежных источников.

В противовес Масхадову их группировки были заняты разным промыслом, в частности, Ваха Арсанов был одним из главных фигурантов в делах о похищениях людей в республике.

По свидетельству Анатоля Ливена – иностранного эксперта, побывавшего в Чечне в первую кампанию, Масхадов, в отличие от Шамиля Басаева, окружил себя бывшими представителями интеллигенции (врачи, инженеры и т.д.). Окружение Басаева, напротив, изначально составляли “намного менее образованные и более проникнутые религией

люди”⁷.

Введением шариата Масхадов как бы легализовывал в глазах населения “беспредел”, который объявлялся подобными группировками угодным исламу (как средство борьбы с “неверными” и “оккупантами”). В отличие от соседнего Дагестана, в дореволюционное время в Чечне не было старинной ортодоксальной исламской традиции. В том числе поэтому стало возможно отождествлять с “истинным исламом” любые лозунги. В реальности мусульманские священнослужители оказались в Ичкерии на второстепенных ролях. Те же из них, кто открыто выступил против проникновения экстремизма в республику, сами стали мишенью для боевиков.

Однако в марте 1999 г. еще рассматривалась возможность переговоров между правительствами РФ и Ичкерии.

Тогда же А.Масхадов “неожиданно попросил подать заявление об отставке всех нефтяных руководителей республики”. Одновременно им был закрыт оппозиционный телеканал “Кавказ” и приняты отставки вице-премьера и министра шариатской безопасности.

Но переговоры так и не состоялись, и напряженность в отношениях постепенно нарастала.

Неизвестными лицами в Чечне был похищен генерал Шпигун. Летом ситуация кардинально изменилась. 7 июля, в ответ на предупреждение о возможных превентивных ударах, сделанное В.Рушайло, А.Масхадов заявил: России и Чечне “нужно взаимодействие в борьбе с криминалом, а не превентивные удары”.

Почти одновременно (4 июля) по многим каналам транслировалось и другое его заявление: “Государство Ичкерия имеет право защищать себя разными методами”, и “каждый выстрел на территории Чечни будет иметь ответ на территории России”.

Это снова обнаруживало роковую двойственность позиции, занятой лидером республики.

До сих пор можно задаваться вопросом: а была ли возможность мирного урегулирования конфликта весной и летом 1999 г.? Тогда ситуация многим еще не казалась predetermined.

Так, в марте на заседании Госкомиссии по вопросам социального развития регионов Северного Кавказа (под председательством вице-премьера Вадима Густова) была утверждена концепция политики на Северном Кавказе. В нее входили следующие положения:

- сохранение территориальной целостности России,
- защита конституционных прав народов и “создание условий для их полноценного развития”.

Авторы документа видели решение проблемы Чечни “в переводе из политической сферы в плоскость взаимовыгодного экономического сотрудничества”⁸.

Отмечалось, что существует “необходимость продолжить линию на сближение позиций в спорных вопросах”, и что “вопрос о статусе республики будет определен на последующих этапах до 31 декабря 2001”.

То, что в апреле 1999 г. в планах правительства все еще предусматривались в качестве возможных как силовые меры, так и продолжение переговоров, подтверждало официальное заявление В.В.Путина (как секретаря Совета Безопасности): “переговорный процесс с Чечней” должен базироваться “на принципах отказа от конфронтации и перехода к конструктивному сотрудничеству”.

Тем не менее, линия поведения формального руководства Ичкерии была далеко не последовательной. И, главное, не вызывает сомнений одно: А.Масхадов, будучи президентом республики, не был “чеченским лидером” в настоящем смысле слова. Сам А.Масхадов признал на негласной встрече глав северокавказских республик (начало мая

1999 г., Назрань), что “его поддерживает около четверти населения Чечни”*

В то же время не прекращающаяся связь с российской экономикой – легальной, в виде субсидий на пенсии и восстановление, и теневой, в виде криминальной и полукриминальной деятельности – практически означала отсутствие перспективы реального отделения от РФ.

Разграничение полномочий между Центром и Республикой. Проблемы политического и военного урегулирования

Осенью 2000 г., примерно через год после вторжения чеченских боевиков в Дагестан и возобновления военных действий в Чечне, главой администрации Чеченской Республики (ЧР) был назначен муфтий Чечни Ахмат Кадыров (в прошлом – сподвижник А.Масхадова), а затем противник как Масхадова, так и ваххабитских формирований на территории Чечни. Но джинн анархии давно был уже выпущен из бутылки. Это не позволяло надеяться, что данное назначение немедленно сыграет решающую роль.

23 марта 2003 г. в республике был проведен референдум по проекту новой конституции. Проект подтверждал статус ЧР как субъекта РФ. На референдуме также ставился вопрос о дальнейших выборах президента и парламента Чечни.

Вопросы реального разграничения полномочий между республикой и Центром были названы Президентом РФ В.В.Путиным приоритетными.

На специальной встрече с представителями Чечни 28 мая 2003 г. В.Путин подчеркнул, что обсуждение разделения полномочий должно быть гласным и открытым, чтобы жители Чечни могли ознакомиться с предлагаемым проектом и внести свои замечания.

А.Кадыров сразу же после референдума 23 марта тоже сделал публичное заявление о разграничении полномочий, сказав, что “автономия должна касаться только экономики” и республике необходим экономический, а не политический, суверенитет”.

В конце мая он высказал несколько иную точку зрения: республике, как субъекту РФ, необходима “полнота власти” для решения местных проблем. А.Кадыров предлагал также передать 100% акций на использование нефтяных ресурсов на территории республики и налоги от нее в распоряжение правительства Чечни.

Заявления А.Кадырова весной 2003 г. символизировали особый поворотный пункт в истории “чеченских” событий. Суверенитет был одним из “камней преткновения”, лежавших в основе развития конфликта и до, и после 1994 г. Еще в 1997–1998 гг., но уже после подписания Хасавюртского соглашения 1996 г. (то есть после первой “чеченской войны”), Ичкерии не раз делались предложения об “особом” статусе. Подобные предложения показались бы “золотой” возможностью руководителям любой другой республики в составе РФ. Однако чеченские военные лидеры, несмотря на внутренние разногласия, были склонны рассматривать их тогда лишь как “золотую цепь”.

Например, в декабре 1997 г. заместитель секретаря Совета Безопасности Ю.Дерябин, перед поездкой вместе с делегацией международных экспертов в Грозный, заявил, что в новых предложениях федерального правительства речь будет идти об “очень особом статусе” республики, “больше, чем у Татарстана” (на тот момент самая самостоятельная республика в составе РФ), хотя и с условием, что “если исходной позицией Чечни будет требование независимости, то ни о каких перспективах и компромиссе говорить невозможно”.

В начале февраля 1998 г. специальная комиссия по Чечне, сформированная по указу Б.Н.Ельцина, предлагала Чечне “двойной компромисс”: республике предоставляется самостоятельность в решении почти всех вопросов, за исключением государственного суверенитета. Если бы это предложение было принято, то, в реальности, речь шла бы о преобразовании РФ в асимметричную федерацию, допускающую разный статус субъектов. Но Мавлади Удугов, в то время министр иностранных дел Республики Ичкерия, выразительно отвечал: “Невзирая на длину цепи, цепь остается цепью, даже если она золотая”.

Высказанное А.Кадыровым в марте 1999 г. пожелание об экономической самостоятельности при полном политическом подчинении можно было бы назвать крайностью. Сегодня, в обычных условиях, ни одно федеральное правительство не может взять на себя все функции по внутреннему урегулированию в субъектах, как и не может предоставить им всю свободу деятельности в области экономики⁹. Однако федеральная юрисдикция в отношении этнических меньшинств в случаях особой необходимости тоже не является мифом.

Рассматривая характерные примеры, можно назвать североамериканских индейцев в США. Вопросы экономического и политического положения коренного населения Америки до сих пор преимущественно входят в компетенцию федерального правительства, а не правительств штатов. Причем неоднократно предпринимались попытки изменить этот “расклад”, но они оказались безуспешными. Экономический статус индейских анклавов постепенно повышался за счет расширения их возможностей в экономической сфере¹⁰.

В целом в современных федеративных государствах так называемые “постоянные национальные меньшинства”, то есть те меньшинства, которые, в силу демографического фактора, никогда не станут большинством, обычно апеллируют к федеральным институтам власти, то есть к “Центру” при защите своих экономических и политических интересов.

Еще осенью 2000 г. Президент РФ В.В.Путин подтвердил, что Россия не намерена рассматривать содержание нового статуса Чеченской Республики через призму “имперской политики”. Это означало, что позиция Центра по вопросу статуса республики остается достаточно гибкой. В самом допущении асимметричной федерации нет ничего беспрецедентного.

В современном мире такими федерациями являются Испания, Канада и некоторые другие государства федеративного типа.

Однако, по мнению автора данной статьи, в случае с ЧР после второй чеченской военной кампании, “автономия” в сфере экономики неизбежно означала и означает дальнейшую криминализацию (несмотря на решимость наказывать за каждое единичное злоупотребление, о которой заявляет руководство республики).

Наглядным примером может служить вопрос о компенсациях за потерянное жилье.

Так, на встрече руководителей республики с президентом РФ В.В.Путиным (апрель 2003 г.) был назван конкретный срок раздачи компенсаций – вторая половина 2003 г., а в компенсации, по их оценке, нуждалось 39 тыс. семей. Но по прошествии двух с половиной лет (октябрь 2005 г.) оказалось, что “количество разрушенных домов и квартир превышает 100 тыс.”.

Говоря о ходе восстановительных работ в регионе, новый руководитель республики А.Алханов (сменивший убитого в мае 2004 г. А.Кадырова) вновь отмечал в октябре 2005 г., что “первым этапом” остается “инвентаризация всего жилого фонда республики и вот-вот должно начаться активное строительство”, а также, что “количество разрушенных домов и квартир превышает 100 тыс.”. Алу Алханов на встрече с журналистами в Грозном также сообщил, что до конца года в Чечне планируется создать 14 тыс. новых рабочих мест. Среди главных достижений Республики в 2005 г., по его мнению, было то, что удалось “добиться корректировки Федеральной целевой программы по восстановлению социальной и экономической сферы республики в начале текущего года” (имеется в виду увеличение финансирования данной программы на 1,4 млрд. руб., “чего в свое время настойчиво добивался Ахмат Кадыров”).

В связи с компенсациями, А.Алханов обвинил в растратах и злоупотреблениях местных чиновников (“известны случаи мздоимства со стороны чиновников, а также выявлены лица, желающие получить компенсацию, не имея на то законного права”).

Параллельно другое острие обвинений было направлено на федеральные структуры.

Однако простое сопоставление указанных цифр показывает уровень “эффективности” решения проблемы за несколько лет.

Российский президент посчитал даже уместным прокомментировать, что

“первоначальные цифры, заявленные руководителями республики, растут, но число тех, кому положена компенсация, до сих пор не определено”.

Генеральная прокуратура с 2003 г. по январь 2006 г. возбудила 291 уголовное дело только по делам, связанным с выплатами компенсаций на жилье.

При такой ситуации неординарной кажется даже постановка вопроса о новой схеме распределения доходов от нефти (установленные пропорции весной 2003 г.: 49% – республике, остальное – “Роснефти”). По мнению Алу Алханова, стоимость добываемой в Чечне нефти сейчас гораздо выше, чем дотации Центра, а реальный ключ к решению экономических проблем республики лежит в том, чтобы правильно формировать республиканский бюджет, полностью включив в него “нефтяные деньги”.

По словам А.Алханова, “разговоры о высокой дотационной зависимости Чечни от Федерального центра – это досужий вымысел”, поскольку бюджет Чечни составляет 10 млрд. руб., а стоимость добываемой в республике нефти – 15 млрд. По оценке президента ЧР, только передача лицензии на право добычи нефти дочернему предприятию “Роснефти” – компании “Грознефтегаз” – даст республике дополнительно 2 млрд. руб. (Сейчас Чечня получает за операторские услуги в нефтедобыче около 250 млн. руб.).

Однако, учитывая уже имеющийся опыт, жесткий финансовый контроль Федерального центра выглядит как необходимость, а не вопрос выбора. Абсолютна понятна инициатива полпреда в Южном Федеральном округе (ЮФО) Д.Козака в сентябре 2005 г.: политическая самостоятельность регионов должна определяться их экономическим состоянием. Это означало, что в республиках, бюджет которых формируется за счет федеральных поступлений на 60–80%, может быть введена временная финансовая администрация сроком до одного года. Полпред назвал два условия, при которых может быть реализована эта программа:

1. Если повысится ответственность местных органов власти за конечные результаты своей деятельности;

2. Если будет восстановлена на должном уровне “правоохранительная система юга России” (определенные шаги в эту сторону начали предприниматься).

На выездном заседании комиссии Государственной Думы по Северному Кавказу (начало марта 2006 г.) Д.Козак огласил “новую схему стимулирования регионов”.

В соответствии с ней, области и республики ЮФО, запрашивающие дополнительные ресурсы из центра, свыше 60% доходов которых составляют поступления из федерального бюджета, должны будут подчиняться особым правилам финансового контроля (среди которых проведение независимой экспертизы и опубликование ее результатов, строгая персональная ответственность и т.д.).

Такая же процедура, по мысли Д.Козака, должна быть установлена и в отношении муниципалитетов со стороны субъектов.

Те же, кто не хочет столь пристального внимания к своим делам, должны оставаться без дополнительного финансирования.

Однако идея внешнего финансового управления вызвала резкое противодействие фактически всех глав северокавказских регионов – как республик, так и областей. Возможно, в какой-то степени, данную реакцию спровоцировали “неуклюжие” шаги отдельных представителей федеральной власти, не очень хорошо знакомых с местными особенностями (на что и указывалось в возражениях). Однако трудно сомневаться, что главной причиной противодействия действительно служит привыкание большинства руководителей регионов округа к “вольготному политическому и юридическому положению”, как это было отмечено Д.Козаком.

В этом свете очевидно, что простое увеличение финансирования или расширение полномочий ЧР (в том числе по распоряжению поступлениями от нефти) не будет служить гарантией реальных изменений.

Целевые программы, предусматривающие совместное участие, где федеральным органам передается приоритет по контрольным функциям, – это, видимо, пока единственно

возможное, хотя и не достаточное условие стабилизации в республике.

Ассоциирующийся с западными моделями либерализм, публично проявленный Центром по вопросам статуса и полномочий ЧР в 2000–2003 гг., на практике оказался слишком утонченным “лекалом”. К сожалению, оно пока не подошло для грубой приземленной повседневности, где наблюдается чрезвычайно высокая степень коррупции. С другой стороны, очевидно, что не менее важное условие стабилизации – это способность Федерального центра эффективно осуществлять необходимый контроль.

Заместитель председателя Государственной Думы России, глава комиссии Думы по Северному Кавказу В.Катренко так сформулировал сущность нового механизма: “должны быть созданы такие системные походы, которые смогут или позволят нам отстранить конкретного чиновника от решения тех или иных финансовых вопросов”.

В то же время планируемое Комиссией создание специальных экономических зон в ЮФО для реанимации экономики вызывает специфические воспоминания об оффшоре в Ингушетии и ассоциации с нынешним состоянием в Калининграде, где под прикрытием особого экономического статуса образовалось “гнездо” контрабанды и криминала. Нет оснований предполагать, что объективная ситуация в ЮФО больше способствует наведению порядка, чем в Калининграде. Тот факт, что, по оценке Д.Козака, примерно 1/3 предприятий ЮФО принадлежат к теневому сектору и не декларируют свои доходы, говорит сам за себя (в основном это производство спиртных напитков, бензина и нефтепродуктов, а также рыбные промыслы).

Как заявил полпред Д.Козак на совещании в Ставрополе (январь 2006 г.), масштабы теневой экономики в ЮФО в настоящее время представляют угрозу национальной безопасности.

В то же время социально-экономические мероприятия Центра на всем Северном Кавказе “захлебываются” не только из-за коррупции, попустительства или самоуправства местных властей. Особую “скрытую” угрозу представляет собой углубляющаяся деградация межнациональных отношений. Это явление с тревогой фиксируется в настоящее время местными социологами. Причем, как отмечается, сейчас любой возникающий на бытовой почве конфликт с легкостью переходит в межнациональный.

Один из самых наглядных примеров влияния данного фактора – судьба муниципальной реформы в северокавказских регионах. Она тяжело “закбуксовала” на почве межнационального соперничества.

Пренебрегая народной мудростью – не искать легких путей, многие местные руководители Северного Кавказа в настоящее время были бы не прочь исправить право на свободный выбор места жительства, гарантированное Конституцией РФ. В этом ими усматривается эффективное средство остановить миграционные потоки.

Беспрепятственное приобретение участков земли в собственность, согласно новой редакции Земельного кодекса, также может, по оценкам местных экспертов, спровоцировать в отдельных регионах (например, Ставрополье) настоящий взрыв из-за традиционно жесткой конкуренции за землю¹¹. Борьбой за удобные земли была пронизана вся история Северного Кавказа.

С другой стороны, “приватизация” лесов, наоборот, противоречит традиционному общественному использованию.

Таким образом, реализация принципов федерализма на всем Северном Кавказе, включая Чеченскую Республику, требует совершенно нестандартного подхода. Принятие “своих” вариантов кодексов для субъектов, используя статьи Конституции о совместном ведении, в принципе предусматривается российским законодательством¹². Но так как основная нагрузка по претворению в жизнь новых положений Земельного и Лесного кодексов ляжет на органы местной администрации, а при этом, полпредством ЮФО постоянно констатируется слабость и/или коррумпированность местного административного звена в округе (и в особенности в Дагестане), то образуется своего рода замкнутый круг, для того, чтобы выбраться из которого нужны неординарные и достаточно

решительные меры.

Дагестан до сих пор представляет собой ближайшую цель для сепаратистских сил в Чечне. В то же время в самой Чечне многие управленческие функции все еще выполняют военные комендатуры, утвержденные Указом Президента РФ (октябрь 2002 г.). Ставится вопрос “о постепенной передаче административных функций и функций по охране общественного порядка и общественной безопасности местным органам исполнительной власти” “в районах республики со стабильной криминогенной обстановкой”¹³ (выд. – Авт.).

Таким образом, использование военных комендатур в сочетании с постепенным восстановлением обычных структур местного административно-гражданского управления – тактика, заявленная в республике на ближайшие годы. Но, как, например, показывает опыт урегулирования в Северной Ирландии, этот период может затянуться не только на годы, но и на десятилетия. При этом позиция армия должна быть по-настоящему нейтральной, что в условиях полного перевода на контракт и общего тяжелого состояния армии тоже является крайне сложной задачей.

Например, бывший командующий Западной группировкой российских войск в Чечне Владимир Шаманов, публично подтвердив летом 2000 г., что в Чечне имеют место случаи мародерства со стороны военнослужащих федеральных сил, заметил, что корни данного явления находятся “не в самой армии, а в той обстановке, что сегодня создают в ней контрактники”, поскольку многие из них отправляются на войну в Чечне, чтобы поправить свое материальное положение, “в том числе и посредством мародерства”. В настоящее время 42-я мотострелковая дивизия, дислоцированная в Чечне, переведена на контракт.

И, наконец, объективные трудности резко усугубляются психологическим фактором. После кампаний, убедившей военных, что “на войне, как на войне”, призывы к нейтральной позиции армии с трудом находят отклик у тех, кто так долго находился на “театре военных действий”.

Применение видеокамер и регулярная сменяемость персонала на допросах – полезная часть британского опыта в Северной Ирландии. Как пишут британские авторы П.Бишоп и Э.Малли, создавшие в свое время “энциклопедию” северо-ирландского конфликта, во время действия чрезвычайного законодательства в 70-х годах (когда теракты начали совершаться в самой Англии) на допросах арестованных было сделано так много признаний, что “подозревалось, что они были получены при помощи пыток и избиения заключенных”. Вследствие этого, допросы задержанных стали в обязательном порядке проводиться в помещениях с видеокамерой. Была также обеспечена сменяемость персонала, имеющего дело с задержанными¹⁴.

27 ноября 2005 г. в Чеченской Республике прошли очередные парламентские выборы, в которых участвовали военнослужащие, постоянно находящиеся на территории Чечни (примерно 34 тыс. чел.) и члены их семей, и, на этот раз, не участвовали чеченские беженцы, размещенные в Ингушетии.

По данным местного избиркома, на момент выборов в Чечне насчитывалось 596 тыс. избирателей, включая 34 тысяч военных и членов их семей.

Примерно по 10% голосов получили СПС и КПРФ, 61% – Единая Россия.

27 ноября, согласно обнародованным результатам, явка избирателей составила около 60%. На выборах присутствовала группа представителей ПАСЕ.

Согласно комментариям представителей ПАСЕ сразу по окончании выборов, в целом они прошли корректно. В то же время, не ослабевает критика, особенно со стороны западных наблюдателей, о том, что парламент в республике “формируется по образцу Государственной Думы РФ”.

Звучит оценка, что Федеральный центр в очередной раз “упустил возможность инициировать общественную дискуссию”, в которой, в рамках выборов представительного органа власти, могло бы принять участие все чеченское общество.

Например, эксперт пишет: “Никакие Рамзаны Кадыровы, Алу Алхановы не способны завоевать симпатии чеченцев для России, как бы подчас не убедительно звучали их

аргументы в пользу союза с Москвой. Террор, развязанный ими в республике, лишает всякой доказательной силы их тезисы о тех бедах, которые поджидают Чечню на пути независимости”.

На это можно было бы ответить: по опыту 1991–1994 гг. хорошо известно, как “дискуссия всего чеченского общества” легко переходит в гораздо более жесткие формы противостояния.

В настоящее время неизбежно политическое “лабиринтное” в республике, что само по себе еще очень далеко от установления реальных демократических стандартов. По-видимому, осуществимая задача на сегодня – это обеспечить управляемость и стабильность общества, не делая открыто ставку на один из кланов. Даже понимаемая в столь усеченном виде, эта скромная программа-минимум по политическому урегулированию в современной Чечне является нелегким делом.

Приходится учитывать и недавнее и историческое прошлое, и многочисленные примеры внезапного возрождения и распространения национализма в мировой новейшей истории.

Часто предполагается, что поступательное наступление “национализма” отражают социологические опросы. Хотя это справедливо, поступательность самого процесса достаточно условна. Национализм имеет много общего с разгулом стихии – там, где есть исторический эпицентр конфликта, взрыв может произойти стихийно, казалось бы, по незначительным поводам. Эта опасность многократно возрастает, если националистические чувства уже были разбужены целенаправленной пропагандой.

Все это дает основания считать, что в Северокавказском регионе в настоящее время сложилась далеко не однозначная ситуация, при которой корректное и уравновешенное поведение армии и силовых структур, в сущности, решает все.

Примечания

¹ Народы Кавказа. Этнические исследования Северного Кавказа XVI – XX века // Под ред. Ю.Анчабадзе, Н.Волковой. Кн. 1. Вып. 27. М., 1993. С. 176.

² Матвеев О.В., Ракачев В.Н., Ракачев Д.Н. Этнические миграции на Кубани: история и современность. Краснодар 2003. С. 35–37.

³ Очерки истории Чечено-Ингушской АССР. Грозный, 1967; Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1976; Общественные отношения чеченцев и ингушей в дореволюционном прошлом. Грозный, 1988; Социально-политические процессы в дореволюционной Чечено-Ингушетии. Чечено-Ингушский Научно-исследовательский институт истории, экономики, социологии и филологии, 1991; Чечня и чеченцы в материалах XIX века. Составители Ахмадов Я.Ц., Мунаев И.Б. Элиста: САНАН, 1990.

⁴ Gall C., Waal de T. Chechnya: A Small Victorious War. London: Pan Books, 1997. P. 86, 87.

⁵ Музаев Т. Чеченская республика. Органы власти и политические силы // Панорама, 1995. Апрель.

⁶ Саватеев А.Д. Мусульмане Чечни между адатом, шариатом и исламским революционизмом. С. 296–299.

⁷ Lieven A. Chechnya. Tombstone of Russian Power. Yale University Press. New Haven, London. 1998. P. 59.

⁸ Максаков И. Кавказская политика Москвы все дальше отходит от реальности // Независимая газета. 1999. 19 марта. (Тезисы подготовлены Миннацем).

⁹ Elazar D.J. Exploring Federalism. Tuscaloosa, University of Alabama Press. 1987; Wright D.S. Understanding Intergovernmental Relations. Pacific Grove, California: Brooks and Cole Publishing Company, 1988; Daniel J. (ed.) Federal Systems of the World: A Handbook of Federal.

Confederal and Autonomy Arrangements. Harlow: Longman, 1991.

¹⁰ Elazar D.J. Federal Systems of the World: A Handbook of Federal. Confederal and Autonomy Arrangements. Harlow: Longman 1991. P. 315, 322–324.

¹¹ Авксентьев В.А. Факторы этнополитической нестабильности в Северокавказском регионе // Этнические проблемы современности. Ставрополь: СГУ, 2004.

¹² Краснов Ю.К. Российская государственность на рубеже веков (Некоторые теоретико-правовые аспекты формирования и развития современного Российского государства). М.: МГИМО, 2003. С. 182–184.

¹³ Баранова В. (в прошлом командующий ОГВ) Использование внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации внутри страны: правовые, политические и моральные аспекты. Тезисы доклада на международной конференции “Военно-гражданские отношения в конфликтных регионах”. 2005. 26, 27 сентября.

¹⁴ Bishop P., Mallie E. The Provisional IRA. London: Corgi Books, 1997. P. 277, 321.

* Во встрече участвовали А.Масхадов, Р.Аушев, К.Дзасохов, Магомедали Магомедов. (Максаков И. Встреча спустя два года // Независимая газета. 1999. 12 мая).

ТЕРРОРИЗМ – ВЗРЫВЫ, СОТРЯСАЮЩИЕ МИР

А.Тихонов

Террористические акты, осуществленные за последние годы в России, Турции, Великобритании, Египте и многих других странах: что это, новый вызов мировому сообществу или еще одна попытка террористов заявить о себе, о своем могуществе и вездесущности?

Сегодня однозначно ответить на этот вопрос не может никто, ибо суть терроризма настолько многогранна и сложна, что говорить о противостоянии этой новой “чуме XXI века” можно лишь гипотетически.

Что такое терроризм и каковы его перспективы

Терроризм имеет многовековую историю. Однако в качестве серьезной проблемы, вышедшей на международный уровень, терроризм обозначился в конце XIX столетия. В этом была немалая “заслуга” русских революционеров, теоретиков и практиков анархизма. Но лишь в последнее десятилетие терроризм приобрел то новое качество, которое выдвинуло его в разряд одной из основных угроз безопасности. Сегодня терроризм – это, прежде всего, преступление глобального характера, направленное против всех и каждого в отдельности. Террористическая акция может совершаться как одиночкой, так и несколькими лицами, образующим террористическую группу или организацию. Сегодня терроризм рассматривается как уголовное преступление, причиняющее ущерб интересам личности, общества и государства. В то же время как преступление, наносящее ущерб не только национальным интересам, но и стабильности международных отношений, оно становится преступлением международного характера.

Как внутригосударственное преступление терроризм охватывает:

1. Применение насилия или угрозы его применения в отношении физических лиц или организаций;
2. Уничтожение (повреждение) или угрозу уничтожения (повреждения) имущества и других материальных объектов, создающие опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба и т.п.
3. Посягательство на жизнь государственных или общественных деятелей, совершенное в целях прекращения его государственной или иной политической деятельности, либо из мести за такую деятельность.

В качестве преступления международного характера терроризм определяется как нападение на представителя иностранного государства или сотрудника международной организации, пользующихся международной защитой, а также на служебные помещения либо транспортные средства таких лиц, если это деяние совершено в целях провокации войны или осложнения международных отношений.

Террористическая деятельность может выражаться:

1. В организации, планировании, подготовке и реализации террористической акции;
2. В подстрекательстве к террористической акции, насилию над физическими лицами

или организациями, уничтожению материальных объектов в террористических целях;

3. В создании незаконного вооруженного формирования (НВФ), преступного сообщества (преступной организации), организованной группы для совершения террористической акции, а равно в участии в такой акции;

4. В вербовке, вооружении, общении и использовании террористов;

5. В финансировании заведомо террористической организации или террористической группы или ином содействии им.

Конкретные террористические акции это – взрывы; поджоги; применение или угрозы применения ядерных устройств, радиоактивных, химических, биологических, взрывчатых, токсических, отравляющих веществ, уничтожения, повреждения или захвата транспортных средств или других объектов; посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, представителя национальных, этнических, религиозных или иных групп населения; захват заложников; похищение человека; создание опасности причинения вреда жизни, здоровью или имуществу неопределенного круга лиц; создания условий для аварий и катастроф техногенного характера либо реальной угрозы создания такой опасности и др.

Изучение зарубежной литературы о деятельности НВФ и борьбе с ними правоохранительных органов позволяет сделать ряд предварительных оценок, из которых следует, что к категории НВФ в зарубежных государствах можно отнести:

- террористические организации различного политического толка (“Красные бригады” в Италии, Революционные ячейки в ФРГ и т.п.);
- националистические вооруженные формирования и группы, в том числе партизанского характера (Ирландская республиканская армия в Великобритании, “Тигры освобождения Тамил Илама” в Шри-Ланке и т.п.);
- экстремистские организации религиозного толка (Хамад, организация исламских фундаменталистов, “Аль-Каида” и др.);
- вооруженные отряды охранников и боевиков мафиозных группировок;
- отдельные бандитские группировки чисто уголовного характера (вооруженные группы и банды, специализирующиеся на захватах грузов, угоне автотранспорта и т. п.).

Наиболее распространенными и особенно опасными видами НВФ считаются террористические организации и вооруженные формирования партизанского типа, борьбу с которыми ведут как полицейские силы, так и армейские подразделения.

Причины возникновения НВФ, основные формы и методы борьбы с ними

Возникновение НВФ обусловлено социально-экономическими кризисами, резким падением жизненного уровня основной массы населения, межнациональными, религиозными, расовыми и экологическими конфликтами, тоталитарным характером режимов и национальным гнетом.

Вместе с тем, существуют и специфические признаки, при наличии которых можно судить о существовании НВФ, проявления их активности.

К ним можно отнести:

- проникновение свободного предпринимательства в государства, где механизмы регулирования рыночных отношений нуждаются в глубокой разработке. Возникшие вследствие этого политическая и экономическая нестабильность, обострение этнических и региональных конфликтов обеспечивают широкие возможности для

незаконной вооруженной деятельности, способствуют незаконному финансированию поставок оружия в очаги этнических конфликтов;

- усиление миграции населения и образование этнических диаспор.

Следует отметить, что районы с этнически однородным населением являются одним из основных источников пополнения рядов НВФ, базирующихся в той или иной стране и использующих национально-патриотические чувства в борьбе за свои интересы:

- коррумпированность государственных служащих;
- дефицит ресурсов, необходимых для борьбы с НВФ и т.п.

Определение стратегии борьбы с терроризмом невозможно без учета двух важнейших факторов:

- во-первых, деятельность по его предупреждению, выявлению и пресечению требует объединения усилий всего международного сообщества;
- во-вторых, терроризм многолик, обусловлен различными причинами, поэтому противодействие ему должно носить системный комплексный характер и включать в себя совокупность социальных, экономических, политических, организационных и других мер. Существенное значение в этом комплексе принадлежит мерам правового характера.

Рассмотрение деятельности правоохранительных органов, других государственных институтов по борьбе с НВФ позволяет выделить три основные формы борьбы:

- мероприятия полицейского характера (обеспечение охраны, наблюдения, агентурнооперативные, физического подавления);
- профилактические мероприятия;
- войсковые мероприятия.

В борьбе с НВФ, отличающимися многочисленностью состава (формирования партизанского типа), за рубежом, как правило, используют несколько методов, которые применяются одновременно или последовательно. К ним в первую очередь относятся:

- пропагандистско-идеологические, которые призваны осуществлять пропагандистское и идеологическое обеспечение всех акций, проводимых в отношении противника. Эти методы предназначены как для населения данного региона, страны, района, так и для разложения вооруженных группировок;
- специальные методы, которые включают агентурнооперативные (разведывательные), а также психологические, экономические и специальные операции секретного характера;
- военные методы, которые включают как отдельные (локальные), так и массированные, широкомасштабные войсковые операции, в том числе с использованием авиации и бронетехники.

Основная тяжесть борьбы с НВФ в большинстве государств лежит на полицейских службах и их специальных формированиях.

На начальном этапе этой борьбы ее вели обычные полицейские формирования, вооруженные штатным оружием. По мере обострения проблемы терроризма в составе полицейских сил стали создаваться специализированные подразделения.

Борьба с терроризмом в России

В Советском Союзе проблема борьбы с терроризмом рассматривалась в основном через призму международного государственного терроризма, через призму соперничества капиталистической и социалистической систем. Причем обвинения в пособничестве терроризму сыпались с обеих сторон: социалистический лагерь обвинялся в помощи различным национально-освободительным движениям и инспирирования так называемого левого терроризма, а капиталистический – в использовании международного терроризма для подрыва основ социалистических государств.

О реальном терроризме в нашей стране можно говорить лишь в связи со взрывами в Москве в 1978 г., осуществленными группой Затикияна, когда действительно существовала группировка, которая насильственными средствами пыталась бороться с существующим государственным строем.

Необходимость обратить внимание на проблемы терроризма именно сегодня вызывается тенденцией развития политической и социально-экономической ситуации на постсоветской территории, которые дают основания полагать, что страна ускоренными темпами входит в полосу резкого роста терроризма.

Российское общество еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, однако в настоящее время он нарушен. Объясняется это тем, что терроризм, являясь по сути своей сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта. Российское государство подошло в своем развитии к критической черте.

Захват больницы в Буденновске, взрывы жилых домов в Москве и других городах страны, массовый захват заложников на Дубровке и в Беслане – вот далеко не полный перечень страшнейших террористических актов, организованных и осуществленных чеченскими и международными террористами в России за последние десять лет.

Для того, чтобы обуздать рост преступлений, связанный с терроризмом, 25 июля 1998 г. в России был принят Федеральный закон “О борьбе с терроризмом”. Согласно закону, главным координатором антитеррористической деятельности является правительство.

Непосредственно борьбу с терроризмом осуществляют Федеральная служба безопасности РФ, Министерство внутренних дел РФ, Служба внешней разведки РФ, Федеральная служба охраны РФ и Министерство обороны РФ.

Перечисленные федеральные ведомства, их территориальные органы и войска в субъектах Российской Федерации участвуют в борьбе с терроризмом в пределах своей компетенции.

После серии терактов, произошедших в России в 2004 г., было решено вместо действующего ФЗ “О борьбе с терроризмом” (1998 г.), подготовить новый, более соответствующий современным требованиям.

1 марта 2006 г. Совет Федерации одобрил Закон “О противодействии терроризму”, принятый Госдумой 26 февраля с.г.

Новый закон определяет порядок проведения контртеррористических операций, применения вооруженных сил в борьбе с терроризмом, ликвидации последствий терактов и профилактики этого вида преступной деятельности.

В документе терроризм определяется, как “...Идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами государственной власти, местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения или иными формами противоправных насильственных действий”.

Руководство контртеррористическими операциями, а также координация деятельности органов внутренних дел, гражданской обороны и юстиции возлагаются на ФСБ.

Оговаривается возможность привлечения российской армии к борьбе с терроризмом, в

том числе за пределами РФ.

Допускается применение оружия и боевой техники на суше, в воздухе и на воде для ликвидации любого объекта, представляющего угрозу безопасности (например, самолета, захваченного террористами, или базы боевиков на территории сопредельного государства).

Для “пресечения и раскрытия террористического акта, минимизации его последствий и защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства” в отдельных регионах может вводиться “режим контртеррористической операции”.

Этот режим предполагает (в случае необходимости) удаление граждан с отдельных участков местности и объектов, ограничение движения на улицах, прослушивание телефонных переговоров, перлюстрацию почты и др.

Руководитель контртеррористической операцией, согласно закону, “несет персональную ответственность за ее проведение”. Он осуществляет “единое управление силами и средствами, входящими в состав группировки”. Он же назначает специального уполномоченного для работы с общественностью и СМИ.

Решения о нанесении ударов по базам террористов и проведении спецопераций за рубежом будет принимать Президент при одобрении Совета Федерации.

Предложение о направлении войск за пределы РФ, вносимое Президентом в верхнюю палату парламента, должно содержать сведения об общей численности этих подразделений, районе дислокации и сроках проведения операции. Комплектоваться антитеррористические формирования будут на добровольной основе военнослужащими-контрактниками, прошедшими предварительную специальную подготовку.

Закон допускает возможность ведения переговоров с террористами “в целях сохранения жизни и здоровья людей”. При этом в документе отмечается, что переговоры вправе вести только “лица, специально уполномоченные на то руководителем контртеррористической операции”. Рассматривать выдвигаемые террористами политические требования переговорщикам запрещается.

РОССИЯ И ООН XXI ВЕКА:
НОВЫЕ ПРИОРИТЕТЫ*

Право вето – важнейший вопрос реформы Совета Безопасности ООН

Л.Гришаева,
кандидат исторических наук

Позиции стран по реформе СБ

Право вето – это право каждого постоянного члена Совета Безопасности блокировать решения Совета по непроцедурным вопросам, предусмотренное в п. 3 ст. 27 Устава ООН, то есть любой член “пятерки” может наложить вето на неудобное ему решение. Для принятия резолюции по непроцедурному вопросу необходимы голоса 9 членов Совета Безопасности, включая совпадающие голоса постоянных членов (правило единогласия). При рассмотрении процедурного вопроса для принятия решения необходима поддержка любых 9 членов Совета, в этом случае правило единогласия не действует.

Вопрос о праве вето и предоставлении его новым постоянным членам – это краеугольный камень реформы Совета Безопасности. От его решения зависит будущее не только Совета, но и самой Организации в целом, так как право вето является одним из её фундаментальных принципов.

Правило единогласия постоянных членов с самого начала создания ООН вызывало и продолжает вызывать горячие споры среди стран-участниц Организации.

Подавляющее большинство государств считают право вето недемократичным анахронизмом. На Совет Безопасности сыпятся обвинения в том, что он “эффективен лишь в защите интересов постоянных членов”. Страны-члены Организации не чувствуют свою причастность к принятию решений, так как большинство заседаний Совета происходят за закрытыми дверями, и зачастую, информацию об их результатах страны получают уже постфактум.

В контексте будущей реформы Совета Безопасности встает несколько вопросов, связанных с правом вето:

– во-первых, будет ли распространяться право вето на новых постоянных членов Совета. Мнения стран-членов по этому вопросу разделились.

Так, представители радикального направления, например Движения неприсоединения, высказываются за предоставление новым членам тех же привилегий, которыми обладают старые, хотя само право единогласия они считают дискриминационным по отношению к общей массе стран-участниц Организации.

Большинство делегаций выражают согласие с мнением Движения неприсоединения о том, что “применение права вето следует ограничить вплоть до его упразднения”.

В качестве первого шага они предлагают внести в Устав ООН поправку, ограничивающую “применение права вето решениями, принимаемыми на основании гл. VII Устава”, которая предусматривает действия Совета Безопасности в отношении угрозы миру, нарушений мира и актов агрессии.

Представители радикального направления реформы считают, что Совет Безопасности

“превратился в то, что многие называют “звездной палатой”. По их мнению, Совет часто превышает полномочия, закрепленные в Уставе, принимает решения, не учитывая мнения большинства государств-членов ООН. Так, представитель Индии, в частности, заявил: “Миротворчество – это дорогостоящий инструмент; в этом году расходы на миротворчество в два раза превысят регулярный бюджет Организации Объединенных Наций. Однако, государства-члены, оплачивающие эти счета, и в интересах которых, как представляется, сохраняется мир, располагают незначительной информацией о том, каким образом протекают миротворческие операции, с какими проблемами они сталкиваются, на каком основании учреждаются или меняются те или иные мандаты, когда и почему они расширяются, сворачиваются или прекращаются”.

Одним из основополагающих принципов ООН является суверенное равенство всех ее членов. Но о каком равенстве может идти речь, если Совет Безопасности принимает решения, без учета мнений других государств.

Представители умеренного направления относятся к правилу единогласия постоянных членов более либерально, хотя тоже признают его недемократичность. Для этой группы характерен прагматичный подход к решению вопроса о вето. Большинство государств понимает, что постоянные члены не откажутся от своих привилегий, и это заставляет их занимать более гибкую позицию. Общим элементом предложений по поводу применения вето является то, что они не требуют внесения поправок в Устав. Например, Группа десяти** предлагает Генеральной Ассамблее, в соответствии со ст. 10 Устава, дать конкретные рекомендации, “направленные на ограничение сферы, где может применяться вето”.

Постоянным членам предлагается индивидуально и коллективно заявить в письменной форме, “что они обязуются не применять вето, как это рекомендовано Генеральной Ассамблеей”.

Их призывают осуществлять право вето “только тогда, когда они считают, что вопрос имеет жизненно важное значение”¹² и в каждом случае указывать “в письменной форме, почему они полагают, что для этого есть основания”.

Но эта модель кажется неэффективной, так как, во-первых, рекомендации Генеральной Ассамблеи не носят обязательного характера, следовательно, не могут влиять на решения Совета Безопасности; во-вторых, до тех пор, пока право вето не будет отменено, всегда будет существовать угроза использования вето или так называемое “вето в кармане”, которое, зачастую, не менее эффективно.

Италия, занимающая по вопросу о привилегиях постоянных членов ту же позицию, что и Группа десяти, предлагает попытаться ограничить сферу применения вето, и рассмотреть требование о том, что для блокирования принятия резолюции необходимо, по крайней мере, двойное вето. К сожалению, модель, предложенная Италией, тоже не может быть эффективной, так как она не предусматривает соответствующего закрепления в Уставе.

Страны, придерживающиеся консервативного направления в вопросе о праве вето единодушно выступают против каких-либо изменений, и эта позиция остается неизменной.

Россия неоднократно подчеркивала, что, по ее мнению, “нет оснований менять нынешний статус постоянных членов Совета Безопасности в органической взаимосвязи их прав и обязанностей”. Более того, наша страна заявляет о том, что для нее неприемлема реформа, хоть в чем-то ущемляющая прерогативы и полномочия “пятерки”, она считает, что “неоправданная критика института вето лишь подогревает ненужные эмоции и не способствует достижению искомого согласия по параметрам реформы”.

Эту принципиальную позицию России разделяют все постоянные члены Совета Безопасности.

Так, например, представитель Франции в своем выступлении на 56 сессии Генеральной Ассамблеи сказал следующее: “Мы привержены праву вето в том виде, в котором оно признается в Уставе. Его применение не может регулироваться или

ограничиваться заранее определенными критериями. Совет Безопасности должен быть в состоянии полностью выполнять свою главную обязанность, возложенную на него согласно Уставу”.

Все постоянные члены Совета Безопасности считают правило единогласия важным и необходимым компонентом механизма согласования и принятия решений в Совете.

Так, в ответ на предложения развивающихся государств об ограничении использования права вето Россия заявляет: “...последнее время вето используется редко, что является убедительным свидетельством возросшей согласованности в Совете”.

Так, Россия после распада СССР использовала свое право вето лишь дважды (по вопросам о миротворческих силах на Кипре и транспортировки гуманитарных грузов в Боснию и Герцеговину), США (с 1990 г.) – 6 раз, Китай – 1 раз, Франция и Великобритания – ни разу.

Действительно, по сравнению с периодом “холодной войны” (соответственно, – 120, 76, 5, 18 и 32), право вето используется гораздо реже. После распада Советского Союза и прекращения конфронтации внешняя политика стран стала прагматичной: теперь члены “пятерки” предпочитают договариваться на неофициальных встречах и закрытых заседаниях. Это дает развивающимся странам повод говорить о том, что постоянные члены действуют исключительно в узконациональных интересах.

С другой стороны, право единогласия – “важный механизм согласования и принятия решений в Совете Безопасности”. В защиту этого института справедливо приводится негативный опыт Лиги Наций, все члены которой обладали правом вето. Это приводило к параличу всей деятельности Лиги в те моменты, когда требовалось принимать срочные решения о поддержании мира, поскольку возражение любого государства обрекало Лигу Наций на практическое бездействие.

Россия, как и другие постоянные члены Совета Безопасности, считает, что ограничение или отмена права вето приведет к снижению работоспособности Совета, а, следовательно, эффективности ООН в целом. Если все члены получают право вето, то теряется смысл основ деятельности Совета; а если предоставить право вето выборочно, только по определенным вопросам, то это потребует пересмотра ряда положений Устава ООН (например, гл. V, п. 2, ст. 24), что резко ограничит компетенцию Совета Безопасности. Это неприемлемо, так как в соответствии с Уставом он несет главную ответственность за поддержание мира и безопасности.

Совет Безопасности должен быть оперативным, гибким и эффективным органом.

Нельзя менять акценты в распределении функций между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей в пользу последней, нельзя произвольно расширять права Генеральной Ассамблеи. В ней проводятся полезные дискуссии, происходит обмен мнениями по самым актуальным международным вопросам, выявление позиций сторон. Другое дело – сокращение числа вопросов в повестке дня. К тому же, Генеральная Ассамблея собирается на свои сессии только один раз в год, примерно на три месяца, а Совет Безопасности – оперативно.

Все государства-члены ООН солидарны в том, что реформа Совета Безопасности, не затрагивающая методы его работы, не может быть эффективной. Речь идет, прежде всего, о повышении открытости в деятельности Совета.

Согласно ст. 24 Устава ООН, “для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени”.

На практике Совет Безопасности редко руководствуется мнением членов Организации при принятии решений. Особое недовольство у тех, кто не является членами Совета Безопасности, вызывают закрытые заседания и неофициальные консультации, на которых принимаются наиболее важные решения. Государства-члены настаивают на предоставлении

им возможности вносить свой вклад в работу Совета Безопасности.

Рабочая группа открытого состава, в рамках которой происходит разработка проекта реформы Совета Безопасности, в 1995 г. предложила ряд мер, направленных на совершенствование методов работы Совета, которые предусматривали как совершенствование уже сложившейся практики, так и рассмотрение новых мер. Суть этих предложений заключается в повышении открытости работы Совета и установлении более тесных отношений между СБ, Генеральной Ассамблеей и членами ООН в целом.

Для этого Совету Безопасности рекомендовалось:

- чаще прибегать к проведению открытых заседаний;
- включать в Журнал ООН аннотированную повестку дня и информацию о решениях, которые могут быть приняты на официальных заседаниях СБ;
- проводить брифинги для не членов, а также распространять резолюции и резюме неофициальных обсуждений;
- проводить на регулярной основе консультации со странами, предоставляющими войска (для миротворческих операций);
- предоставлять Генеральной Ассамблее более предметный, то есть более содержательный, ежегодный доклад о работе Совета Безопасности.

Эти предложения нашли одобрение у большинства государств-членов ООН и легли в основу процесса обновления работы Совета Безопасности. Важно учитывать то, что совершенствование методов работы Совета Безопасности не одноразовый акт, а перманентный процесс, который будет зависеть от изменений, происходящих в международных отношениях. В этом смысле методы работы Совета должны быть гибкими, чтобы он мог адекватно и оперативно реагировать на вызовы времени.

Надо сказать, что вопросы, связанные с улучшением методов работы Совета Безопасности, вызывают гораздо меньше споров и противоречий между государствами-членами, чем вопросы, связанные с расширением его членского состава. Это объясняется тем, что в большинстве случаев меры, направленные на совершенствование работы Совета, не требуют внесения поправок в Устав ООН, и, следовательно, схема реализации этих мер на практике достаточно проста. Очень многое зависит от постоянных членов Совета Безопасности, так как их политическая воля определяет методы работы Совета. Практика показала, что постоянные члены сами заинтересованы в улучшении методов работы Совета, поэтому с внедрением новых мер серьезных проблем не возникает.

Перспективы реформы СБ и ООН в целом. Позиция России

Россия осознает “реальную потребность в широкой опоре Совета Безопасности при принятии решений на мнение членов мирового сообщества”. Ее позиция базируется на том, что для совершенствования методов работы Совета Безопасности, прежде всего “следовало бы полнее использовать весь заложенный в Уставе Организации Объединенных Наций потенциал”, и, что Совет сам должен предпринимать шаги в сторону большей открытости для остальных членов ООН.

Так, например, в течение 1994 г. в рамках действующих процедур Советом Безопасности были приняты решения, “позволяющие всем членам организации Объединенных Наций получать о его деятельности более полную и оперативную информацию и доводить свое мнение до членов Совета”.

Россия также высказывается за полноценное использование ст. 11 и 12 Устава ООН, которые предусматривают доклады Совета Безопасности Генеральной Ассамблеи, и поддерживает пожелания государств “совершенствовать формат и характер таких докладов, повышая тем самым транспарентность (открытость)”. Но при этом, по мнению российской

делегации, “подход к докладу должен осуществляться в контексте заложенной в Уставе своего рода гармонии полномочий и статусов главных органов ООН. Включая соотношение прерогатив Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности”. Другими словами, Совет должен налаживать более тесные связи с Генеральной Ассамблеей и быть подотчетным ей, но при этом оставаться “единственным хозяином в процессе принятия своих решений”.

В целом, положительно оценивая деятельность Совета Безопасности по увеличению открытости, Россия, как и остальные члены “пятерки”, не одобряет чрезмерную открытость в его работе.

Так, Соединенные Штаты, в частности, считают, что “чересчур большая транспарентность (открытость) помешает откровенным дискуссиям и приведет к переносу их из залов Совета туда, где может быть обеспечена секретность”.

Фактически увеличение открытости Совета Безопасности для государств-членов ООН зависит от их постоянных членов, которые не намерены полностью отказываться от закрытых заседаний и неофициальных консультаций, на которых решаются важнейшие международные вопросы. Таким образом, “пятерка” сама варьирует степень открытости в деятельности Совета. В итоге государства-члены ООН получают ровно столько информации, сколько им готовы предоставить постоянные члены Совета Безопасности. И хотя такая тенденция нарушает положение Устава ООН о том, что при принятии решений Совет Безопасности действует от имени всех государств-членов, но она отвечает национальным интересам каждого из постоянных членов, в том числе России.

Позиция России по реформе Совета Безопасности – с одной стороны, четкая и разумно консервативная, а с другой – достаточно гибкая в разумных пределах. Россия открыта к варианту расширения Совета в обеих категориях его членов – постоянной и непостоянной, но в любом случае с включением в расширенный Совет не только высокоразвитых индустриальных государств, но, вероятно, в весьма отдаленной перспективе, и влиятельных развивающихся стран. При этом Совет должен сохранить разумную компактность, не разбухая до размеров неуправляемого дискуссионного клуба. Это необходимо для эффективного выполнения этим органом его функций по Уставу ООН. Российская Федерация против ущемления в каком-либо виде статуса нынешней “пятерки” постоянных членов Совета Безопасности, и рассматривает право вето в качестве важного инструмента нахождения общеприемлемых решений в рамках Совета.

Россия настаивает на том, “что окончательное решение по реформе Совета должно опираться на максимально широкое согласие государств-членов ООН, в идеале – консенсус”. Таким образом, для Российской Федерации неприемлемы крайние варианты. Реформа должна быть тщательно разработана и продумана, и пользоваться поддержкой всех постоянных членов Совета Безопасности.

Россия и ООН вступили в XXI столетие в состоянии реформ, исход которых во многом будет определять развитие международных отношений в будущем.

Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан перед открытием 58-й сессии Генеральной Ассамблеи говорил о понимании необходимости реформирования ООН и, в частности, Совета Безопасности. Однако заявил он, “радикальной реформы Организации Объединенных Наций не будет”. К. Аннан самокритично признал: “У меня есть нехорошее чувство, что система не работает так, как должна была бы работать”.

Необходимость сохранения ООН и повышения ее роли в международной политике обусловлена тем, что ООН является межгосударственной организацией. Она объединяет, в том числе и малые страны. В “восьмерку” такие государства никто не пустит. ООН – это возможность государства заявить о себе, о своей позиции.

Российская позиция в отношении реформы ООН определяется ее политическими и экономическими интересами. Так как на расширении Совета настаивает большинство членов ООН, то Россия выступает за решение этого вопроса на компромиссной основе.

Но в целом по вопросу реформирования Совета Безопасности Россия занимает консервативную позицию: минимальные изменения, не затрагивающие привилегий

постоянных членов. Драматические события последнего времени показали, насколько чувствительной для большинства государств-членов является проблема реформы Совета Безопасности. Россия, руководствуясь, прежде всего интересами обеспечения эффективности Совета Безопасности, выступала и выступает за то, чтобы возможные модификации этого ключевого органа стали результатом вызревшего общеприемлемого решения.

Члены ООН договорились продолжить переговоры и не форсировать голосование, которое грозило расколоть Организацию.

Россия положительно относится к реформированию структуры ООН по сокращению ее дублирующих функций; упорядочению системы финансирования и разумному сокращению бюджета ООН для устранения распыления средств Организации; по интенсификации работы имеющихся органов для наполнения ее конструктивным содержанием.

ООН не идеальная структура, но лучшая в современном мире.

С усложнением мировых проблем стало очевидным, что эта организация нуждается в серьезной перестройке. С помощью ООН мировое сообщество способно эффективно противостоять угрозам миру и безопасности в условиях изменяющихся геополитических реалий.

Россия осознает, что ООН выполняет уникальную координирующую и организационную роль в новых исторических условиях.

Участвуя в реформе ООН, Россия повышает авторитет Организации, равно как и свой собственный. Реформа ООН еще не завершена. Чем сильнее будет ООН, тем увереннее будет чувствовать себя Россия.

В этом состоят главные российские приоритеты.

Примечания

* Окончание. Начало см. “Обозреватель—Observer”. 2006. № 5.

** В эту группу входят Австралия, Австрия, Бельгия, Болгария, Венгрия, Ирландия, Португалия, Словения, Чешская Республика и Эстония.

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В МАКЕДОНИИ*

Македония: подходы к урегулированию кризиса

Е.Пономарева,
кандидат политических наук

Силовой фактор сдерживания и урегулирования конфликта

Этнополитический конфликт в Македонии имеет глубокие исторические, социально-психологические, культурно-ментальные и геополитические корни. Однако его “разрешение” происходило без учета конфликтной природы. Сам факт возникновения Македонии как самостоятельного государства был зависим от внешнего фактора. Последний и определил выбор модели урегулирования кризиса 2001 г.

С 1992 г. по 1998 г. на территории Македонии были размещены миротворческие силы ООН для предотвращения распространения насилия из других республик распавшейся Югославии. Особое внимание уделялось обеспечению стабильности северных районов, граничащих с Косово.

Согласно Резолюции № 795 (декабрь 1992 г.) СБ ООН, было принято решение перевести из Хорватии в Македонию 700 голубых касок.

16 июня 1998 г. в результате ухудшения обстановки в Косово Генеральный Секретарь ООН Кофи Аннан заявил о необходимости увеличить число голубых касок в Македонии и одновременно призвал к продлению здесь мандата миротворческих сил ООН.

Однако из-за признания Македонией в начале 1999 г. Тайваня, СБ не смог продлить мандат миротворческих сил ООН в результате вето, наложенного китайской стороной. Создался вакуум, который в условиях разжигания косовского кризиса, грозил подорвать внутреннюю безопасность Македонии.

По словам главы миротворческой миссии ООН в Македонии (1995–1999 гг.) Генри Сокалского, силы ООН покинули страну в то время, когда македонское государство больше всего нуждалось в их присутствии.

Однако Македония не осталась “один на один” с расширяющейся угрозой сепаратизма и экстремизма – место сил ООН заняли войска НАТО.

Отношения между Македонией и НАТО начинают развиваться с 1996 г., когда было подписано Соглашение о статусе вооруженных сил НАТО в Македонии (СОФА – Status of Forces Agreement) и страна стала 27 участником программы НАТО “Партнерство ради мира”. Соглашение с НАТО македонский парламент принял без всяких предварительных обсуждений, причем голосующих против ратификации Соглашения не было. Но ряд положений СОФА представителями политической и интеллектуальной элит рассматриваются как оскорбительные и унижительные для принимающего натовские силы государства.

Например, согласно этому документу, в случае, если представители вооруженных сил

НАТО совершат преступление в принимающем государстве, они подлежат судебному процессу и мерам, которые принимаются против них исключительно со стороны государства, которое их отправляет в миссию НАТО.

При этом македонская сторона не имеет никаких прав требовать юридическое, денежное или иное возмещение за физический или моральный ущерб, нанесенный на ее территории или в отношении ее гражданина.

Кроме того, провозглашение “Партнерства ради мира” “партнерством в целях проведения миротворческих операций” реально означает не что иное как “партнерство для проведения полевых учений, которые проводились с участием американских войск и под абсолютным контролем над военными со стороны США”^{**}.

Почти одновременные события, связанные с признанием Тайваня, уходом сил ООН из Македонии и началом косовского кризиса, для многих македонских ученых означают гораздо большее, чем простое совпадение.

По мнению С.Шкарича, “Тайванизация Республики Македонии зависит от американизации и прихода сил НАТО на Балканы. Эти процессы тесно связаны с войной в Косово в 1999 г. и с войной в Македонии в 2001 г. Признание Тайваня... – это дипломатическая интрига, имеющая геостратегические цели глобального характера”¹.

Формальным поводом для прихода натовских сил в Македонию (1998 г.) стало открытие в стране командного центра военных сил спасения для предоставления помощи международной верификационной миссии ОБСЕ в Косово^{***}.

Следующим шагом стало развертывание в 1999 г. международных сил по поддержанию мира в Косово (КФОР) на территории Македонии.

В условиях отсутствия иного международного гаранта безопасности в стране, когда косовский кризис углублялся, обещания и поддержка со стороны НАТО казались обязательным условием для поддержания мира и стабильности в стране. Тем не менее, через два года после авиаударов по Югославии, в условиях, когда на территории Македонии по-прежнему находились натовские силы в качестве гаранта стабильности, страна оказалась беззащитной в момент военного нападения косовских боевиков, а затем и перед лицом вооруженных действий местных албанских террористов.

В феврале 2001 г. Македония оказалась действительно в очень сложной ситуации. То обстоятельство, что Освободительная Национальная Армия (УЧК) с самого начала выступила с оружием в руках, предопределило ответное применение силы правительством, которое стремилось предотвратить угрозу территориальной целостности страны. К сожалению, это практически не оставило места для невоенных путей разрешения кризиса на внутригосударственном уровне.

Правительство Македонии объявило бойцов УЧК “террористами”, а их выступление – агрессией с территории Косово. Оно отказалось от переговоров и попыталось бомбардировками албанских сел вытеснить УЧК из занятых ею населенных пунктов, вынудить вернуться в Косово. Однако к концу мая 2001 г. стало очевидно, что правительство не смогло справиться с кризисом ни военными, ни политическими методами – между албанскими и македонскими партиями возникли серьезные противоречия по вопросу урегулирования конфликта. Более того, ситуация усугублялась кризисом правительства “национального единства”^{****}.

Македонские и албанские политики почти не предпринимали согласованных усилий и не обращались к соответствующим группам населения с призывом встать над межэтническими разногласиями, сохранить целостность общего государства.

Посреднические усилия международных организаций были предприняты относительно поздно, но международное сообщество осудило вооруженное выступление УЧК. Хотя НАТО, ОБСЕ и ЕС смогли договориться о координации своих действий, они занимали двойственную позицию в отношении путей преодоления кризиса: с одной стороны, они не отказывали Македонии в праве на военное решение проблемы, формально поддерживая македонское руководство в борьбе с “албанскими бунтовщиками”, а с другой

– настаивали на политическом решении кризиса.

В результате македонские власти были вынуждены пойти на уступки албанским террористам и их легитимным политическим представителям.

Демократия в Македонии строилась с точки зрения интеграции страны в НАТО.

По сути, натовская модель урегулирования албано-македонского конфликта создала условия для превращения полиэтнического общества в полиэтническое государство.

Основные усилия по поиску урегулирования кризиса – как самостоятельно, так и совместно – предпринимали Высокий представитель ЕС по общей внешней политике и политике в области безопасности Хавьер Солана и Генеральный секретарь НАТО Джордж Робертсон.

Благодаря их посредничеству ЕС и НАТО удалось не только договариваться о временных перемириях, но и отговорить премьер-министра Георгиевского от введения военного положения (6 мая и 6 июня 2001 г.). В конце июня была достигнута договоренность о перемирии, итогом которого стал вывод (фактическое спасение) окруженных правительственными войсками в Арачиново бойцов УЧК под охраной НАТО (!) в Буссен.

26 июля 2001 г. Солана и Робертсон в сопровождении председателя ОБСЕ, министра иностранных дел Румынии Мирчи Джоанэ прибыли в Скопье с сообщением о том, что “НАТО, ЕС и ОБСЕ готовы оказать содействие в контроле за соблюдением возможного соглашения о мире”.

По сути, македонской стороне было сделано предложение, от которого невозможно отказаться: в начале июля 2001 г. македонское правительство согласилось не только на переговоры с лидерами албанцев, но и на выполнение вызывавшие особые споры требований албанской стороны. Запад вынес на переговоры проект конституции, подготовленный бывшим руководителем Комиссии ЕС Робертом Бадинтером.

Рамочное Соглашение: путь к федерализации Македонии

В Охриде 13 августа 2001 г. македонским правительством и представителями албанских партий (УЧК не участвовала в этой процедуре, хотя и заявила о своей готовности поддержать документ) было подписано Рамочное Соглашение (РС).

Положения этого документа кардинальным образом изменили политическое пространство страны.

Вот некоторые из них:

- официальное применение албанского языка в парламенте (с синхронным переводом) и в областях, в которых албанцы составляют не менее 20% населения;
- опубликование законов и выпуск всех официальных документов, включая паспорта, на македонском и албанском языках;
- запрет дискриминации и предоставление албанцам равных возможностей для устройства на государственную службу;
- увеличение числа полицейских албанской национальности на 500 чел. к июлю 2001 г. и еще на 500 чел. к июлю 2003 г. в областях с албанским населением (в свою очередь албанцы согласились оставить контроль над полицией в компетенции центрального правительства);
- избрание (!) местных руководителей полиции советом общины из числа лиц, список которых представляется министерством внутренних дел;
- внесение поправки в преамбулу Конституции, из которой изымается упоминание этнических и национальных групп, а вместо этого вводится понятие “граждан Македонии”;

- введение принципа так называемого “двойного большинства” (в македонских СМИ его окрестили “механизмом Бадинтера”), который не позволяет навязать национальным меньшинствам невыгодные для них решения большинством голосов в парламенте;
- внесение поправки в ст. 48 Конституции, изъятие из ее текста понятия “национальность” и его замена на понятие “община”;
- создание нового института – комитета межобщинных отношений, который должен заменить совет по межэтническим отношениям;
- расширение прав албанцев, касающихся получения высшего образования на родном языке;
- использование албанских национальных символов.

Кроме того, боевикам УЧК была гарантирована амнистия.

15 августа 2001 г. Питер Файт (НАТО) подписал соглашение с лидером УЧК Ахмети, по которому бойцы УЧК должны были сдать войскам НАТО оружие, боеприпасы и форму. После одобрения странами-членами НАТО плана по отправке в Македонию 3000 солдат для разоружения албанских террористов, 27 августа 2001 г. силы альянса начали операцию по изъятию оружия у албанских террористов, действовавших на территории Македонии.

Вопреки официальным заявлениям представителей НАТО, которые утверждали, что операция завершилась успешно, вопрос о том, удалось ли полностью разоружить албанских боевиков, и сегодня остается открытым.

По мнению итальянского аналитика У.Паскали, существует большая вероятность, что Македония и в будущем будет сталкиваться с террористическими атаками со стороны албанских военизированных формирований, так как “албанские вооруженные банды не только не сдали оружие, но и продолжают вооружаться”.

Профессор Университета в Оттаве М.Чоссудовски считает, что ультиматум, предъявленный македонским властям, согласно, которому НАТО начнет операцию по разоружению албанских боевиков только после прекращения огня, предполагал на самом деле одностороннее прекращение огня македонскими силами. Что и было сделано 20 августа 2001 г. В таких условиях, по его мнению, “НАТО удастся контролировать прекращение огня, потому, что НАТО контролирует террористов”.

РС как модель урегулирования этнополитического конфликта в среде западных аналитиков принято считать плодом конструктивной деятельности представителей албанских и македонских партий под руководством македонского президента, которая в итоге должна привести к преодолению основных противоречий в стране и к созданию условий, необходимых для мирного сосуществования македонцев и албанцев, проживающих в Македонии. Однако изучение этого документа, показывает, что Соглашение представляет не что иное, как плод так называемого нормативного иллюзионизма.

Например:

1. В нем гарантируется “мирное и гармоническое развитие гражданского общества с одновременным учетом этнической идентичности и интересов всех македонских граждан”.

Однако во всех положениях документа акцент делается не на вопросах, касающихся дальнейшего развития единого гражданского общества для преодоления разделительных линий между этносами, а именно на тех аспектах, которые делают этническую принадлежность основным регулятором в политической, экономической, культурно-образовательной деятельности страны. Во время переговоров даже были предложения, чтобы устранить в преамбуле понятие “македонский народ” как исторический факт.

2. Согласно документу, обеспечение “справедливого представительства общностей (communities)” является приоритетной целью по всем направлениям общественной и государственной деятельности.

Необходимо отметить, что категория “общность” в том значении, которое ему

придается в Соглашении, отсутствует в европейском конституционном праве.

Эта категория является философской, социокультурной, но ни в коем случае не юридической. Сравнения Македонии с Бельгией, Испанией или Кипром являются некорректными и даже ошибочными.

“Языковые общности”, которые существуют в Бельгии, соответствуют федеративному устройству данного государства.

Республика Македония, однако, не является федерацией, и все усилия правительства направлены на преодоление опасности территориального деления страны по этническому или религиозному принципу и на сохранение унитарной модели государственного устройства.

В Конституции Испании понятие “общность” означает “территориальную общность”, обладающую широкой автономией. Такой подход отражает историческую, национальную, государственно-юридическую специфику этой страны, в которой веками проживают лица, не принадлежащие к испанскому народу, но одновременно не имеющие государства вне границ Испании.

Тем не менее, творцы “македонской судьбы” попытались скопировать опыт европейцев, имплантировать его в совершенно иную реальность. В результате получилась ущербная модель – форма демократии, центральное место в которой занимает не индивид, а “общность”, которая стала синонимом этноса, народа.

3. Ст. 7 РС предусматривает, что помимо македонского языка “любой иной язык, на котором говорит более чем 20% населения, является также официальным государственным языком... В отношении языков, на которых говорят менее чем 20% населения, решение об их применении будет приниматься местными органами самоуправления”.

Согласно ст. 48 Приложения А “лица, принадлежащие к общностям, имеют право свободно выражать, беречь и развивать свою идентичность и особенности своих общностей и употреблять символику своей общности (выд. – Авт.)”.

В этой связи македонцев беспокоит тот факт, что “албанская общность” находит свои исторические, культурные, этнические связи с албанцами, проживающими на территории Албании, и считает государственную символику албанского государства отражением идентичности своей собственной общности.

Г.Силяновска обращает внимание по этому поводу на то, что “национальная символика, которая идентична с государственной символикой национального албанского государства, как в случае с албанским государственным флагом, который встречается в этом качестве и в Республике Албания, и в Косово, и в Республике Македония, предполагает открытые территориальные претензии. Там, где используется символика, туда и распространяется территория и юрисдикция этого государства”.

4. Этнический принцип твердо закрепляется и в положениях, касающихся законодательной процедуры: “...конституционные изменения и Закон о местном самоуправлении не могут быть приняты без квалифицированного большинства в 2/3 голосов, в рамках чего необходимо большинство голосов депутатов, которые утверждают, что принадлежат к тем общностям, которые не составляют большинство населения в Македонии”.

Такой же принцип голосования устанавливается и по отношению к внесению тех законов, которые непосредственно затрагивают сферы культуры, образования, законы о местном финансировании, об употреблении языка, документов личного удостоверения, об употреблении символики, о местных выборах, о межобщинных границах. Внесение изменений в Преамбулу македонской Конституции или в другие документы, затрагивающие права членов общин, подлежат такой же процедуре голосования.

К таким положениям отнесены вопросы, касающиеся Республиканского Судебного Совета, Конституционного Суда и Совета Безопасности Македонии.

5. Отдельного внимания заслуживает положение, касающееся полномочий так называемого Комитета по вопросам отношений между общностями. Согласно ст. 69 РС в

случае возникновения спора в Собрании (парламенте Македонии) по вопросам культуры, образования, употребления языка, документов личного удостоверения и употребление символики он решается этим Комитетом, который оказывается, таким образом, выше всенародно избранного законодательного органа республики.

Принцип “недискриминации и справедливости” отражен в положениях, касающихся состава и структуры государственной администрации, публичных предприятий, армии и полицейских служб.

Например, ст. 5 гласит: “стороны обязуются до 2004 г. обеспечить такие условия, в рамках, которых, полицейские силы будут отражать состав и распределение населения в Македонии”.

Для выполнения данного положения до 2003 г. в Македонии дополнительно должно было обучиться 1000 полицейских из лиц, представляющих те общности, которые не являются большинством населения. Они, согласно договору, должны быть распределены “в тех областях, где проживают такие общности”.

Учитывая тот факт, что самое многочисленное меньшинство в Македонии – это албанское, то и обучались в основном албанцы, которые распределены в зоне боевых действий 2001 г., то есть там, где компактно проживает эта общность.

В условиях, когда значительная часть населения этого региона обладает нелегальным оружием, в том числе и тяжелым, вооружение еще 1000 лиц и их расположение в регионе, в котором мир продолжает оставаться хрупким, представляется странным.

Таким образом, самые болезненные вопросы, затрагивающие интересы всех македонских граждан, теперь решаются не в соответствии с потребностями и интересами большинства населения, представленного большинством депутатов в Собрании, а в соответствии с настроением и желанием албанских депутатов. Положениями РС им де-факто предоставлено право вето по упомянутым вопросам.

Македония сделала очередной шаг по пути превращения в псевдосовременное государство, в котором меньшинство во многом предопределяет судьбу большинства.

Такое государство можно считать квазигосударством, так как его институты слабы и не способны к монопольному контролю над аппаратом насилия. Кроме того, современные трансформационные процессы стимулируют в нем внутренние конфликты.

После окончания срока сдачи оружия боевиками, 26 сентября 2001 г. Североатлантический альянс принял решение о продлении своей миссии в Македонии. Главная цель данной операции – недопущение возобновления вооруженных действий, обеспечение безопасности наблюдательной миссии ОБСЕ в Македонии, и, прежде всего, обеспечение условий для немедленного исполнения РС. После ее окончания (16 декабря 2002 г.), по просьбе македонского Президента Бориса Трайковского, НАТО согласилась и дальше оказывать поддержку македонскому правительству. Миротворческая операция альянса состоит из двух частей: оперативной и совещательной.

Оперативный компонент – обеспечение поддержки иностранных наблюдателей, совещательный – предоставление помощи македонскому правительству в организации управления страной.

Помимо этого, операция была направлена и на проведение реформ в македонской армии по стандартам НАТО.

По оптимистическим оценкам, присутствие НАТО в Македонии во время кризиса и на этапе постконфликтного урегулирования является условием стабильности и безопасности. Есть и пессимистичная точка зрения на ситуацию. Согласно позиции ряда аналитиков, македонское правительство, по сути, передало все свои полномочия и национальную независимость силам НАТО – “Македония больше не управляет Македонией”.

По мнению Е.Гуськовой, македонское государство после кризиса является “парализованным государством”. Паралич наступил еще во время кризиса, когда македонское правительство было вынуждено идти на серьезные уступки в пользу албанских

террористов и решать жизненно важные вопросы по критериям и стандартам НАТО и ЕС.

От соглашения с НАТО Македония, быть может, выиграла тактически, однако проиграла стратегически. Давление, которое НАТО, ЕС и ОБСЕ оказывали на македонское руководство, способствовало формированию негативного восприятия роли Запада в урегулировании кризиса, как со стороны правительства Македонии, так и среди македонского населения.

Например, 24 июля 2001 г. македонцы атаковали западные посольства, включая офис контрольной миссии в Скопье.

Пресс-секретарь македонского правительства и сам премьер-министр Георгиевский сделали несколько заявлений, в которых Запад обвинялся в пристрастности, в пособничестве террористам и в стремлении навязать Македонии федеративное государственное устройство.

Направленные в Македонию силы НАТО в целом воспринимались македонским населением как защитники УЧК.

Интересно в этой связи мнение бывшего генерала НАТО Дэвида Галанта. Он считает, что Рамочное Соглашение может быть полезно только для НАТО, а не для Македонии, так как "...договор не предполагает никаких значительных изменений в отношении общего состояния в Македонии, кроме одного: солдаты НАТО теперь легально вклинятся в Македонию".

Европейские институты в урегулировании конфликта

Доминирующая роль не только в Македонии, но и во всем балканском регионе, несомненно, сегодня принадлежит НАТО. Однако и другие международные посредники (кто как мог) старались зарекомендовать себя.

Деятельность контрольной миссии ОБСЕ в Скопье с февраля 2001 г. сводилась к ежедневным докладам об ухудшении межэтнических отношений и опасности, которую УЧК представляет для страны. ОБСЕ, в мандат которой входит обеспечение раннего предупреждения и предотвращения конфликтов, не смогла принять никаких мер, кроме констатации кризиса и осуждения "этнических чисток" македонцев, проводившихся в деревнях под Тетово.

Сама организация оправдывает такое положение нехваткой кадров (в миссии работало 26 сотрудников), недостаточным материально-техническим обеспечением для проведения широких превентивных мероприятий и необходимостью пересмотра мандата с тем, чтобы она могла эффективно противодействовать межэтническим столкновениям и участвовать в контроле за реализацией политического соглашения.

Тем не менее, ОБСЕ выполняла определенные функции в процессе постконфликтного восстановления, в частности осуществляла наблюдение за выполнением некоторых положений политического соглашения (возвращение беженцев и внутренне перемещенных лиц в места постоянного проживания, содействие осуществлению коммунальной реформы и подготовка кадров для этнически смешанной полиции).

Македонская модель урегулирования этнополитического конфликта, как боснийская и косовская модели, привела к установлению хрупкого мира. В случае ухода международных сил стабильность и безопасность в стране, а тем самым и в регионе, подвергнется серьезной угрозе.

Поддержание конфликтности и нестабильности – одно из условий управления политическим пространством периферийных обществ, закрепление заинтересованных сторон в регионе надолго, если не навсегда. Именно с этих позиций следует рассматривать активизацию роли сил ЕС. Евросилы вернулись в Македонию в рамках миротворческой операции в 2003 г.

До кризиса 2001 г. отношения между ЕС и Македонией были направлены, прежде

всего, на расширение экономических связей: ЕС предоставлял Македонии значительную финансовую и гуманитарную помощь.

В 1996 г. Македония стала частью программы ЕС ФАРЕ, в 1998 г. ЕС и Македония подписали Соглашение о сотрудничестве, согласно, которому македонской стороне предоставлялись асимметричные преимущества в торговле со странами ЕС.

В марте 2000 г. ЕС и македонское правительство начали переговоры по подготовке к подписанию Соглашения о стабилизации и ассоциации (САА).

Присутствие ЕС в стране стало заметно усиливаться после кризиса 2001 г.

На первом этапе была активизирована интенсивная челночная дипломатия между Брюсселем и Скопье, причем отношение ЕС к событиям в Македонии в начале определялось не с точки зрения посредника в конфликте, а с позиции “облегчителя”.

ЕС осуждал применение насилия со стороны албанских экстремистов, выражал поддержку македонскому правительству в борьбе против террористических действий албанских экстремистов и одновременно призывал македонские власти не предпринимать меры, которые могли бы стать причиной дальнейшей эскалации конфликта, выступал за начало диалога с политическими представителями албанского населения.

Однако при этом не принималась во внимание согласованность действий и требований албанских экстремистов и албанских политических представителей.

Принцип “с террористами переговоры не ведутся” игнорировался, что в свою очередь не могло не отразиться на позиции македонской стороны в ходе переговоров.

На втором этапе кризиса страны-члены ЕС объединили свои усилия с НАТО.

В процессе развития кризиса ЕС выступил с позиции “экономической дипломатии” в разрешении конфликта. Македонским властям была предложена значительная финансовая помощь в обмен на мирное разрешение конфликта (читай – уступки сепаратистам).

ЕС и США одновременно назначили своих представителей в Македонию – бывшего министра обороны Франции Франсуа Леотара и бывшего американского посла Джеймса Пердью. В совместную посредническую группу ЕС и США был включен и специальный представитель ОБСЕ, бывший Верховный комиссар ОБСЕ Макс ван дер Стул.

При этом НАТО “углубила” свои так называемые “технические контакты” с представителями УЧК для “установления косвенных связей между албанскими экстремистами и македонским правительством, которые должны были привести к прекращению огня”, что не одобрялось европейской стороной.

Третий этап – начало первой военной операции ЕС в истории существования Союза. Эта операция обеспечила странам ЕС доступ к активам и возможностям НАТО (в рамках МОС).

С началом операции ЕС в Македонии (31 марта 2003 г.) миссия НАТО закончилась. Однако по словам Х.Соланы, это не означало, что НАТО не будет иметь никакого отношения к дальнейшим событиям в стране, даже наоборот – следующая операция предполагает более тесные отношения между НАТО и ЕС. НАТО и сегодня остается в Македонии для предоставления помощи македонскому правительству в проведении реформ.

Операция ЕС в Македонии проводилась на основе Резолюции ООН № 1371 от 26 сентября 2001 г. и в соответствии с решением Совета ЕС о совместном действии от 27 января 2003 г. Согласно ст. 10 решения Совета ЕС вся система командования в рамках операции оставалась под политическим контролем и стратегическим управлением ЕС (после проведения консультаций между ЕС и НАТО).

Ответственный за проведение операции должен был докладывать о ходе операции только органам ЕС. НАТО же получала информацию о состоянии дел через соответствующие органы, в частности через Комитет по политическим вопросам и вопросам безопасности. Шесть членов НАТО, которые не являются членами ЕС, и Канада обладают правом принимать участие в проведении операции ЕС в Македонии.

Операция по начальным планам рассчитывалась на 6 месяцев, однако, в случае

изменения ситуации она может быть пролонгирована. Причин для этого в Македонии достаточно.

Выводы

Конституционные изменения и военное присутствие рассматриваются международными посредниками в качестве единственного способа урегулирования кризиса. Однако это не способствует разрешению конфликта, так как не устраняет его причины.

“Добровольный” отказ Сербии от управления территорией Косово и готовность признать независимость Края (кроме членства в ООН) в ближайшем будущем отразятся на внутривластной ситуации в Македонии, которая, несмотря на все усилия и меры по созданию оптимальных условий сосуществования македонской и албанской общин, остается взрывоопасной.

Примечания

¹ Шкарич С. Право, сила и мирот – Македония и Косово. Скопје: Култура, 2002. С. 111.

* Окончание. Начало см. “Обозреватель–Observer”. 2006. № 5.

** Речь идет о международных военных маневрах с участием США, Турции, Греции и Италии (май 1997 г.), воздушных маневрах на территории Македонии и Албании (июнь 1998 г.), которые, по некоторым оценкам, являлись средством запугивания и шантажа в условиях эскалации косовского кризиса, когда США добивались поддержки плана, касающегося воздушных ударов против Югославии.

*** Долгосрочная миссия ОБСЕ по улучшению межэтнических отношений началась в 1992 г.

**** В состав правительства “национального единства”, созданного 13 мая 2001 г. при поддержке ЕС, входили ведущие албанские и македонские политические партии. Кризис возник в результате подписания руководителями албанских партий Демократическая партия албанцев (ДПА) и Партия демократического благосостояния (ПДБ) – “мирного соглашения” с лидером УЧК Али Ахмети.

ИСТОРИЯ НАУЧНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

С.Калинченко,
кандидат исторических наук

Потребность в новом понимании сущности происходящих на Северном Кавказе социокультурных процессов весьма остро осознается сегодня на различных уровнях самосознания нашего общества, особенно в науке. Однако разработка концепции, отвечающая требованиям времени оказалась непростой задачей для ученых.

Своеобразное положение Северного Кавказа на юге России обусловлено не только его многонациональностью и исторически сложившимися ментально-психологическими особенностями народов, но и геополитическим статусом, промежуточной зоне между двумя великими цивилизациями: мусульманством и христианством. Кроме того, разные районы Северного Кавказа имеют неоднозначный уровень социально-экономического и культурного развития, и каждый район или народ требует конкретного подхода с учетом исторической ретроспективы. Поэтому Кавказ и его народы, различные социальные институты стали объектами исследования как российских, так и зарубежных ученых¹.

История развития науки на Северном Кавказе как социального института, влияющего на все сферы жизни общества, позволяет проследить процесс становления интеллектуальной элиты региона, использовать ее знания и научные методы для выработки современной государственной политики.

Возникновение первых НИИ на Северном Кавказе было вызвано различными причинами: богатство и разнообразие природных ресурсов, обилие памятников исторического прошлого. Изучение этого своеобразного региона России началось задолго до 1917 г. организацией экспедиций ученых Российской академии наук.

Видными представителями российской науки, исследовавших Северный Кавказ, были академики А.Шагрин, В.С.Миллер, профессор Ковалевский и др.

Особо следует отметить деятельность Броссе, первого в России академика, избранного в 1836 г. специально для разработки кавказоведческих проблем.

Труды названных ученых были посвящены филологии, истории, этнографии, археологии².

Значительную роль в привлечении периферии к научной жизни страны сыграла организация научных обществ, в состав которых входили как профессиональные ученые, так и любители.

Во второй половине XIX в. Академия наук перестала быть главным кавказоведческим центром. Лидерство в изучении Кавказа перешло в добровольные общества.

Русское археологическое общество (1846 г.), Кавказское общество сельского хозяйства (с 1850 г.), Кавказское отделение Русского географического общества (1851 г.), Археологическая комиссия (1859 г.), Кавказская археографическая комиссия (1864 г.) и др.².

Наибольших успехов рубежа XIX–XX вв. в научном изучении Северного Кавказа достигала деятельность краеведческих обществ.

Среди них особой активностью отличались Общество изучения Кубанской области (1897 г., г. Екатеринодар), Кавказское горное общество (1902 г., г. Пятигорск), Ставропольское общество для изучения Северокавказского края (1910 г., г. Ставрополь).

Направления деятельности обществ были разнообразны: научная, просветительская,

природоохранительная, издательская. Так как состав членов был достаточно пестрым, то данные общества следует относить к полупрофессиональным. Значение их деятельности состояло в популяризации научных знаний (истории, археологии), создании музеев, которые становились вспомогательными научными учреждениями³.

Особенностью всех научных обществ Северного Кавказа была их тесная связь со столичными научными центрами: Русским географическим, Русским Археологическим, Московским археологическим и т.д., которые оказывали влияние на исследование региона.

Отсутствие централизованного руководства наукой и высшей школой в дореволюционной России приводило к разобщенности в их деятельности, что отражалось на региональных научных исследованиях. Системно-культурные контакты между отдельными территориальными центрами оставались ограниченными. Каждый из них в своей культурной жизни предпочитал ориентироваться на столицы или небольшой ряд крупнейших провинциальных центров России.

Возможности развития научно-образовательной сферы российской провинции были ограничены. Крупнейшие города Северного Кавказа – Владикавказ, Пятигорск, Ставрополь – центры издательской и культурной жизни в дореволюционный период из-за отсутствия научных учреждений не имели материально-технической базы и достаточного числа квалифицированных специалистов для организации научных исследований.

Данная ситуация осложнялась низким уровнем грамотности населения.

К 1920 г. уровень грамотности колебался от 52,6% во Владикавказе до 0,84% в Чеченском округе.

Среди сельского населения наивысший уровень грамотности был у осетин (14,7%).

При этом у балкарского, ингушского, чеченского и многих народов Дагестана ко времени революции не было даже своей письменности.

Кроме этого, отсутствие высших учебных заведений в регионе отрицательно сказывалось на профессиональной подготовке кадров.

С момента становления советской власти на Северном Кавказе началась реализация политики большевиков в сфере науки и образования, которая рассматривалась в рамках создания “нового человека” и материальной базы социализма. Поэтому основными направлениями политики в 20-е годы XX в. было создание сети высших учебных заведений для подготовки профессиональных кадров; изучение природных, материальных, людских и иных ресурсов, которыми должны заниматься НИИ.

К началу 30-х годов на Северном Кавказе было образовано 9 научно-исследовательских институтов краеведения: Ингушский, Северо-Осетинский, Горский, Дагестанский, Кабардино-Балкарский, Адыгейский, Чеченский, Черкесский, Карачаевский.

Фактически НИИ были образованы в 1920-1926 гг. на базе прежних научных обществ. Последние три НИИ были образованы соответственно 1930 и 1932 гг.⁴.

Следует выделить два периода в становлении научных учреждений региона:

– 1920–1927 гг. – связан с возникновением первых НИИ в национальных областях Северного Кавказа, их самостоятельной работой, относительно слабым контролем со стороны государства;

– 1 второй – 1928–1941 гг. – характеризуется плановостью как научных исследований, так и организационно-управленческой структуры.

Согласно Положению о научно-исследовательских институтах краеведения, они создавались для “изучения естественно-производительных сил автономных образований, этнических национальных культур горских народов Северного Кавказа, изучения с научной точки зрения вопросов, вызываемых государственными потребностями; подготовки научно-практических работников; содействия культурному развитию трудящегося населения путем популяризации научных знаний”⁴.

В структуру НИИ входили отделы естественно-исторический, экономический, культурно-исторический; общее руководство осуществлял Совет института, состоявший из действительных членов института, научных сотрудников, представителей местных органов

власти. Непосредственное подчинение НИИ находилось в Главнауке при Наркомпросе РСФСР.

Открытие научно-исследовательских институтов в национальных областях Северного Кавказа проходило в различных социально-экономических, культурных, организационных условиях, касающихся как материальной базы научного учреждения, так и количества и качества научных работников. Общим направлением организации научных институтов был их краеведческий характер, связанный с деятельностью одноименных обществ.

Северо-Кавказский институт краеведения возник во Владикавказе (май 1920 г.) по приказу Терского областного отдела народного образования в “целях приложения научных знаний и выводов к опытно-практической деятельности правительственных учреждений края (отдел народного образования, совнархоз, облземотдел)...”⁵.

Директором института с 1920 г. до начала 1923 г. состоял профессор, геолог С.А.Гатуев, после его отъезда в г. Ленинград Н.В.Виддинов⁵, утвержденный Наркомпросом Горской Республики.

Основными направлениями деятельности института являлось систематическое и всесторонне изучение Северного Кавказа; собирание материалов краеведческого характера для научного музея.

Научная работа института в первой половине 20-х годов заключалась в организации экспедиций в районы автономных областей горских народов Осетии, Ингушетии, Чечни, Кабардино-Балкарии, Дагестана для изучения природы, экономики, этнографии, древностей края.

В экспедициях принимали участие профессор С.А.Гатуев, энтомолог М.А.Рябов, орнитолог Л.Б.Беме, зоолог Д.А.Тарноградский, этнограф В.П.Пожидаев и др.⁵.

Результаты научных исследований нашли свое отражение в общекавказском научно-информационном краеведческом журнале, который был создан на основании постановления 5-й сессии Центрального бюро краеведения при РАН.

В состав редколлегии вошли: от института краеведения Н.В.Виддинов, от Осетинского историко-филологического общества Г.Г.Бекоев; от Северокавказского педагогического института профессор В.Ф.Раздорский.

Общегосударственное значение деятельности Северокавказского института краеведения было отмечено Всероссийской конференцией по урегулированию научных учреждений РСФСР (протокол от 27 апреля 1922 г.), Московским отделением Центральным бюро краеведения при РАН, Главнаукой, Наркомом Дагестанской республики, научно-техническим Советом Карачаево-Черкесской области, Чеченской автономной областью, Представительством в Москве Горской республики, Центральным музеем Народоведения в Москве⁵.

Фактически Северокавказский институт краеведения заложил основы организационной структуры научных учреждений Северного Кавказа; определил основные направления научных исследований в рамках всех национальных областей региона. Вместе с тем нехватка научных работников привлекала к изучению региона ученых, работавших в вузах Владикавказа. Фактически одни и те же исследователи занимались научным изучением национальных областей всего Северного Кавказа.

Реорганизация Горской республики (1924 г.) привела к автономному существованию областей Северного Кавказа, что организационно отразилось на становлении НИИ в каждой республике.

Постановлением второй Краевой конференции по просвещению горских народностей (июль 1925 г.) Северокавказский институт краеведения был закрыт “как ненужное учреждение, в котором сидят люди, зараженные великодержавным шовинизмом, продолжающиеся придерживать старых методов и мешающих развитию и укреплению краеведческих организаций среди горских народов. Имущество его разделить между Северной Осетией и Ингушетией”⁴.

В результате проведенной реорганизации и Постановлением Северо-Осетинского

областного ревкома от 14 октября 1924 г. был организован Осетинский центральный научно-исследовательский институт краеведения. Базой формирования нового института стало Осетинское историко-филологическое общество⁶.

Еще в 1917 г. по инициативе осетинских исследователей учителя Б.А.Алборова, учителя реального училища Г.А.Дзагурова, М.Ю.Гадиева и др. было организовано “Осетинское историко-филологическое общество”, которое начало заниматься организацией систематических научных исследований в области осетиноведения, собирания памятников истории и культуры, реформы осетинской графики.

Организационный период длился около года и в марте 1925 г. институт начал свою работу в составе трех отделений: естественно-исторического, эко- номического и культурно-исторического. С первых дней своего существования институт развернул активную исследовательскую работу по сбору и систематизации устного народного творчества осетин.

В 1925–1941 гг. было подготовлено и издано пять томов серии “Памятники народного творчества осетин”, получивших широкое признание.

Проблематика и результаты исследовательской работы находили отражение в “Известиях ОСИИИ”.

В первом номере “Известий” в 1927 г. были опубликованы работы Ал.Кубалова “К вопросу о происхождении осетинских нартовских песен”, Б.Алборова “Всеволод Миллер”.

Таким образом, деятельность Осетинского НИИ в 20-е годы явилась продолжением научных исследований ученых дореволюционного периода. Основными направлениями изысканий были работы краеведческого характера, способствующие изучению культуры и быта осетин.

Ингушский НИИ краеведения был образован в 1926 г. из Северокавказского института краеведения.

В штате института в 1927–1928 гг. состояло 6 научных сотрудников. Среди них Г.К.Мартirosян (экономист), Л.П.Семенов (историк литературы и археолог), профессор В.Ф.Раздорский (ботаник), Л.Б.Беме (зоолог), А.Е.Вильяме (географ), Х.Б.Ахриев (художник)⁴.

Научная работа сотрудников института состояла в комплексной экспедиции (обследование фауны, быта и памятников древности).

Результаты исследований публиковались в “Известиях” института и монографиях.

В целом деятельность НИИ краеведения Ингушетии и Северной Осетии была основана на работе одних и тех же ученых, которые по-совместительству являлись внештатными сотрудниками институтов и учеными высших учебных заведений Владикавказа.

Первым официальным научным учреждением Кабардино-Балкарии, занимавшимся разработкой истории и этнографии населения было Кабардино-Балкарское общество изучения местного края, созданное в 1922 г.

Как видно из его устава, Общество имело целью “сбор, исследование материалов, характеризующих прошлую жизнь края, так и населявших современный быт и естественные богатства его”⁷.

Однако научная работа общества была незначительной и не могла удовлетворить потребностей новой власти в изучении природных ресурсов, экономики, истории, культуры, быта народов Кабардино-Балкарии.

6 января 1926 г. заседание Президиума ЦИК Советов Кабардино-Балкарии приняло постановление: “В целях привлечения научных сил в Кабарду и Балкарию для научного изучения и исследования естественных богатств и производительных сил области - экономики, истории, археологии и этнологии, в целях содействия и подготовки научных работников по краеведению, а также для распространения научно-проверенных сведений среди широких масс населения о Кабарде и Балкарии считать необходимым организовать в помещении Ленинского учебного городка Кабардино-Балкарский научно-

исследовательский институт”⁷.

Одной из самых важных и трудных задач, вставших перед институтом, была проблема кадров. В республиках Северного Кавказа в то время было мало людей с высшим образованием, способных вести научную работу.

Из штатных и внештатных научных сотрудников института специальную научную подготовку имели только В.А.Рюмин, В.П.Пожидаев, А.Б.Беме, профессор Н.А.Буш. Трое последних не жили в области и работали в институте по совместительству.

Из-за отсутствия необходимых научных сил деятельность института в 20-е годы ограничивалась сбором материалов по этнографии, истории фольклору кабардинцев и балкарцев, а также по социалистическому строительству в области.

Самостоятельное научное учреждение в Дагестане было создано в 1924 г., когда при Наркомате просвещения ДАССР был организован научно-исследовательский институт, призванный заниматься изучением истории и культуры. На институт возлагалась задача объединения всех научно-исследовательских работ, проводимых в республике⁸.

Из-за невозможности в те годы полностью обеспечить все отделы института высококвалифицированными научными кадрами как временная мера было предложено заключать соглашения с видными специалистами в научных центрах страны.

28 мая 1928 г. научно-исследовательский институт постановлением СНК ДАССР и Дагестанского обкома ВКП (б) был реорганизован в Научно-исследовательский институт дагестанской культуры для расширения и планомерной организации научно-исследовательской работы в республике⁸.

Деятельность института за 1928–1929 гг. носила по преимуществу организационный характер.

Необходимо было оформить институт на началах, выраженных в Положении о нем, установить регулярные отношения с научными организациями и объединениями. Главная проблема состояла в нехватке профессиональных научных сотрудников.

Три штатных работника института были не в состоянии развернуть крупные исследования.

Для этой цели привлекались ученые соседних областей и Центра⁹.

Однако необходимость в общем, координирующем центре организации всех научных исследований Северного Кавказа привело к образованию Северокавказского краевого горского НИИ краеведения (ноябрь 1926 г. по Постановлению № 73 Совнаркома).

Институт располагал 11 и 13 научных практикантов штатными сотрудниками.

Основными направлениями исследований являлось изучение естественно-производительных сил горских областей Северного Кавказа; морфологии и динамики этнографии горских племен; культуры, языка и письменности; экономики горских народов в области сельского хозяйства, промышленности; подготовка научных кадров¹⁰.

Как отмечалось в докладе директора Горского НИИ краеведения У.Д.Алиева на совещании краеведов и представителей национальных институтов, “разграничение работ местных горских исследовательских институтов мыслится в порядке изучения общегорских проблем Краевым институтом, локальных проблем – местными национальными институтами; сфера деятельности Краевого института может сужаться и расширяться в зависимости от местных исследовательских сил”¹¹.

В советское время, кроме традиционных Москвы и Петербурга, помощь новым научным центрам оказывали ученые и учреждения науки Ростова-на-Дону, Владикавказа, Ставрополя, Баку, Тбилиси.

В институты республик были переданы специальные библиотеки, архивные документы, содержащие ценные материалы и публикации.

Научное шефство над институтами взяли на себя головные научные учреждения: Институт языка и письменности народов СССР, Ростовский госуниверситет, Русский художественный музей с этнографическим отделением, Институт изучения материальной культуры и т.д. Благодаря этому на научные основы было поставлено изучение литературы,

этнографии, культуры народов Северного Кавказа.

Фактически все НИИ Северного Кавказа реорганизовались из местных научных обществ, которые еще в дореволюционное время являлись первыми организационными центрами научных исследований, объединяли в своих рядах как профессиональных исследователей, так и любителей родного края.

Главное внимание в деятельности НИИ в 20-е годы XX в. было уделено практическим задачам развития культуры, образования и издательского дела, формирования литературных языков народов Северного Кавказа.

Основные направления научных исследований носили гуманитарный характер (история, археология, этнография и пр.). Это было вызвано отсутствием материальной базы для прикладных исследований (лабораторий, опытных станций), недостаточным финансированием, что не способствовало активному развитию естественных и точных наук. Основы изучения истории, этнографии, литературы были заложены в дореволюционное время, поэтому в последующем эти же ученые продолжили свои изыскания. Кроме того, 20-е годы – это время формирования и утверждения новой марксистско-ленинской идеологии, нового общественного сознания. Поэтому обращение к гуманитарным наукам, активно влияющим на формирование мировоззрения человека, героическому опыту прошлого придавало особую актуальность историческим, филологическим, этнографическим исследованиям.

Проблемы становления НИИ в республиках Северного Кавказа были связаны не только с материальными трудностями. Низкий уровень грамотности местного населения, отсутствие специального опыта научных исследований тормозил процесс научного развития или делал его в основном описательным.

Одной из основных проблем была нехватка профессиональных исследователей. Ученые местных вузов и члены научных обществ являлись одновременно и штатными работниками, и совместителями научно-исследовательских институтов. Ограниченное число ученых, с одной стороны, тормозило динамику научных исследований, с другой – являлось хорошо скоординированным процессом, способствующим активному созданию научного пространства Северокавказского края.

В 20-е годы XX в. это была деятельность ученых дореволюционного периода, которые с энтузиазмом стремились реализовать свои знания в новых условиях.

Примечания

¹ Кузнецов В.А. Введение в кавказоведение. Владикавказ, 2004. С. 4.

² Орбели Р.Р. Кавказоведение. М., 1972. С.

³ Розин М.Д. Научные комплексы Северного Кавказа. Ростов н/Д, 2000. С. 22, 43.

⁴ Государственный Архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.Р.8060.Оп.3.Д.333.Л.1; Ф-А 2307. Оп.15.Д.15.Л.16; Ф-А 2307. Оп.105.Д.258 С. 22; Ф2307.Оп.17.Д.98.Л.41;Ф—А 2307.Оп.13.Д.43.Л.5.

⁵ Центральный Государственный Архив Республики Северная Осетия-Алания (ЦГА РСО-А). Ф.303.Оп.1.Д.70.Л.7; Ф-А.2307.ОП.9.Д.233. С.25, Л. 26.

⁶ ЦГА РСО-А.Ф.97 Д.37.

⁷ Центральный Государственный Архив Кабардино-Балкарской Республики (ЦГА КБР). Ф.4.Оп.1Д.23. Л. 418; Ф.16.Оп.1.Д.412.Л.183; Ф.187.Оп.1Д.2.Л.226.

⁸ Центральный Государственный Архив Республики Дагестан (ЦГА РД). Ф.р.73. Оп. 21.Д.197.Л. 2; там же. Д.188. Л.117.

⁹ Османов А.И. Центр исторической науки Дагестана // Флагман исторической науки Дагестана. Махачкала, 1998. С. 6.

¹⁰ Государственный Архив Ставропольского края. (ГАСК) Ф.1260.Оп.1.Д.1. Л. 12.

¹¹ Гозулов А. Горское краеведение и Северокавказский горский институт краеведения // Революция и горец. 1928. № 1. С. 49.

...И НАСТУПИЛИ БУДНИ

Как в Кунцево чествовали ветеранов

А.Берков,

Член Научно-экспертного совета
по международному праву председателя Государственной Думы РФ

В.В.Путин не раз говорил, как много делается для ветеранов Великой Отечественной войны и как этому мешают бездушные чиновники. Хотелось бы привести несколько конкретных примеров в подтверждение правоты Президента РФ.

Как участнику обороны Москвы мне был подарен автомобиль “Ока”; начали перечислять средства на транспортные расходы пока не найду водителя. Незадолго до Дня Победы сообщили, что ввиду ликвидации льгот отчисления прекращены. А если б был водитель? Чтобы не было впечатления, что подарок забрали обратно из Центра социальной помощи района “Фили-Давыдково” сообщили, что мне к празднику выделен... огнетушитель к отобранной машине.

– По инициативе Ю.М.Лужкова созданы продуктовые магазины “в шаговой зоне доступности”. Только они быстро были перепрофилированы на “автозапчасти”, пошивочную мастерскую и ломбард. Это же относится к аптекам: на ближних подступах не осталось ни одной.

– Незадолго до праздника началась тихая, можно сказать, секретная компенсация старых вкладов. Это весьма актуально для “доживателей”, как выражаются некоторые народные “непроходимцы” в Думу, которые, тем не менее, любят выступать от имени народа. Она организована так, что число “доживателей” намного уменьшится. Самое радикальное решение нашли в Сбербанке на Кутузовском проспекте дом 27/1. Его закрыли на ремонт на все лето.

– К празднику наводили порядок во дворах. Можно было ожидать, что будут убраны “ракушки” с газонов: соответствующее постановление публиковалось в “Московское правде”. Может быть в отдельных случаях делались неправомерные исключения для инвалидов. Но в доме № 64 по Малой Филевской улице поступили наоборот: перенесли их под окна инвалидов ВОВ и ленинградских блокадников.

– Мосэнерго тоже не осталось безучастным. Ко Дню Победы из Западного отделения “Центра обслуживания продаж энергии” пришло извещение, из которого явствует: “Льготы инвалидам войны теперь составляют не 50%, как сказано в Федеральном Законе “О ветеранах”, а 45. При этом ссылаются на местные “уточнения”.

Как юрист, полагаю, что данный казус мог бы быть рассмотрен с позиций статьи о вымогательстве УК РФ. Тем более, что совсем недавно последовало разъяснение Конституционного суда России. Он запретил региональным властям сокращать льготные выплаты из-за недостатка средств. По мнению судей, если у регионов не хватает средств на поддержание выплат, в этом им должен помочь федеральный бюджет.

“Недостаточность собственных доходных источников на уровне муниципальных образований влечет обязанность органов госвласти России и субъектов осуществлять в целях сбалансированности местных бюджетов надлежащее бюджетное регулирование”, –

говорится в постановлении Суда.

Это с нормативной точки зрения.

А с моральной возникает вопрос: насколько нравственно предлагать людям срочно прибыть на Мичуринский проспект с подлинниками инвалидных документов – под угрозой отключения энергии.

Почему с нами разговаривают на языке ультиматума?

И вообще, кто кого обслуживает: чиновники нас или наоборот?

Где предел беспредела?

– “Нет повести печальнее на свете, чем повесть о Ромео и Джульетте”, – писал

Шекспир.

Он был неправ. Есть!

Это повесть о капитальном ремонте.

Мой коллега, ленинградский блокадник живет в доме 30/32 по Кутузовскому проспекту. Там начали ремонт с того, что демонтировали все, что можно. И что нельзя! За неимением унитаза жильцы всего подъезда этого 11-этажного дома пользуются платным туалетом в переходе метро. А магазин “шаговой зоны доступности” создан в подвале с винтовой лестницей.

На этом фоне особенно впечатляет заботливое душевное отношение начальника отдела социального обеспечения Кунцевского райвоенкомата Л.А.Григорьевой.

Светлый человек, она проявляет заботу об инвалидах, помогает советом и делом. О таких, как она надо сегодня говорить в полный голос в связи с наметившейся тенденцией искусственного форсированного омоложения кадров.

Опытных профессионалов (а забота о людях тоже профессия, к сожалению вымирающая) заменяют молодыми, подчас привлекательными, как раньше говорили, “барышнями” в социальной среде, банковском деле, бюрократической работе. Но наша опора и защита не они, а подчас седовласые – “белые лебеди”.

К чему приводит такая замена, мне пришлось убедиться в канун Дня Победы, позвонив в Управу “Фили-Давыдково”, чтобы узнать, когда отключат на профилактический ремонт горячую воду. Вместо ответа “барышня” из отдела жилищно-коммунального хозяйства долго выясняла, откуда я знаю ее телефон. После чего выяснилось, что пока она меня “разоблачала”, все ушли.

“Но в чем проблема? Надо ножками, ножками принести воду из кухни. Видимо, вы слишком легко прошли войну”.

Где ей знать – молодой и красивой, что именно из-за ранений я не могу “ножками, ножками”.

...Недавние выступления Президента, его послание Федеральному Собранию Российской Федерации внушают надежду, что и на Управу найдется управа.